САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

№ 2 (14), 2023

Научный журнал

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2023

UDC 281.93(066)

The Edition is recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church
IS R24-403-0052

Editor-in-Chief

Dmitriy Andreevich Karpuk, Candidate of Theology, Assistant Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Editorial Board

Bishop of Peterhof Silouan (Nikitin Sergey Sergeyevich), Candidate of Theology, Rector of Saint Petersburg Theological Academy.

Metropolitan Kliment of Kaluga and Borovsk (Kapalin German Mikhailovich), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Chairman of Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Rector of Kaluga Theological Seminary.

Bishop Seraphim of Istra (Amel'chenkov Vladimir Leonidovich), Candidate of Historical Sciences, Doctor of Theology, Chairman of the Synodal Department for Youth Affairs of the Russian Orthodox Church.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Assistant Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Archpriest Georgiy (Yuriy) Nikolayevich Mitrofanov, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Theology, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Natalia Yuryevna Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Church History, Professor, St. Tikhon's Orthodox University of Humanities.

Petr Evgen'evich Bukharkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg Theological Academy.

Aleksey Vladimirovich Petrov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Mikhail Vital'evich Shkarovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal. — SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 — .

№ 2 (14). — 2023. — 156 p.

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Article authors, 2023
© Publishing House of Saint Petersburg Theological Academy, 2023

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5
В38

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р24-403-0052

Главный редактор

Дмитрий Андреевич Карпук, кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Редакционный совет

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич), кандидат богословия, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович), доктор исторических наук, кандидат богословия, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии.

Епископ Истринский Серафим (Амельченков Владимир Леонидович), кандидат богословия, доктор теологии, кандидат исторических наук, председатель Синодального отдела по делам молодежи.

Протоиерей Константин Александрович Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Протоиерей Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, кандидат философских наук, доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Наталия Юрьевна Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской духовной академии.

Алексей Владимирович Петров, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

В38 Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018– .
№ 2 (14). — 2023. — 156 с.

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Авторы статей, 2023
© Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Д. А. Карпук. Неравнодушные любители синодального периода, или Несколько слов в качестве предисловия 6

Церковно-государственные отношения в Российской империи

А. А. Назаров. Эволюция института обер-прокурора Святейшего Синода 9

М. А. Приходько. Министерство всех вер и религий в раннем проекте учреждения министерств 1801 г. 15

Высшая церковная иерархия

Е. С. Ульянова. Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Палладий (Раев): вологодский период епископского служения (1869–1873 гг.) 19

А. Н. Кашеваров. Деятельность митрополита Григория (Чукова) в контексте частичного возвращения святых мощей в 1940–1950-х гг. 30

Религиозно-просветительская и духовно-образовательная деятельность

Д. А. Карпук. Издательская и цензорская деятельность протоиерея Иоанна Яхонтова (1819–1888) 40

Протоиерей Владимир Чернецкий. Особенности деятельности школ грамоты Таврической епархии в конце XIX — начале XX вв. 51

И. В. Лобанова. Владимир Соловьёв и Анна Шмидт: смиренные пророки стихийного русского гнозиса 62

А. Ю. Макаров. Духовное состояние народа и Православной Церкви к началу революции 1905–1907 гг. Сравнительная характеристика мнений Христианского братства борьбы и группы 32-х петербургских священников 70

История Санкт-Петербургской епархии

Священник Павел Кадосов. Протоиерей Игнатий Васильев (1706–1769) как один из наиболее значительных представителей петербургского духовенства середины XVIII века 76

Н. Д. Голубятникова. Об увековечении памяти митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова) 91

Л. В. Королькова. Истории и судьбы «особо почитаемых» икон сельских и городских храмов Санкт-Петербургской губернии (XIX — начало XX вв.) 102

Е. Н. Ропакова. Денежные средства приходского храма: доходы и расходы Георгиевской церкви в 1845–1917 гг. (Гдовский уезд, Санкт-Петербургская епархия) 111

С. Н. Азарова. Барградский Николо-Александровский храм в Петрограде в период революционных преобразований 1917–1918 гг. (по материалам из архива старосты храма А. А. Дмитриевского) 123

А. С. Харчевников. Значение храма святого праведного Иова Многострадального в истории Санкт-Петербургской епархии 136

Юбилеи

«Все вышеизложенное дает нам основания говорить о двуединой памятной дате — начале издательской деятельности Академии и создании ее издательства». 10-летие издательства Санкт-Петербургской духовной академии 147

CONTENTS

From the Editorial Team

Dmitry A. Karpuk. Concerned Lovers of the Synodal Period, or A Few Words as a Preface 6

Church-State Relations in the Russian Empire

Andrey A. Nazarov. Evolution of the Institution of the Chief Prosecutor of the Holy Synod 9

Michael A. Prikhodko. The Ministry of All Faiths and Religions in the early draft of the establishment of Ministries in 1801 15

Higher Church Hierarchy

Elena S. Ulyanova. Metropolitan Palladius (Raev) of Saint Petersburg and Novgorod: the Vologda period of his Episcopal ministry (1869–1873) 19

Anatoliy N. Kashevarov. Activities of Metropolitan Gregory (Chukov) in the context of the partial return of Holy relics in the 1940s-1950s 30

Religious and Educational and Spiritual and Educational Activities

Dmitry A. Karpuk. Publishing and Censorship Activities of Archpriest Ioann Yakhontov (1819–1888) 40

Archpriest Vladimir Chernetsky. Features of the activity of the schools of literacy of the Tauride Diocese in the late XIX — early XX centuries 51

Irina V. Lobanova. Vladimir Solovyov and Anna Schmidt: Humble Prophets of Spontaneous Russian Gnosis 62

Alexey Y. Makarov. Spiritual state of the people and the Orthodox Church before the beginning of the revolution of 1905–1907. Comparing characteristics of the opinions of the Christian Brotherhood of Fight and of the group of the 32 St. Petersburg priests 70

History of the St. Petersburg Diocese

Priest Pavel Kadosov. Archpriest Ignatius Vasiliev (1706–1769) as One of the Most Significant Representatives St. Petersburg Clergy of the Mid-18th Century 76

Neonilla D. Golubyatnikova. On Perpetuating the Memory of Metropolitan Gabriel (Petrov) of Novgorod and St. Petersburg 91

Lyudmila V. Korolkova. History and fate of the "especially revered" icons of Temples in the countryside and urban churches of the St. Petersburg province (XIX — early XX centuries) 102

Elena N. Ropakova. Financial Resources of the Parish Church: Revenues and Expenditures of the Georgievskaya Church in 1845–1917 (Gdov Uyezd, Saint Petersburg Diocese) 111

Svetlana N. Azarova. Bargrad Nikolo-Alexander Church in Petrograd during the Period of Revolutionary Transformations of 1917–1918. (Based on materials from the archive of the temple headman A. A. Dmitrievsky) 123

Alexey S. Kharchevnikov. The significance of the Church of the Holy Righteous Job the Long-Suffering in the history of the St. Petersburg Diocese 136

Anniversaries

"All of the Above Gives us Grounds to Talk About a Two-Pronged Memorable Date — the Beginning of the Publishing Activity of the Academy and the Creation of its Publishing House». 10th Anniversary of the St. Petersburg Publishing House Theological Academy 147

Неравнодушные любители синодального периода, или Несколько слов в качестве предисловия

В очередном номере «Вестника Исторического общества» опубликовано 14 научных статей, из которых 12 — это переработанные доклады, представленные на научной академической конференции «Империя и Церковь».

В рубрике «Церковно-государственные отношения в Российской империи» опубликованы статьи наших постоянных авторов и участников «синодальной» конференции — А. А. Назарова и М. А. Приходько. В центре внимания статьи Андрея Александровича — эволюция власти обер-прокурора Святейшего Синода в XVIII–XIX вв. Поскольку эволюция действительно имела место, то это дает право исследователям выделять периоды и этапы в истории этого своеобразного института Российской империи, до сих пор вызывающего ожесточенные споры неравнодушных любителей синодального периода. Михаил Анатольевич в своей статье приводит краткие сведения о Министерстве всех вер и религий и выражает надежду, что в ходе дальнейших архивных изысканий удастся найти новые документы, которые позволят более определенно говорить о предпосылках реформ и проектах государственных институтов эпохи Александра I.

Когда речь идет о высшей церковной власти, то важно вести разговор не только об институтах, но и о конкретных представителях церковной иерархии. Первой в рубрике «Высшая церковная иерархия» идет статья Е. С. Ульновой, посвященная деятельности митрополита Санкт-Петербургского Палладия (Раева) в период его архиерейского служения в Вологодской епархии. Учитывая тот факт, что владыка Палладий был первенствующим членом Святейшего Синода в конце XIX в., его деятельность заслуживает всяческого внимания и изучения с привлечением как опубликованных материалов, так и архивных источников. Все это имеется в статье Елены Софичны.

Следующая статья А. Н. Кашеварова также посвящена Петербургскому митрополиту, но уже советского периода. Речь идет о митрополите Григории (Чукове) и его участии в деле возвращения мощей святых в послевоенные годы. Вообще, как эта, так и многие другие статьи и публикации разных авторов показывают не только многогранную деятельность владыки, но и демонстрируют необходимость написания полноценного монографического исследования, посвященного жизненному пути митрополита Григория. Да, уже имеется книга заслуженного профессора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Владимира Сорокина «Исповедник»[1], но с момента ее издания в научный оборот были введены новые данные, уточняющие и детализирующие деятельность владыки, который в сложнейших условиях внешнего давления и внутренних церковных противоречий находил в себе силы и имел решимость принимать правильные и максимально взвешенные решения. И если митрополит Ленинградский Гурий (Егоров) «нашел» своего историка в лице Д. В. Павлова, который в 2023 г. опубликовал фундаментальный труд[2] объемом в 1248 страниц (sic!), то точно такого же обстоятельного исследования заслуживает и митрополит Григорий, который — при всем уважении к митрополиту Гурию — является более глубокой и значимой фигурой как минимум для отечественного духовного образования и богословской науки.

Религиозно-просветительская и духовно-образовательная деятельность Русской Церкви традиционно привлекает большое внимание самых разных исследователей. В соответствующей рубрике в нашей статье мы кратко рассматриваем издательскую

[1] *Сорокин В., прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Князь-Владимир. собор, 2005. 734 с.

[2] *Павлов Д. В.* «До смерти я буду призывать вас к молитве». Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). М., 2021. 1248 с.

и, чуть подробнее, цензорскую деятельность одного из ярких столичных священнослужителей XIX в., сейчас, к сожалению, практически никому не известного — протоиерея Иоанна Яхонтова. Статью можно отнести к числу юбилейных, т. к. в 2023 г. исполнилось 135 лет со дня кончины, а в 2024 г. исполняется 205 лет со дня рождения отца Иоанна.

Протоиерей Владимир Чернецкий, соискатель Петербургской академии и преподаватель Таврической семинарии, разбирает довольно узкую и специфическую тему, связанную с историей возникновения и деятельности школ грамоты в Таврической епархии на рубеже XIX–XX вв. Духовно-образовательная деятельность Русской Православной Церкви на закате Российской империи была довольно обширной, — где-то что-то получалось, а где-то, наоборот, приходилось безуспешно решать многочисленные проблемы. Последующая история как государства, так и Церкви показывает, что образовательная сфера — это весьма сложная область человеческой деятельности, где нелегко подобрать простые рецепты и действенные всегда и везде механизмы. С одной стороны, некие вещи, актуальные два-три десятилетия назад, сегодня становятся архаикой, с другой — есть непреходящие ценности, приобщение к которым важно и необходимо в любую эпоху. Именно поэтому история образования всегда привлекала и будет привлекать внимание самых разных специалистов.

Начало XX столетия в истории Церкви и религиозных исканий является одним из самых — если не самым! — насыщенным, а значит, интересным периодом. Это был неоднозначный и чрезвычайно противоречивый во всех отношениях период: это время святого праведного Иоанна Кронштадтского и попа Гапона, это эпоха святителя Николая Японского и Григория Распутина. Время исканий, время взлетов, время падений... Насколько сложными и противоречивыми были те несколько десятилетий до величайшей катастрофы в истории нашего Отечества, свидетельствует содержание в том числе и двух статей, которые мы публикуем в этом номере. И. В. Лобанова кратко, но емко рассматривает особенности философских воззрений и религиозных исканий Владимира Соловьева и Анны Шмидт. А. Ю. Макаров проводит сравнительный анализ взглядов на церковную действительность представителей Христианского братства борьбы и Братства ревнителей церковного обновления, — организаций, образовавшихся и, в определенном смысле, ставших следствием церковных потрясений в годы Первой русской революции.

Секция «История Санкт-Петербургской епархии» в рамках ежегодной конференции «Империя и Церковь» с каждым годом привлекает все большее число исследователей. Как результат, растет и количество соответствующих публикаций на страницах нашего журнала. В текущем номере опубликовано сразу шесть статей.

Наш постоянный автор и большой любитель метрических книг священник Павел Кадосов предлагает вниманию читателей обстоятельный очерк о деятельности одного из выдающихся и известных петербургских священников XVIII в. (разумеется, в свое время, и сейчас, конечно же, забытого) — протоиерее Игнатии Васильеве, благочинном, члене С.-Петербургской консистории. Н. Д. Голубятникова, которая, уверены, является одним из самых неравнодушных церковных библиотекарей Санкт-Петербурга, обращается к фигуре митрополита Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова) и рассказывает о его портретах и бюсте. Неонилла Дмитриевна в своей статье, как всегда, очень внимательна к деталям и мелочам.

Статья следующего автора переносит любителей петербургского церковного краеведения в XIX век. Л. В. Королькова раскрывает всегда интересную, но одновременно с этим и непростую тему почитания икон в храмах Санкт-Петербургской епархии, как городских, так и сельских. Еще одна тема, в рамках которой не бывает мелочей, касается финансовой составляющей. Е. Н. Ропакова, наш постоянный и всегда отзывчивый к нашим просьбам автор, в статье, буквально сшитой из различных архивных «мелочей», рассматривает «доходо-расходную» церковную историю Георгиевской церкви Гдовского уезда Санкт-Петербургской епархии. Внимательное и всегда трепетное отношение Елены Николаевны к деталям,

порой совершенно незаметным и кажущимся незначительными на первый взгляд, делает наблюдения и выводы, приводимые в публикации, особо ценными для специалистов.

С. Н. Азарова в своей статье затрагивает историю Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде. Тот факт, что уже в заглавии публикации речь идет не о Санкт-Петербурге, а именно о Петрограде, позволяет ожидать, что в центре внимания будут судьбы священнослужителей и наиболее активных прихожан в переломный период истории как для города, так и для страны. Особую остроту разразившимся тогда на приходе конфликтам придает тот факт, что среди участников споров и дискуссий был известный литургист А. А. Дмитриевский.

Аспирант нашей академии А. С. Харчевников предлагает вниманию читателей общий обзор истории храма святого праведного Иова Многострадального на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге. Несмотря на конспективность изложения многовековой истории храма, автору удается привлечь архивные материалы и рассмотреть наиболее показательные детали из истории кладбищенской церкви.

В разделе «Юбилеи» в этом номере помещен материал, посвященный Издательству Санкт-Петербургской духовной академии — отдельному учреждению, самым тесным образом связанному с академией. Если честно, то теперь уже сложно представить духовную школу без Издательства, ежегодно выпускающего десятки (именно десятки, а не с десяток) журналов и книг. Без Издательства — точнее, без благосклонного отношения его директора Дмитрия Владимировича Волужкова к автору этих строк — было бы невозможно издание журнала, который читатель сейчас держит (читает с монитора компьютера или экрана смартфона) в руках. Без лишних слов хочется пожелать всем сотрудникам Издательства укрепления, расширения, новых проектов и, конечно же, интересных авторов, точнее, интересных текстов от трудолюбивых и незлобивых авторов!

Дмитрий Андреевич Карпук,
главный редактор «Вестника Исторического общества
Санкт-Петербургской Духовной Академии»

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

А. А. Назаров

Эволюция института обер-прокурора Святейшего Синода

УДК 271.2-732.3-9+322(470+571)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_9
EDN ACEPPW

Аннотация: Статья представляет расширенный текст доклада, прочитанного на III Научно-практической конференции, проходившей 14–15 апреля 2022 г. в Санкт-Петербургской духовной академии. В статье рассматривается эволюция института обер-прокурора Св. Синода с момента создания в 1722 г. до 1917 г. По первоначальному замыслу Петра I обер-прокурор должен был выступать в качестве надзорной инстанции. В таком виде этот государственно-конфессиональный институт действовал в XVIII в. В XIX в. произошло постепенное расширение функций обер-прокуратуры. В результате влияние духовной иерархии в системе религиозного управления снизилось, а обер-прокурор превратился в главу Ведомства православного исповедания. Падение влияния обер-прокурора произошло в годы Первой русской революции (1905–1907), а после Февральской революции 1917 г. этот институт был упразднён.

Ключевые слова: обер-прокурор Св. Синода, Святейший Синод, российская система религиозного управления, Министерство духовных дел и народного просвещения.

Об авторе: **Андрей Александрович Назаров**
Кандидат экономических наук, доцент кафедры Социально-гуманитарные дисциплины Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Российский биотехнологический университет «Росбиотех».
E-mail: 2360562@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1499-0784

Для цитирования: Назаров А. А. Эволюция института обер-прокурора Святейшего Синода // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 9–14.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Andrey A. Nazarov

Evolution of the Institution of the Chief Prosecutor of the Holy Synod

UDC 271.2-732.3-9+322(470+571)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_9
EDN ACEPPW

Abstract: The article presents an expanded text of the report read at the III Scientific and Practical Conference held on April 14 and 15, 2022 at the St. Petersburg Theological Academy. The article examines the evolution of the institution of the Chief Prosecutor of the Holy Synod from the moment of its creation in 1722 to 1917. According to the original plan of Peter I, the chief prosecutor was supposed to act as a supervisory authority. In this form, this state-confessional institution operated in the XVIII century. In the XIX century there was a gradual expansion of the functions of the Chief Prosecutor's office. As a result, the influence of the spiritual hierarchy in the system of religious administration decreased, and the chief prosecutor turned into the head of the department of the Orthodox confession. The fall of the influence of the chief prosecutor occurred during the First Russian Revolution, and after the February Revolution, this institution was abolished.

Keywords: Chief Prosecutor of the Holy Synod, Holy Synod, Russian system of religious administration, Ministry of Spiritual Affairs and Public Education.

About the author: **Andrey Alexandrovich Nazarov**
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian Biotechnological University "Rosbiotech".
E-mail: 2360562@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1499-0784

For citation: A. Nazarov. Evolution of the Institute of the Chief Prosecutor of the Holy Synod. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 9–14.

Прокурорский надзор над деятельностью религиозных учреждений был установлен вскоре после создания органов прокуратуры и введения должности Генерал-прокурора Правительствующего Сената. Указ Петра I от 11 мая 1722 г. гласил: «В Синод выбрать из Офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление Синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором, и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции Генерал-Прокурора»[1]. Полномочия «ока государева» как в Сенате, так и Синоде были аналогичными: «Обер-прокурор повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил и во всех делах, которыя к Синодскому разсмотрению и решению подлежат истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времяни, по регламентам и указам отправлял, разве какая законная причина ко отправлению ему помешает, что все записывать повинен в свой журнал... Так же должен накрепко смотреть, дабы Синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал. А ежели что увидит противное сему: тогда в тот же час повинен предлагать Синоду явно с полным изъяснением, в чем они или некоторые из них не так делают, как надлежит, дабы исправили. А ежели не послушают, то должен в тот же час протестовать, и оное дело остановить, и немедленно донесть нам, если весьма нужное; а о прочих — в бытность Нашу в Синоде, или помесячно, или понедельно, как указ иметь будет»[2].

Роль обер-прокуроров в системе управления Православной Церкви менялась с течением времени. И. К. Смолич в своём труде «История Русской церкви 1700–1917 гг.» объяснял изменение роли обер-прокуратуры трансформацией форм взаимодействия Синода и государя. «В развитии института обер-прокуратуры выделяются две фазы. Первая — со времени основания до 1803 г., в это время власть обер-прокуроров не имела решающего значения в деятельности Св. Синода, который находился ещё в непосредственных отношениях с самим государем. Вторая фаза, начавшаяся в 1817 г., продолжалась до конца синодального периода, в этот период непосредственные отношения между государем и Св. Синодом почти полностью прекратились и обер-прокурор стал в качестве полномочного и всемогущего министра единоличным представителем Святейшего Синода перед правительством, представителем учреждения под названием “Ведомство православного исповедания”. 1803–1817 гг. — это переходное время, когда под началом князя А. Н. Голицына создавались условия и предпосылки для наступления второй фазы»[3].

С нашей точки зрения, периодизация И. К. Смолича не в полной мере отражает эволюцию института обер-прокурора. Мы предлагаем внести определённые изменения в предложенную периодизацию путём увеличения количества факторов, влиявших на его развитие, и этапов развития института обер-прокуратуры. Мы считаем, что помимо фактора взаимодействия императора, обер-прокурора и Синода, следует учитывать также изменение полномочий обер-прокурора, его места и степени влияния в системе государственного и конфессионального управления.

В первый период (1722–1803) полномочия обер-прокуроров в соответствии с указом Петра I ограничивались надзорными функциями: контролем над соблюдением Синодом действующего законодательства. Их вмешательство в управление церковными делами, за исключением периода обер-прокурорства Я. П. Шаховского (1740–1753), было минимальное.

Второй (1803–1817) и третий (1817–1824) периоды связаны с активной деятельностью А. Н. Голицына — близкого сподвижника Александра I. На втором этапе, с 1803 по 1817 гг., произошло не только усиление влияния обер-прокурора на императора, но и началась пропаганда в России экуменического движения. В этот период обер-прокурор занял особое место в государственно-конфессиональной системе

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 4001. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830. С. 676.

[2] Там же. Т. 6. № 4036. С. 721.

[3] *Смолич И. К.* История русской церкви. М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1998. Кн. VIII. Ч. 1. С. 150.

Обер-прокурор
Я. П. Шаховской

управления. В 1810 г. А. Н. Голицын возглавил вновь созданное Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. Этому управлению были подчинены такие органы конфессионального управления, как Римско-Католическая духовная коллегия, Оренбургское магометанское духовное собрание, Таврическое магометанское духовное правление, региональные лютеранские консистории. Голицын стал основоположником российского экуменического движения. Он содействовал началу деятельности в 1812 г. в Российской империи Британского Библейского общества, поддержал ходатайство пастора Дж. Петерсона об открытии в России Библейского общества. В 1813 г. Голицын стал Президентом Российского Библейского общества.

На третьем этапе (1817–1824) произошло падение роли обер-прокурора в системе религиозного управления. Это произошло после создания в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Новое министерство было создано на основе слияния Главного управления духовных дел иностранных исповеданий с Министерством народного просвещения. Министерство состояло из Департамента духовных дел, Департамента народного просвещения и Главного правления училищ.

После того, как А. Н. Голицын возглавил вновь созданное Министерство духовных дел и народного просвещения, обер-прокурор из «ока государева» превратился в чиновника третьего уровня. Сам Голицын, как министр, возглавил российскую систему религиозного управления. Непосредственно в подчинении министра находился руководитель Департамента духовных дел А. И. Тургенев. А уже главе департамента, в свою очередь, был подчинён обер-прокурор Синода П. С. Мещерский. В результате проведенной реформы над Синодом был установлен контроль министра и директора департамента духовных дел. Однако при этом Обер-прокурор получил в дополнение к надзорным функциям административные полномочия, как глава Первого отделения Департамента духовных дел.

Департамент духовных дел состоял из четырех отделений:

1. По делам греко-российского исповедания;
2. По делам римско-католического, греко-униатского и армянского исповеданий;
3. По делам всех протестантских исповеданий;
4. По делам еврейской, магометанской и прочих вер не христианских[4].

На отделение по делам греко-российского исповедания были возложены следующие обязанности: готовить доклады и отчеты Синода и Комиссии духовных училищ императору, осуществлять сношения с министерствами, обер-прокурором, прокурорами синодальных контор; производить дела о назначении и увольнении обер-секретарей и членов Синода, прокуроров и присутствующих членов синодальных контор, рассматривать дела о награждении духовных и светских служащих православного ведомства[5]. В этот период произошла бюрократизация Синода. В результате Синод, а за ним и Церковь стали превращаться в ведомство православного вероисповедания. Реформа А. Н. Голицына привела к формированию церковной и светской оппозиции.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Т. 34. № 27106. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830. С. 815.

[5] Там же. С. 815–816.

Духовную оппозицию возглавили митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спасский). Лидерами светской оппозиции стали государственные и военные деятели А. А. Аракчеев, А. С. Шишков и Ф. П. Уваров.

Четвёртый период (1824–1835) начался 15 мая 1824 г. с принятия указа о роспуске Министерства духовных дел и народного просвещения, а также об отставке А. Н. Голицына с поста министра и Президента Библейского общества. Упразднение «Двойного министерства» привело не только к восстановлению дореформенного значения института обер-прокурора, но и к его усилению. Первое отделение бывшего Департамента духовных дел «осталось в настоящем его положении под именем Отделения Духовных дел Греко-российского исповедания при Обер-Прокуроре Святейшего Синода»[6]. В результате обер-прокурор не только восстановился как самостоятельный институт, но и усилил своё влияние в результате сохранения в его подчинении Ведомства православного исповедания. Надзор считался уже недостаточным. Правительство считало целесообразным сохранить созданную в период реформы А. Н. Голицына систему административного управления Церковью. В ходе реформы управление делами Православной Церкви перешло от архиерейского присутствия Синода к обер-прокурору. В результате обер-прокуратура превратилась из надзорного института в орган административного управления.

Обер-прокурор
С. Д. Нечаев

Пятый период (1835–1905) характеризовался последовательным расширением влияния обер-прокурора. Сначала произошла трансформация обер-прокуратуры в одно из «министерств». Отказавшись от сохранения Министерства духовных дел, правительство не отказалось от министерского принципа управления духовными делами. В период обер-прокурорства С. Д. Нечаева (1833–1836) глава Ведомства Православного исповедания получил министерские полномочия. В марте 1835 г. были приняты указы Николая I, согласно которым обер-прокурор стал приглашаться для участия в заседаниях департаментов Государственного Совета[7] и Комитета министров[8]. Эти указы усилили влияние обер-прокурора. Постепенно влияние обер-прокурора Синода достигло уровня влияния министров и членов Государственного Совета. После того как в 1836 г. Ведомство православного вероисповедания возглавил Н. А. Протасов, была создана особая канцелярия обер-прокурора (1839). В результате синодальное делопроизводство было отделено от делопроизводства обер-прокурора. В том же году был учреждён подчиненный обер-прокурору Хозяйственный комитет, в результате чего управление церковной экономикой перешло в сферу ведения обер-прокурора. В 1839 г. обер-прокурору было подчинено Духовно-учебное управление.

Дальнейшее усиление института обер-прокурора Св. Синода связано с деятельностью Д. А. Толстого (1865–1880). Вновь было принято решение о соединении полномочий руководителя духовного и образовательного ведомства. В 1866 г. обер-прокурор

[6] Полное собрание законов Российской империи. Т. 39. № 30037. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830. С. 492.

[7] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 10. Отд. 1. № 8001. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1836. С. 281.

[8] Там же. Т. 10. Отд. 1. № 8007. С. 283

Синода Д. А. Толстой был назначен на должность министра народного просвещения. Толстой большое внимание уделял вопросам реформирования духовного и светского образования. При его непосредственном участии в 1867 г. были приняты Уставы духовных училищ и семинарий (1867), Устав епархиальных женских духовных училищ (1868), Устав духовных академий (1869). На основе новых уставов была полностью модернизирована система духовного образования. Апогея влияния обер-прокуратура Св. Синода достигла во времена К. П. Победоносцева (1880–1905). Мало кто из государственных деятелей того времени мог соперничать по степени влияния с Константином Петровичем. Имя Победоносцева стало символом целой эпохи и символом консерватизма. Он был противником любых форм ограничения самодержавия, отстаивал необходимость сохранения созданной системы религиозного управления. Символичной стала и дата его отставки — она совпала с ликвидацией абсолютной монархии. Высочайший рескрипт об увольнении К. П. Победоносцев получил 19 октября 1905 г. — через два дня после издания Манифеста об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г.

Последний период существования обер-прокуратуры (1905–1917) совпал с периодом Думской монархии. После отставки К. П. Победоносцева снизилось влияние обер-прокурора не только в правительстве, но и в Церкви. За двенадцать лет на этом посту сменилось десять обер-прокуроров. После Февральской революции Временное правительство поставило вопрос об упразднении обер-прокуратуры. Последним обер-прокурором в июле 1917 г. был назначен видный церковный историк А. В. Карташев. По его предложению 5 августа 1917 г. институт обер-прокурора Св. Синода был упразднён. На основе канцелярии обер-прокурора и Департамента духовных дел иностранных исповеданий было создано Министерство исповеданий, министром был назначен А. В. Карташев. Министерство исповеданий было восстановлено в год столетия со дня основания Министерства духовных дел и народного просвещения. Однако новое министерство просуществовало недолго: оно было упразднено после Октябрьской революции 1917 г.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830.

2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 34. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830.

3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 39. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 10. Отд. 1. СПб.: Тип. Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1836.

5. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1998. Кн. VIII. Ч. 1.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

М. А. Приходько

Министерство всех вер и религий в раннем проекте учреждения министерств 1801 г.

УДК 322(470+571)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_15
EDN GOWDBT

Аннотация: Как известно, подготовка и разработка реформ во внутренней политике Российской империи в начале XIX в. осуществлялась в Негласном комитете (1801–1803 гг.) — особом секретном органе при императоре Александре I, действовавшем в составе В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, П. А. Строганова, А. А. Чарторыйского и под председательством монарха. Наиболее важными вопросами, которые обсуждались Негласным комитетом, были сенатская реформа 1802 г., министерская реформа (начавшаяся в 1802–1803 гг.), преобразование деятельности Непременного Совета, крестьянский вопрос, коронационные проекты 1801 г., а также — ряд внешнеполитических вопросов. Обсуждению министерской реформы были посвящены 9 заседаний Негласного комитета. Министерство всех вер и религий не вошло в проект учреждения министерств, обсуждавшийся в Негласном комитете. Но его упоминание содержится в самом раннем проекте, составленном Н. Н. Новосильцевым приблизительно в конце 1801 г. Таким образом, можно высказать гипотезу о предполагавшейся Н. Н. Новосильцевым и другими членами Негласного комитета реорганизации Св. Синода. Министерство всех вер и религий превращалось бы в таком случае в орган отраслевого управления всей религиозной сферой, а Св. Синод реорганизовывался бы в высший церковный суд. Упоминание данного министерства имеет значение для изучения взаимоотношений Церкви и государства в период административных преобразований в Российской империи в начале XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, Синод, внутренняя политика, реформа администрации, министерская реформа, Министерство всех вер и религий.

Об авторе: **Михаил Анатольевич Приходько**
Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).
E-mail: mprihod@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5746-7144

Для цитирования: Приходько М. А. Министерство всех вер и религий в раннем проекте учреждения министерств 1801 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 15–18.

* Фотографии предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Michael A. Prikhodko

The Ministry of All Faiths and Religions in the early draft of the establishment of Ministries in 1801

UDC 322(470+571)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_15
EDN GOWDBT

Abstract: As is known, the preparation and development of reforms in the internal policy of the Russian Empire at the beginning of the XIX century was carried out in an Unspoken Committee (1801–1803) — a special secret body under Emperor Alexander I consisting of V. P. Kochubey, N. N. Novosiltsev, P. A. Stroganov and A. A. Chartorysky, chaired by the monarch. The most important issues discussed by the Secret Committee were: the Senate reform of 1802; the ministerial reform (its beginning in 1802–1803); the transformation of the activities of the Indispensable Council; the peasant question; coronation projects of 1801 and a number of foreign policy issues. 9 meetings of the Secret Committee were devoted to the discussion of the ministerial reform. The Ministry of All Faiths and Religions was not included in the draft of the establishment of ministries discussed in the Secret Committee. But, its mention is contained in the earliest draft compiled by Nikolai Nikolaevich Novosiltsev around the end of 1801. Thus, it is possible to draw a hypothetical conclusion about the possible reorganization of the Holy Synod proposed by N. N. Novosiltsev and other members of the Secret Committee. The Ministry of All Faiths and Religions would be transformed into a branch management body for the entire religious sphere, and the Holy Synod would be reorganized into the supreme ecclesiastical court. Nevertheless, the very mention of this ministry has indirect significance in the context of studying the relationship between church and state during the period of administrative transformations in the Russian Empire at the beginning of the XIX century.

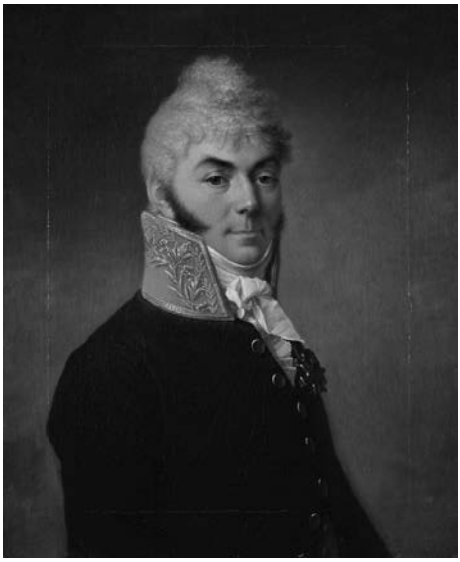
Keywords: Russian Empire, Synod, internal politics, administration reform, ministerial reform, Ministry of All Religions.

About the author: **Michael Anatolyevich Prikhodko**
Senior lecturer in the history of state and law Moscow State Law University named after O.E Kutafin Ph D.
E-mail: mprihod@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5746-7144

For citation: Prikhodko M. A. The Ministry of All Faiths and Religions in the early draft of the establishment of Ministries in 1801. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 15–18.

* Photos provided by the author.

Как известно, подготовка и разработка реформ во внутренней политике Российской империи в начале XIX в. осуществлялась в Негласном комитете (1801–1803 гг.) — особом секретном органе при императоре Александре I, действовавшем в составе В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, П. А. Строганова, А. А. Чарторыйского и под председательством монарха. Наиболее важными вопросами, которые обсуждались Негласным комитетом, были сенатская реформа 1802 г., министерская реформа (начавшаяся в в 1802–1803 гг.), преобразование деятельности Непременного Совета, крестьянский вопрос, коронационные проекты 1801 г., а также — ряд внешнеполитических вопросов.



С. С. Щукин. Портрет Н. Н. Новосильцева. Около 1808 г. Государственный Русский музей

Обсуждению министерской реформы были посвящены 9 заседаний Негласного комитета (8 заседаний с 10 февраля по 12 мая 1802 г. и одно заседание 16 марта 1803 г.)[1]. Министерство всех вер и религий не вошло в проект учреждения министерств, обсуждавшийся в Негласном комитете. Однако упоминание о нем содержится в самом раннем проекте, составленном Николаем Николаевичем Новосильцевым приблизительно в конце 1801 г.[2]

На предварительный характер этих записей указывает беглый, неаккуратный почерк Н. Н. Новосильцева, многократные исправления, делающие невозможным чтение отдельных фрагментов текста, множество зачеркнутых слов и целых абзацев, разная консистенция чернил. Все это говорит о первоначальности замыслов, отраженных в этих записях. Очевидно, Н. Н. Новосильцев записывал то, что приходило ему в голову, часто исправляя и возвращаясь к отдельным абзацам рукописи, не заботясь о внешнем виде написанного и пригодности его для последующего прочтения.

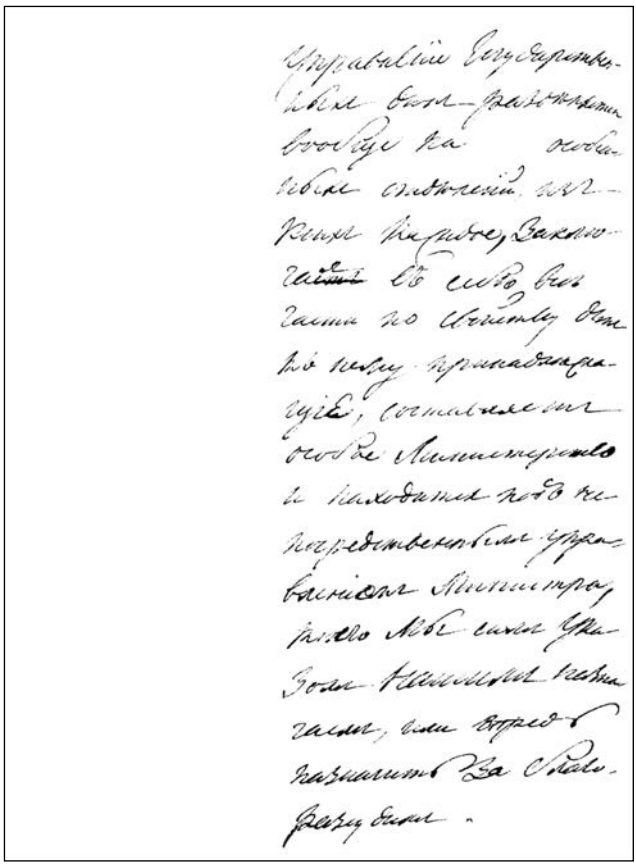
Предварительный характер данных записей Н. Н. Новосильцева создает трудности для их восприятия и изучения, однако, в них можно обнаружить ряд важных и порой уникальных деталей, которые не вошли в последующие редакции проекта учреждения министерств. Последнее обстоятельство во многом объясняется все той же первоначальностью этих замыслов Н. Н. Новосильцева, отказ от которых произошел еще до обсуждения в Негласном комитете проекта учреждения министерств.

Одной из важных таких особенностей является то, что в рукописи Н. Н. Новосильцева фигурирует отдельное Министерство всех вер и религий. Правда, самим же Н. Н. Новосильцевым упоминание о нем было вычеркнуто в этом документе, но сам факт изначального присутствия в тексте данного министерства показывает, что Н. Н. Новосильцев уже в конце 1801 — начале 1802 гг. задумывался над преобразованием управления религиозной деятельностью, проектируя учреждение своеобразного предшественника будущих Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (1810–1817, 1824–1832 гг.) и объединенного Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824 гг.).

Таким образом, можно высказать гипотезу о предполагавшейся Н. Н. Новосильцевым и другими членами Негласного комитета реорганизации Св. Синода. Министерство всех вер и религий превращалось бы в таком случае в орган отраслевого

[1] Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11. Л. 37–103 об.; Д. 12. Л. 1–66 об.

[2] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 526. Оп. 1. Д. 71. № 2. Л. 1 об.



Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 526. Оп. 1. Д. 71. № 2. Л. 1. Автограф Н. Н. Новосильцева

управления всей религиозной сферой, а Св. Синод реорганизовывался бы в высший церковный суд.

Но учреждение данного министерства могло бы привести к развалу неустойчивого в 1801 г. равновесия между представителями основных политических группировок («павловцы», «екатерининские служивцы» и «молодые реформаторы») и существенному противодействию со стороны консервативно настроенной верхушки общества. В силу этих причин это министерство не вошло в окончательный текст проекта учреждения министерств. Тем не менее, упоминание данного министерства имеет значение для изучения взаимоотношений Церкви и государства в период административных преобразований в Российской империи в начале XIX в. Будем надеяться на обнаружение новых архивных документов, отражающих деятельность членов Негласного комитета в 1801–1803 гг.

Источники и литература

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 526. Оп. 1. Д. 71. № 2. Л. 1–6.

2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11. Л. 37–103 об.; Д. 12. Л. 1–66 об.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

Е. С. Ульянова

Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Палладий (Раев): вологодский период епископского служения (1869–1873 гг.)

УДК 271.2-726.1-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_19
EDN IWFHLZ

Аннотация: Палладий (в миру Павел Писарев-Раев), митрополит С.-Петербургский и Ладожский, первенствующий член Св. Синода, является видной и яркой фигурой в истории Русской Православной Церкви конца XIX в. За годы своего служения владыка Палладий возглавлял такие значимые места в церковной иерархии как кафедра архиепископа Карталинского и Кахетинского, экзарха Грузии и столичная митрополичья кафедра. Последнюю митрополит Палладий возглавлял вплоть до своей кончины в 1898 г. В статье охарактеризован период до и во время его служения на Вологодской кафедре, рассмотрена административная деятельность архиерея в Вологодской епархии, представлен анализ ежегодных архиерейских визитаций, делается вывод о характере восприятия владыки среди вологодской паствы и причинах сохранения долгой памяти о нем среди вологжан.

Ключевые слова: митрополит Палладий (Раев), Вологодская епархия, епископское служение, архиерейские визитации.

Об авторе: **Елена Софична Ульянова**
Преподаватель кафедры воспитания и социализации Вологодского института развития образования; старший преподаватель кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета.
E-mail: ulyanova26@yandex.ru

Для цитирования: Ульянова Е. С. Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Палладий (Раев): вологодский период епископского служения (1869–1873 гг.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 19–29.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Elena S. Ulyanova

Metropolitan Palladius (Raev) of Saint Petersburg and Novgorod: the Vologda period of his Episcopal ministry (1869–1873)

UDC 271.2-726.1-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_19
EDN IWFHLZ

Abstract: Palladius (Pavel Pisarev-Raev), Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga, the First-rank member of the Holy Synod, is a prominent and bright figure in the history of the Russian Orthodox Church at the end of the 19th century. During the years of his service to the Church, Metropolitan Palladius headed such important places in the Church hierarchy as the Chair of Archbishop of Kartali and Kakheti, Exarch of Georgia and the Metropolitan Chair. Metropolitan Palladius headed the latter one until his death in 1898. The report presents an attempt to characterize the period before and during his ministry at the Vologda Department. Bishop's administrative activity in the Vologda Diocese is considered; the analysis of the annual Episcopal visits is presented. The conclusion gives an idea about the perception of the Bishop among the Vologda parishioners and the reasons for preserving the long memory of him among the Vologda residents.

Keywords: Metropolitan Palladius (Raev), the Vologda Diocese, Episcopal ministry, Episcopal visits.

About the author: **Elena Sofichna Ulyanova**
Lecturer of the Department of Education and Socialization at the Vologda Institute of Educational Development, Senior Lecturer of the Department of Theory, History of Culture and Ethnology at the Vologda State University.
E-mail: ulyanova26@yandex.ru

For citation: Ulyanova E. S. Metropolitan Palladius (Raev) of Saint Petersburg and Novgorod: the Vologda period of his Episcopal ministry (1869–1873). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 19–29.

* Photos are taken from open sources.

Палладий (в миру Павел Писарев-Раев), митрополит С.-Петербургский и Ладожский, первенствующий член Св. Синода — яркая фигура в истории Русской Православной Церкви второй половины XIX в. Он сделал блестящую карьеру на церковном поприще. Как справедливо отметил один из его биографов, «выдающийся дельный и деятельный, всегда душой преданный вверенному ему служению, в высокой степени симпатичный по своим христианским и общечеловеческим нравственным качествам, он быстрыми шагами шествовал по лестнице иерархических степеней»[1]. Действительно «быстрыми шагами», стремительно и энергично проходило служение владыки. Архиерейское служение Палладия началось в 1866 г. с назначения его епископом Ладожским, викарием С.-Петербургской епархии. Затем он служил на Вологодской (1869–1873 гг.), Тамбовской (1873–1876 гг.) и Рязанской (1876–1882 гг.) кафедрах, после возведения в сан архиепископа с августа 1882 г. на протяжении пяти лет возглавлял Казанскую кафедру, а с сентября 1887 по 1892 гг. — кафедру архиепископа Карталинского и Кахетинского, экзарха Грузии. В 1892 г. архиепископ Палладий был возведен в сан митрополита и стал митрополитом С.-Петербургским и Ладожским. Столичную кафедру митрополит Палладий возглавлял вплоть до своей кончины в 1898 г.

Епископ Палладий (Раев)

Как видим, послужной список митрополита Палладия внушителен. Внушительна и обширна и география его служения. Не ставя перед собой задачи осветить в данной работе всю разнообразную деятельность и яркую биографию митрополита Палладия, мы предпримем попытку охарактеризовать лишь период до и во время его служения в Вологодской епархии. Вологодская кафедра стала для него кафедрой первого самостоятельного епископского служения.

Биография епископа Палладия складывалась достаточно традиционно для архиерея того времени. Родился будущий митрополит в 1827 г. в селе Ивановское Нижегородской губернии в семье бедного священника Иоанна Писарева. Свое обучение он начал, как и было принято в то время, в своей епархии, поступив в Нижегородское духовное училище. Училище помещалось в Нижегородском Благовещенском монастыре, где казначеем монастыря и преподавателем училища состоял его старший брат, иеромонах Поликарп (в миру Порфирий Писарев). Первоначально именно ему, старшему брату Павла Писарева, Порфирию при поступлении в то же нижегородское училище, по воле ректора, была дана фамилия Раев. Впоследствии этой же фамилией приказано было именоваться и маленькому Павлу Писареву. Перемена фамилии учащимися духовных учебных заведений была распространенным обычаем того времени.

После духовного училища с 1842 по 1848 гг. Павел Раев проходил обучение в Нижегородской духовной семинарии. После ее окончания он был назначен в числе четырех воспитанников, «благонадежных и по способностям, и по состоянию здоровья»,

[1] *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского Высокопреосвященнейшего Палладия // Православный собеседник. 1899. Ч. 1. № 1. С. 9.

в состав IV курса Казанской Духовной Академии[2]. Написав диссертацию на тему «Признаки православного христианства и лживости мухаммеданства», которая впоследствии в 1876 г. была напечатана в «Миссионерском сборнике», Павел Раев в 1852 г. блестяще окончил третьим магистром богословия Академию и был определен учителем в Нижегородскую духовную семинарию.

Вернувшись в родную епархию, Павел Раев женился на дочери протоиерея Нижегородского кафедрального собора Анне Ивановне Покровской и в 1856 г. был рукоположен во священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы[3]. В браке родились два сына: Николай, который впоследствии стал директором С.-Петербургских высших женских курсов, а затем — последним обер-прокурором Св. Синода царского времени, и Владимир — будущий врач Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в С.-Петербурге[4].

Семейное счастье оказалось недолгим. Вскоре Павел Раев овдовел и 15 января 1861 г., вследствие своего прошения, был пострижен в монашество с именем Палладий[5]. Таким образом, епископ Палладий был из вдовых священников, что не было чем-то исключительным для того периода истории Русской Православной Церкви. Как отмечает И. К. Смолич, это было характерно для второй половины XIX в., когда количество постригов среди выпускников академий стало уменьшаться и 39 из 100 епископов были из вдовых священников[6].

Сразу же по принятии монашества, Палладий был назначен инспектором Нижегородской семинарии. Через год, в 1862 г., за отличную ревностную и полезную духовно-училищную службу он был возведен в сан архимандрита, а в 1863 г., по определению Св. Синода, был назначен инспектором в С.-Петербургскую духовную семинарию[7]. Столичная С.-Петербургская духовная семинария всегда находилась под постоянным и непосредственным наблюдением высшей церковной власти. Архимандрит Палладий быстро зарекомендовал себя и уже через год, в 1864 г., был назначен ректором этой семинарии. За два года ректорства архимандрита Палладия митрополит С.-Петербургский Исидор (Никольский), возглавлявший митрополию в те годы, «так оценил и полюбил его, что не решился расстаться с ним и избрал именно его себе в ближайшие помощники по управлению громадной в ту пору Новгородской, Санкт-Петербургской и Финляндской епархией, уже в звании викария своего, в сане епископа Ладожского»[8]. Хиротония архимандрита Палладия состоялась 18 декабря 1866 г.[9] Вплоть до своего назначения на Вологодскую кафедру 15 июля 1869 г., епископ Палладий состоял викарием С.-Петербургской епархии и был ближайшим помощником митрополита Исидора. Он «стал для него наставником, ознакомил со всеми разнообразными и многосложными сторонами духовного управления»[10]. Митрополит Исидор навсегда сохранил к преосвященному Палладию «отеческие чувства любви и благорасположенности» и называл его своим преемником в митрополии в то время, когда архиепископ Палладий был уже экзархом Грузии[11].

---

[2] *Тихов А. И.* Памяти высокопреосвященного Палладия, Митрополита С.-Петербургского. (Биогр. заметка). [Нижний Новгород, 1900]. С. 5.

[3] *Вышеславцев П. О.* Палладий, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский // Русская старина. 1899. № 4. С. 82.

[4] Там же.

[5] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 439. Д. 716. Л. 3 об.–4.

[6] *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 293.

[7] РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 716. Л. 4 об.–5.

[8] *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского, Высокопреосвященного Палладия. Казань, 1899. С. 9.

[9] РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 716. Л. 5 об.–6.

[10] *Вышеславцев П. О.* Палладий, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский… С. 83.

[11] *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского, Высокопреосвященного Палладия. Казань, 1899. С. 9.

Горне-Успенский монастырь Вологодской епархии

Вологодскую архиерейскую кафедру епископ Палладий возглавлял с 15 июля 1869 г. по 13 июня 1873 г. Владыка прибыл в Вологду 1 октября 1869 г.[12] Вологодская епархия стала для него первой самостоятельной кафедрой.

Предшественником владыки Палладия на Вологодской кафедре был епископ Павел (Доброхотов), который возглавлял епархию с 1866 г., а в 1869 г. был перемещен в Псковскую епархию. Настоятель Лальского Воскресенского собора Вологодской епархии протоиерей Алексей Попов вспоминал: «Все то, что начато было доброго, живого и благотворного епископом Павлом, было поддержано, продолжено и, в чем следует, исправлено спокойно и тактично преосвященным Палладием»[13]. Одним из примеров такой преемственности стало распространение на всю епархию выборного начала при замещении должностей благочинных. Выборность благочинных самим духовенством была введена в епархии епископом Павлом (Доброхотовым) в 1867 г.[14] Но к 1873 г. в епархии еще оставались благочиния, в которых благочинные были не избраны духовенством, а определены на эту должность еще до введения выборного порядка. Епископ Палладий отмечал, что «опыт доказал, что выборные благочинные, стоя ближе к избравшему их духовенству и пользуясь его доверием, по возможности стараются самым делом оправдать оное добросовестным и верным выполнением лежащих на них обязанностей», и потому предложил консистории подчинить все благочиннические округа епархии общему выборному порядку

[12] Прибытие в Вологду Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1869. № 20. С. 764.

[13] *Попов А., прот.* Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии // URL: https://www.booksite.ru/fulltext/pri/che/tnic/son/1.htm (дата обращения: 02.05.2022).

[14] Введение выборного начала в духовенстве Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1867. № 13. С. 496–503.

в назначении должностных лиц[15]. Преосвященным Палладием был назначен новый срок службы благочинных — 4 года вместо 6 лет.

Еще одним добрым продолжением начинаний епископа Павла (Доброхотова) стала перестройка соборной колокольни. Идея переустройства колокольни появилась в 1868 г. по случаю трехсотлетия вологодского кафедрального Софийского собора. Как писал епископ Павел в отчете за 1868 г., «трехсотлетие Вологодского кафедрального Софийского собора дало мне случай сделать нужные поправки в сем соборе и перекласть колокольню при нем находящуюся»[16]. Архиерей обратился к пастве с воззванием о пожертвовании[17]. Уже в 1869 г. при епископе Палладии колокольня была перестроена и стала выше на 15 саженей: «Каменное здание колокольни сверху до звона было разобрано и вновь надстроено, с возведением тогда же кругом для прочности здания 8 каменных колонн, утвержденных на крепком фундаменте»[18]. Вопреки плану, согласно которому главу колокольни предполагалось покрыть белым железом, она была вся вызолочена, на что «владыка непосредственно изыскал средства»[19].

Одной из важных забот владыки было улучшение материального быта духовенства. Епископ Палладий уделял много внимания проблеме материального состояния приходского духовенства, он пытался объяснить причины бедности духовенства, искал пути для ее преодоления. В отчетах Синоду епископ Палладий постоянно подчеркивал, что «материальное содержание духовенства в немногих только приходах достаточное, а большей частью посредственное, и даже скудное»[20]. Среди причин этого он называл «частые неурожаи, бедность населения здешней губернии, избыток наличных членов в составе причтов и отчасти неумение духовенства заботиться о своем благосостоянии»[21].

Вступив в управление епархией в 1869 г., епископ Палладий уже в первом своем отчете Синоду высказывал «горькую истину»: «…По распоряжениям предместника моего, ко многим церквам в составе причтов определены излишние против штата члены, вопреки действительной в том надобности и к ущербу выгод штатных причтов. <…> Сверхштатные священноцерковнослужители, числящиеся на ружном содержании от прихожан, большею частию не пользуются вполне ругою, но требуя себе части церковной земли и доходов, одинаковых со штатными членами причтов, стесняют чрез это в выгодах штатных священноцерковнослужителей»[22].

На общегосударственном уровне указ о введении новых штатов был подписан 16 апреля 1869 г. Но его воплощение заняло несколько лет. По подсчетам духовной консистории к концу 1868 г. в Вологодской епархии в числе действительных членов причтов было 242 сверхштатных священно- и церковнослужителя (42 священника, 72 диакона, 128 причетников)[23]. Епископ Палладий такую «раздутость» штатов причтов считал проблемой и поэтому ежегодно пытался их сокращать. Так, к 1 января 1871 г., не дожидаясь утверждения нового штата причтов Вологодской епархии, епископ Палладий, согласно проекту, стал закрывать штатные диаконские и вторые причетнические места и переводить освободившиеся оклады на пополнение содержания

[15] Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского Вологодской Духовной Консистории от 20 апреля, 1873 года, за № 2225 // Вологодские епархиальные ведомости. 1873. № 9. С. 116.

[16] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 261. Л. 18 об.

[17] Воззвание ко всем чадам Православной церкви — Богоспасаемой Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1868. № 1. С. 1–2.

[18] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 311. Л. 14 об.

[19] Памяти Высокопреосвященного митрополита Палладия // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1899. № 3. С. 58.

[20] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 412. Л. 32 об.

[21] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 461. Л. 34.

[22] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 311. Л. 26.

[23] Там же.

более нуждавшихся причтов. К 1 января 1871 г. были сокращены 13 диаконских и 6 причетнических мест. Те из «сокращенных» диаконов, которые имели полное семинарское образование, переводились на свободные священнические места, некоторые же — вообще лишались штатного жалованья, как оштрафованные. Вторые причетнические места упразднялись после смерти церковнослужителей[24]. К 1872 г. епископом Палладием в епархии было закрыто штатных 15 диаконских и 9 вторых причетнических мест, сверхштатных 5 диаконских и 15 причетнических мест[25].

Одним из способов материальной поддержки духовенства стало создание эмеритальной кассы. По указанию епископа Палладия, ключарем кафедрального собора протоиереем Николаем Якубовым был разработан проект устава эмеритальной кассы для духовенства Вологодской епархии. На периодических собраниях окружного духовенства во всех благочиниях епархии эта инициатива была встречена «с глубоким сочувствием и сердечною благодарностью Епархиальному начальству, за попечение о благе подведомого духовенства»[26].

Будучи сыном сельского священника, с самого детства изведав тяжкую участь бедного сельского духовенства, владыка был участлив к судьбам учащегося молодого поколения духовного происхождения. Здесь можно отметить, что во время управления преосвященным Палладием Вологодской епархией оба его сына также находились в Вологде и проходили здесь обучение (один — в духовной семинарии, второй — в духовном училище)[27]. По предложению преосвященного Палладия в 1869 г. в вологодском Горнем Успенском женском монастыре был создан епархиальный сиротский приют, в котором воспитывались и получали первоначальное образование бедные девицы духовного происхождения. Первоначально приют помещался в кельях монастыря, но затем, с увеличением числа призреваемых, с архипастырского разрешения и благословения на средства благотворителей для приюта был выстроен в 1870–1873 гг. новый двухэтажный каменный дом, который епископ Палладий освятил 20 мая 1873 г.[28]

Озаботившись тем, что многие из своекоштных воспитанников Вологодской духовной семинарии, в особенности дети бедных родителей, за неимением необходимых на содержание средств часто терпят нужду и занимают деньги под значительные проценты, владыка предложил в целях оказания помощи бедным воспитанникам учредить ссудную кассу и препроводил для этих целей в правление семинарии 217 рублей[29].

По распоряжению преосвященного Палладия во всех уездных училищах были открыты подготовительные классы для мальчиков до 12 лет, и устроены общежития для учеников. Заботы епископа об учащихся духовно-учебных заведений епархии вскоре были отмечены — 16 апреля 1872 г. он был «в воздаяние отлично-ревностного служения, неусыпной заботливости о благоустройстве в Вологодской епархии и состоящих в ней духовных училищ и отеческой попечительности о сирых и бедных детях духовенства, Всемилостивейше сопричислен к ордену Святой Анны 1 степени»[30].

Обозрение епархии во время ежегодных поездок было обязательной формой управленческой деятельности архиереев. Преосвященный Палладий совершал инспекционные поездки по епархии трижды — в 1870, 1871 и 1872 гг. (таблица 1).

---

[24] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 412. Л. 33 об.

[25] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 461. Л. 34.

[26] Там же. Л. 5 об.

[27] Памяти Высокопреосвященного митрополита Палладия // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1899. № 3. С. 55.

[28] Освящение нового каменного дома для епархиального сиротского приюта в Успенском женском монастыре г. Вологды, 20 мая, 1873 года // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1873. № 12. С. 468–471.

[29] Предложение Его Преосвященства Правлению Вологодской Духовной семинарии, от 10 февраля, 1870 года, № 841 // Вологодские епархиальные ведомости. 1870. № 5. С. 108–109.

[30] РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 716. Л. 26 об.–27.

Таблица 1

Поездки епископа Палладия по епархии в период его пребывания на Вологодской кафедре (1869–1873 гг.)[31]

Год	Дни	Уезды	Количество осмотренных монастырей, церквей и причтов
1870	25–26 июня, 30 июня — 2 августа, 20–25 августа.	Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский, Устюжский.	250 церквей и причтов, в том числе, лично осмотрены 140 церквей и обревизованы причты 110 церквей, явившиеся с документами; 15 монастырей.
1871	17 июня — 29 июля.	Вельский, Кадниковский, Сольвычегодский, Тотемский, Усть-Сысольский, Яренский.	271 церковь и причт, в том числе, лично осмотрены 124 церкви и обревизованы причты 147 церквей, явившиеся с документами; 10 монастырей.
1872	25 июня — 3 июля, 10–18 июля, 26 июля — 5 августа.	Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Тотемский.	171 церковь и причт, в том числе, лично осмотрены 3 соборных храма, 109 городских и сельских церквей и обревизованы причты 62 церквей, явившиеся с документами; 9 монастырей и 4 приписных пустыни.

Вологодская епархия во второй половине XIX в. была одной из обширнейших епархий Российской империи, кафедральный город находился на ее крайнем юго-западе. Восточные уездные города Яренского и Усть-Сысольского уездов отстояли от кафедрального города на 720 и 877 верст, а дальние церкви Печерского края — на 1415 и 1565 верст[32].

Из уездов Вологодской епархии реже прочих посещался вологодскими преосвященными Усть-Сысольский уезд, самым отдаленным от епархиального центра местом их визитов был Троице-Стефановский Ульяновский монастырь, находившийся в 165 верстах от Усть-Сысольска, а от Вологды — в 1027 верстах. За годы управления Вологодской епархией епископ Палладий посетил все уезды Вологодской губернии. Как справедливо было отмечено его современником, «редкий приход или причт не видел своего архипастыря за его немноголетнее служение; он пробирался в самые отдаленные уголки обширной епархии»[33].

В 1871 г. владыка посетил Усть-Сысольск. Жители этого города с восторгом принимали владыку, такие редкие посещения составляли «эпоху в их жизни»[34]. После

[31] Источники: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 412. Л. 4 об.–13 об.; Д. 461. Л. 7–14; Обозрение церквей Вологодской епархии Преосвященнейшим Палладием, епископом Вологодским и Устюжским, в июне, июле и августе сего 1870 года // Вологодские епархиальные ведомости. 1870. № 18. С. 632–638.

[32] Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 17094. Л. 1.

[33] Памяти Высокопреосвященного митрополита Палладия // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1899. № 3. С. 58.

[34] Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского, для обозрения церквей и духовенства Вологодской епархии, с 17 июня по 29 июля сего 1871 г. // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1871. № 18. С. 660.

посещения Усть-Сысольска в 1871 г. епископ Палладий отмечал: «Усть-Сысольск редко видит своих архиереев и тем с большим усердием принимает их. По прибытии моем к собору, весь собор и площадь при нем переполнены были народом»[35].

Посещение вологодскими преосвященными далекого Усть-Сысольского края, почти полностью заселенного зырянским населением, было крайне важно с точки зрения религиозного просвещения. Епископ Палладий посещал в 1871 г. дома духовенства зырянского края и с прискорбием отмечал: «Во многих семействах дети говорят по-зырянски и русского языка почти не разумеют, чему причиною то, что и сами родители, как между собою, так и с детьми употребляют дома преимущественно язык зырянский. Указывая родителям на вред этого домашнего их обычая для будущего образования их детей, которым, без надлежащего домашнего навыка в русском языке, труднее будет знакомиться с ним в училище, пастырски увещевал их в семейных разговорах употреблять язык русский, и по возможности стараться вводить его в общее употребление и между зырянским населением»[36].

В ходе поездок по епархии владыкой совершались архиерейские литургийные служения, которые становились яркими и запоминающимися событиями для паствы. По воспоминаниям современников, архиерейские богослужения Палладия были очень торжественны: «Любил он все торжественное: и представительных священников, и голосистых диаконов, и громкое, торжественное церковное пение до двухорных концертов включительно»[37]. Вдохновляясь священнодействием сам, он «поднимал высокое одушевление и во всех окружающих, и, замечая холодность и монотонность в пении, так заявлял клиросу свое требование: “поторжественнее! поторжественнее!”. Присутствовавшие на богослужениях Преосвященного Палладия отмечали, что “в священнодействии это был *князь* епископов”»[38]. Архиерейский хор певчих стоял при нем «на возможной своей высоте, не только по своему искусству, но и по своей внешности, являясь при торжественных случаях в великолепных форменных кафтанах»[39].

Профессор Казанской Духовной Академии А. А. Царевский, лично знавший митрополита Палладия, в своих воспоминаниях о нем описывал разговор, который произошел у него в Вологде с одним из вологжан. Этот краткий разговор может стать яркой иллюстрацией отношения горожан к епископу Палладию. Думается, уместным станет привести это воспоминание здесь полностью: «Не далее как нынешним летом, проездом в Соловки, попал я ранним утром в Вологду. Посетивши несколько церквей, побродивши и достаточно по городу, я сел отдохнуть на грязном берегу грязной речонки Вологды, пересекающей город. Недалеко от меня расположился какой-то старичок, мирный обыватель из среднего сословия. С обычным провинциальным любопытством оглядевши меня, старичок равнодушно заговорил со мной, на что я охотно отозвался. По исконному нашему духовенскому обычаю, я стал расспрашивать его о церквах, об архиереях и т. п. И между прочим, как-то неожиданно даже для себя самого, я спросил: а помните-ли Палладия? — “Это митрополита-то теперешнего? Как же не помнить! Молодой он еще у нас был, красивый и служака; хороший был архиерей, ах какой хороший!”»[40].

Как на одну из особенностей характера преосвященного Палладия многие современники указывали на его «человекоугодливость». Так, вспоминая о епископе Палладии, протоиерей Алексей Попов отмечал: «Преосвященный Петр Лосев,

---

[35] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 412. Л. 8.

[36] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 412. Л. 12 об.–13.

[37] *Попов А., прот.* Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии // URL: https://www.booksite.ru/fulltext/pri/che/tnic/son/1.htm (дата обращения: 02.05.2022).

[38] *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского Высокопреосвященнейшего Палладия // Православный собеседник. 1899. Ч. 1. № 1. С. 31.

[39] Памяти Высокопреосвященного митрополита Палладия // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1899. № 3. С. 60.

[40] *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского, Высокопреосвященного Палладия. Казань, 1899. С. 10.

бывший викарным епископом в Устюге, после совместной службы с Преосвященным Палладием, когда этот последний был уже экзархом Грузии, отмечал в нем человекоугодливость как существенную черту его характера. А отец Петр Алексеевич Смирнов, бывший настоятель Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, даже в надгробной речи в день отпевания Высокопреосвященного Палладия, уже митрополита Санкт-Петербургского, воскликнул, отмечая его добрую душу: "Всем-то ты хотел угодить!"»[41]. Эту особенность характера митрополита Палладия отмечал и А. А. Царевский: «В нем не было той силы характера, которой отличались православные иерархи, например, Филарет — митрополит московский, или ближе к нам, — высокопреосвященный Павел (Лебедев) — архиепископ Казанский; он не был так учен, как прославленные за свои ученые труды иерархи, например, Макарий (Булгаков); но он знал иную, очень трудную науку жизни человеческой, науку понимать людей и входить в их нужды и положение»[42].

Красота и торжественность богослужений, доброта и человеколюбие в отношениях с духовенством и паствой стали той причиной, по которой на долгие годы сохранилась память о епископе Палладий среди вологжан. Вологодская паства не забывала своего любимого владыку и на новом месте его архипастырского служения. В 1874 г., уже будучи на Тамбовской кафедре, владыка Палладий принимал у себя депутацию от купцов Вологды. Вологодский городской голова А. Е. Волков, находившийся в составе этой депутации, преподнес в подарок епископу «в сребропозлащенной, украшенной драгоценными камнями ризе икону Всемилостивого Спаса», копию вологодской святыни, находившейся во Всеградском Спасообыденном храме[43]. Среди документов личного фонда митрополита Палладия (Раева), хранящегося в Российском государственном историческом архиве, сохранились письма с просьбами протоиерея великоустюжского Успенского собора и викарного епископа Гавриила, датируемые 1893 г.[44] То есть, о епископе Палладии помнили и обращались к нему за помощью даже через 20 лет после его пребывания на Вологодской земле.

Административная деятельность преосвященного Палладия не отличалась особыми новациями, в сфере его пастырских интересов находились те вопросы, которые всегда особо занимали архиереев того времени — забота о поддержке материального состояния духовенства, развитие духовно-учебных заведений, обозрение епархии. Вместе с тем, благодаря его яркому пастырскому таланту и душевным качествам в Вологодской епархии, ставшей первой самостоятельной кафедрой для митрополита Палладия на многотрудном пути его служения Церкви, сохранилась добрая память о нем.

Источники и литература

Источники

1. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17094 (Отчет Вологодского епископа о состоянии епархии за 1897 г.).

2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 261 (Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1868 г.).

3. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 311 (Отчет о состоянии Вологодской епархии в 1869 г.).

[41] *Попов А., прот.* Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии // URL: https://www.booksite.ru/fulltext/pri/che/tnic/son/1.htm (дата обращения: 02.05.2022).

[42] *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского Высокопреосвященнейшего Палладия // Православный собеседник. 1899. Ч. 1. № 1. С. 5–37.

[43] *Вышеславцев П. О.* Палладий, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский… С. 102–103.

[44] РГИА. Ф. 684. Оп. 1. Д. 18. Д. 35.

4. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 412 (Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1871 г.).

5. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 461 (Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1872 г.).

6. РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 716 (Формулярный список Палладия (Раева) 1867–1896 гг.).

7. РГИА. Ф. 684. Оп. 1. Д. 18 (Письмо Гавриила, епископа Вологодского и Тотемского об оказании помощи семье умершего протоиерея кладбищенской Введенской церкви Н. Якубова).

8. РГИА. Ф. 684. Оп. 1. Д. 35 (Письма Попова Н., протоиерея Великоустюжского Успенского собора, о необходимости проведения реформы по улучшению материального положения духовенства).

Литература

9. Введение выборного начала в духовенстве Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1867. № 13. С. 496–503.

10. Воззвание ко всем чадам Православной церкви — Богоспасаемой Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1868. № 1. С. 1–2.

11. *Вышеславцев П. О.* Палладий, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский // Русская старина. 1899. № 4. С. 77–103.

12. Освящение нового каменного дома для епархиального сиротского приюта в Успенском женском монастыре г. Вологды, 20 мая, 1873 года // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1873. № 12. С. 468–471.

13. Памяти Высокопреосвященного митрополита Палладия // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1899. № 3. С. 54–63.

14. *Попов А., прот.* Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии // URL: https://www.booksite.ru/fulltext/pri/che/tnic/son/1.htm (дата обращения: 02.05.2022).

15. Предложение Его Преосвященства Правлению Вологодской Духовной семинарии, от 10 февраля, 1870 года, № 841 // Вологодские епархиальные ведомости. 1870. № 5. С. 108–109.

16. Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского Вологодской Духовной Консистории от 20 апреля, 1873 года, за № 2225 // Вологодские епархиальные ведомости. 1873. № 9. С. 116–117.

17. Прибытие в Вологду Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского // Вологодские епархиальные ведомости. (Прибавление). 1869. № 20. С. 764–768.

18. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. VIII. Ч. 1. М., 1996.

19. *Тихов А. И.* Памяти высокопреосвященного Палладия, Митрополита С.-Петербургского. (Биогр. заметка). [Нижний Новгород, 1900]. 13 с.

20. *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского Высокопреосвященнейшего Палладия // Православный собеседник. 1899. Ч. 1. № 1. С. 5–37.

21. *Царевский А. А.* Памяти в Бозе почившего митрополита Санкт-Петербургского, Высокопреосвященного Палладия. Казань, 1899. 44 с.

ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

А. Н. Кашеваров

Деятельность митрополита Григория (Чукова) в контексте частичного возвращения святых мощей в 1940–1950-х гг.

УДК 271.2-726.1-9+94(47+57)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_30
EDN NDDMCQ

Аннотация: Основная цель статьи — освещение вклада одного из самых деятельных и энергичных иерархов Русской Православной Церкви советской эпохи, митрополита Григория (Чукова) в процесс возвращения Церкви святых мощей в контексте государственно-церковных отношений второй половины 1940-х — 1950-х гг. Послевоенный курс советского правительства на нормализацию этих отношений вызвал у верующих и священноначалия Московской Патриархии надежды на возвращение святых мощей, уцелевших в годы антирелигиозных кампаний и хранившихся в различных музеях страны. В статье рассмотрены итоги инициативы владыки Григория по возращению мощей свт. Феодосия Черниговского, св. прав. Иакова Боровичского и свт. Никиты Новгородского.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, святые мощи, патриарх Алексий I, митрополит Григорий (Чуков), Совет по дела Русской Православной Церкви, Г. Г. Карпов.

Об авторе: **Анатолий Николаевич Кашеваров**
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных наук С.-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
E-mail: kashevar12@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9856-4925

Для цитирования: Кашеваров А. Н. Деятельность митрополита Григория (Чукова) в контексте частичного возвращения святых мощей в 1940–1950-х гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 30–39.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Anatoliy N. Kashevarov

Activities of Metropolitan Gregory (Chukov) in the context of the partial return of Holy relics in the 1940s-1950s

UDC 271.2-726.1-9+94(47+57)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_30
EDN NDDMCQ

Abstract: The main purpose of the article is to highlight the contribution of one of the most active and energetic hierarchs of the Russian Orthodox Church of the Soviet era, Metropolitan Grigory (Chukov), to the process of returning Holy relics to the Church in the context of state — Church relations in the second half of the 1940s-1950s. The post-war course of the Soviet government to normalize these relations raised hopes among the faithful and the clergy of the Moscow Patriarchate for the return of the Holy relics that survived the anti-religious campaigns and were kept in various museums in the country. The results of Bishop Gregory's initiative to return the relics of Saint Theodosius of Chergnigovo, Saint James of Borovichi, and Saint Nikita of Novgorod are considered.

Keywords: Russian Russian Orthodox Church, Holy relics, Patriarch Alexy I, Metropolitan Grigory (Chukov), Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, G. G. Karpov.

About the author: **Anatoliy Nikolaevich Kashevarov**
Doctor of History, Professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.
E-mail: kashevar12@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9856-4925

For citation: Kashevarov A. N. Activities of Metropolitan Gregory (Chukov) in the context of the partial return of Holy relics in the 1940s-1950s. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 30–39.

* Photos are taken from open sources.

Митрополит Григорий (Чуков)

Митрополит Григорий (Чуков) являлся одним из самых деятельных и энергичных иерархов Русской Православной Церкви советской эпохи, инициативы которого на десятки лет опережали свое время. Еще в конце 1940-х гг. он ставил вопрос о возвращении Церкви Валаамского и Коневского монастырей, соборов Александро-Невской лавры и Тихвинского монастыря, петербургского Казанского собора. В это же время произошло возвращение Церкви некоторых святых мощей, в котором он принял самое активное участие.

Курс Советского правительства на нормализацию государственно-церковных отношений, начавшийся в период Великой Отечественной войны, вызвал у верующих и священноначалия Московской Патриархии надежды на возвращение Церкви святых мощей, уцелевших в годы антирелигиозных кампаний и хранившихся в различных музеях страны. По данным Совета по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР, в Советском Союзе находились мощи 254 святых — в Киево-Печерской лавре, в краеведческих и антирелигиозных музеях, в музее истории и религии и атеизма в Ленинграде[1]. Почти половину из них (122) составляли мощи подвижников, покоившиеся в пещерах Киево-Печерской лавры[2].

Самая первая, известная по архивным материалам попытка возвращения мощей была связана с мощами свт. Митрофана Воронежского. Инициатива в данном случае исходила «снизу», то есть, не от духовенства и священноначалия, а от мирян — православных христиан г. Ферганы. Местная община верующих в 1944 г., а затем и епископ Ташкентский и Среднеазиатский Кирилл (Поспелов) в 1945 г. начали череду ходатайств о возвращении мощей святых[3].

Со своей стороны, патриарх Алексий I многократно обращался в Совет по делам Русской Православной Церкви с ходатайствами о возвращении святынь из музеев в храмы для поклонения им верующих. Впервые эта важная тема была поставлена патриархом в 1945 г. в контексте возвращения в ведение Московской Патриархии Троице-Сергиевой лавры. 15 августа 1945 г. им было направлено в Совет по делам Русской Православной Церкви обстоятельное письмо, обосновывающее необходимость открытия этого духовного центра. В заключение этого обращения патриарх писал следующее: «Имею дерзновенную мысль просить Совет ходатайствовать пред Правительством о передаче в ведение Московской патриархии всероссийской святыни — мощей преподобного Сергия, находящихся в настоящее время в своей прежней раке в Троицком соборе… Если бы Правительство нашло возможным удовлетворить мою просьбу, зажглась бы лампада у раки Преподобного Сергия, то одно это обстоятельство могло бы свидетельствовать пред всем миром, интересующимся церковной жизнью в нашем Союзе, о положении в ней Православной Церкви. А с другой

[1] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете Министров СССР. 1945–1970 / под ред. Н. А. Кривовой. Т. 1. 1945–1953 гг. М., 2009. С. 27.

[2] *Удовик С.* Киев. Киев, 2010. С. 50.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 613. Л. 6.

стороны, все верующие оценили бы этот акт как самое яркое выражение того отношения к Церкви, какое имеет наше Советской правительство»[4].

На основании этого письма патриарха Алексия I 21 августа 1945 г. председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карповым была послана докладная записка в Совнарком с ходатайством о передаче в распоряжение Московской Патриархии одного из главных корпусов Троице-Сергиевой лавры, об открытии Успенского собора, о передаче мощей св. прп. Сергия Радонежского Московской Патриархии и перенесении их из Троицкого собора в Успенский собор. На докладной записке имеется резолюция: «Тов. Карпову. Возражений нет. В. Молотов. 22/VIII». О результатах рассмотрения просьбы патриарха Г. Г. Карпов сообщил в письме 4 сентября 1945 г. Примечательно, что оно было зачитано на состоявшемся в тот же день заседании Св. Синода[5].

На Пасху 1946 г. в Успенском соборе лавры совершилось первое богослужение[6]. Накануне, в Великую субботу (20 апреля) состоялась передача братии монастыря мощей св. прп. Сергия Радонежского, считавшихся в советское время экспонатом музея, расположенного в стенах обители. В семь часов вечера из Троицкого собора в Успенский собор в закрытой серебряной раке принесли мощи прп. Сергия. Раку поставили на деревянный помост у правой стены Успенского собора[7].

В том же 1946 г. благодаря настойчивым ходатайствам митрополита Ленинградского Григория (Чукова) в Чернигов были возвращены находившиеся в хранилище бывшего Исаакиевского собора мощи свт. Феодосия, архиепископа Черниговского[8]. В город на Неве их доставили, по всей видимости, в конце 1930-х гг., когда в Москве был снесен Страстной монастырь, где находился Центральный антирелигиозный музей. Перед возвращением мощей свт. Феодосия в Чернигов, в течение двух с половиной месяцев — с середины июня до конца августа 1946 г. — вновь обретенные мощи святого находились в кафедральном Николо-Богоявленском соборе Ленинграда. 13 июня 1946 г. перед всенощным бдением мощи, перемещенные в приготовленный гроб, были установлены на левой стороне нижнего Никольского храма. Во время всенощной священнослужители вынесли гроб с мощами на середину храма, на место, где обычно ставится праздничная икона, и установили его на приготовленном столе — на возвышении для поклонения верующим. После окончания богослужения мощи были возвращены на левую сторону нижнего храма[9]. 5 августа 1946 г. митрополит Григорий распорядился «ввиду предстоящего в начале сентября сего 1946 года отбытия из Ленинграда святых мощей святителя Феодосия, архиепископа Черниговского, о. настоятелю кафедрального Николо-Богоявленского собора протоиерею Павлу Тарасову, совместно с исполнительным органом собора, в спешном порядке озаботиться заказом изготовления иконного изображения святителя Феодосия для помещения такового на настоящей, остающейся в соборе раке, в которой сейчас почивают здесь святые мощи»[10].

Описанный выше процесс перенесения мощей свт. Феодосия является примером того, как в отличие от «мощейной эпопеи» первых лет советской власти, сопровождавшейся пропагандистской шумихой с публикацией «разоблачительных» статей, съемками документальных фильмов и т. п., частичное возвращение мощей во второй половине 1940-х гг. происходило как бы втайне от общества, становилось известным в основном постоянным прихожанам православных храмов.

---

[4] Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 68–69.

[5] Там же. С. 69.

[6] *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 338–339.

[7] *Андроник (Трубачев), иг.* Судьба главы Преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4. С. 33.

[8] *Александрова-Чукова Л. К.* Григорий (Чуков), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 596.

[9] Архив С.-Петербургской епархии (далее — АСПбЕ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 13–13 об.

[10] Там же. Л. 15–15 об.

Атеистическая власть не хотела специального привлечения общественного внимания к отдельным случаям возвращения Церкви святых мощей, поскольку все это лишний раз свидетельствовало о частичной ревизии прежней религиозной политики, проводившейся в 1920–1930-х гг., способствовало притоку паломников и богомольцев к возвращенным святыням, а, следовательно, и усилению позиций Православной Церкви в советском обществе.

В 1946 г. были возвращены также мощи свв. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, перевезенные в 1947 г. из Москвы в Вильнюс, в православный Свято-Духовский мужской монастырь. Эти первые возращения святых мощей патриарх Алексий I в своем Рождественском и новогоднем приветствии от 25 декабря 1946 г. особо отметил как «знаменательные в нашей церковной жизни события»[11].

Передача мощей свв. Сергия Радонежского, Феодосия Черниговского и трех Виленских мучеников Патриархии послужила обнадеживающим сигналом местному духовенству и верующим для того, чтобы начать попытки вернуть из музеев и хранилищ мощи других русских святых для поклонения. Так, летом 1946 г. о необходимости передачи мощей свт. Иоанна, митрополита Тобольского из музея в собор Тобольска патриарху писал архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцов). Тогда же (в июле 1946 г.) патриарх Алексий I препроводил это прошение Г. Г. Карпову[12]. Следует особо отметить, что не только духовенство, но и массы верующих в своих обращениях, адресованных как священноначалию, так и светским властям — центральным и местным — поднимали вопрос о возвращении мощей. Об этом, в частности, свидетельствуют письма мирян, поступавшие в этот период в Совет по делам Русской Православной Церкви[13]. Примечательно, что на местах в большинстве случаев именно верующие возбуждали ходатайства о возвращении святых мощей, обращаясь с письменными прошениями к епархиальным архиереям, которые, в свою очередь, на их основании писали соответствующие рапорты патриарху и просьбы в Совет по делам Русской Православной Церкви.

7 февраля 1947 г. митрополит Григорий обратился с прошением к патриарху Алексию I, в котором был представлен рапорт настоятеля Успенской церкви г. Боровичи, протоиерея Сергия Георгиевского, а также ходатайство верующих о возвращении мощей св. прав. Иакова Боровичского, которые, как полагали настоятель и его паства, «в настоящее время находятся в г. Валдае в местном музее при Иверском монастыре»[14]. Следует отметить, что написавший этот рапорт священник Сергий Иванович Городецкий был местным уроженцем (он родился в 1883 г. в селе Волок Боровичского уезда Новгородской губернии), закончил в 1893 г. Новгородскую духовную семинарию и хорошо знал историю святынь своей малой родины[15]. Примечательно и то, что в рапорте протоиерея Сергия Городецкого, отправленном 15 января 1947 г. в канцелярию митрополита о мощах св. Иакова Боровичского, говорилось, что «по слухам они находятся в местном музее г. Валдая»[16]. Просьба Московской Патриархии о возвращении Церкви в числе древних святынь мощей св. Иакова Боровичского в том же 1947 г. была отклонена. В документе, составленном в Совете по делам Русской Православной Церкви и озаглавленном «Дело о мощах Иакова», было записано, что 10 июля 1947 г. получены сведения об отсутствии мощей в музеях Валдая уже перед Великой Отечественной войной, «но когда и куда они изъяты, неизвестно»[17]. По другой версии,

[11] *Алексий (Симанский), патр.* Рождественское и новогоднее приветствие Святейшего патриарха Московского и всея Руси читателям журнала Московской Патриархии // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 12. С. 3.

[12] Письма патриарха Алексия I… Т. 1. С. 268.

[13] См., например: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 609. Л. 2–2 об.

[14] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 608. Л. 2.

[15] *Галкин А. К.* «…За 60-летнее беспорочное служение Церкви Божией». Митрофорный протоиерей Сергий Иванович Георгиевский (1873–1956) // София. 2008. № 4. С. 12.

[16] Там же. С. 14; АСПбЕ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 107.

[17] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 608. Л. 7.

после вскрытия, которое состоялось, согласно отчету VIII (ликвидационного) отдела Народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду Советов, 30 марта 1919 г. (в результате этого вскрытия были обнаружены «кости, соединенные высохшими связками»),[18] мощи св. Иакова Боровичского были возвращены в Иверский монастырь и исчезли после упразднения обители в 1927 г. (возможно, они были скрыты насельниками).

3 декабря 1947 г. Г. Г. Карпов представил в Совет министров СССР на имя К. Е. Ворошилова следующие документы: а) список мощей, находящихся в действующих церквах и монастырях; б) список мощей, о передаче которых имеются ходатайства епископов и патриарха; в) список мощей, находящихся в Музее истории религии и местных музеях, по которым ходатайства о передаче их Церкви не возбуждались. В докладной записке Совета по делам Русской Православной Церкви содержалось следующее заключение: «Совет считает нецелесообразным дальнейшее нахождение "мощей", о которых не возбуждались ходатайства о передаче церкви, в Музее истории религии и краеведческих музеях, и предлагает изъять эти "мощи" из музеев, собрать их в одно место (желательно в Москве в Музее истории религии) и уничтожить. О времени и способе уничтожения, если будет дано согласие правительства, Совет представит свои предложения. Что касается "мощей", по которым возбуждены ходатайства епископов и патриарха, то их придется сохранить, так как эти "мощи" видели представители духовенства и верующие, когда они были выставлены в музеях для обозрения, они знают их местонахождении и состояние их. Возможно, что некоторые из этих "мощей" на основании распоряжения Совета Министров СССР № 6995 от 7 июня 1947 г. придется передать церкви»[19].

Возвращение мощей св. Анны Кашинской в феврале 1948 г. было последним положительным для Церкви решением атеистической власти, касавшимся судьбы мощей русских святых в период сталинской религиозной «оттепели» 1943–1948 гг.[20] Всего же во второй половине 1940-х гг. Церкви были возвращены мощи десяти русских святых: в 1946 г. — свт. Тихона Задонского (г. Орел), прп. Сергия Радонежского (Троице-Сергиева лавра), свт. Феодосия Черниговского (г. Чернигов), Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (г. Вильнюс); в 1947 г. — свт. Иоанна Тобольского (г. Тобольск), свт. Алексия Московского (г. Москва); в 1948 г. — мощи блгв. кнг. Анны Кашинской (г. Кашин Калининской области); а также — мощи младенца-мученика Гавриила Белостокского, дату передачи которых Церкви не удалось установить[21]. Возращение мощей этих святых дало значительный импульс паломничеству. Вновь обретенные святыни притягивали к себе тысячи богомольцев.

Прекращение возврата мощей святых Церкви было связано с определенным охлаждением государственно-церковных отношений, которое произошло во второй половине 1948 г. и было вызвано целым комплексом различных причин, включая необходимость уступок той части партийного аппарата, которая не одобряла послаблений Церкви.

С конца 1954 г. государственная религиозная политика характеризуется заметным потеплением в отношении Церкви. Развернувшийся в середине 1950-х гг. процесс

---

[18] Отчет VIII (ликвидационного) отдела народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду советов (Сводка вскрытий «мощей», произведенных по почину трудящихся в пределах Советской России в 1918, 1919 и 1920 гг.) // Революция и церковь. 1920. № 9–10. С. 78.

[19] Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 284–285.

[20] По сведениям петербургского исследователя М. В. Шкаровского, мощи св. Анны Кашинской были возращены в январе 1948 г. См.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 335.

[21] В сентябре 1992 г. Синод Белорусского экзархата Русской Православной Церкви принял решение о передаче мощей св. Гавриила Польской Православной Церкви. Ныне они находятся в Свято-Николаевском кафедральном соборе в г. Белосток (Польша). См.: *Семененко-Басин И.* Возвращение мощей святых Русской православной церкви в 1940-х годах // Страницы: Богословие. Культура. Образование. 2004. Том 9. Вып. 1. С. 78.

Н. А. Булганин

либерализации, осуждения «культа личности» и, в целом, расширения возможностей духовной жизни не мог не сказаться благотворно и на положении Русской Православной Церкви. Началось освобождение выживших в лагерях и тюрьмах священнослужителей. Московская Патриархия, используя общее смягчение политического климата в стране, стремилась активизировать церковную жизнь и расширить свое влияние. В этих условиях священноначалие вновь поставило перед властью вопрос о возвращении мощей ряда русских святых.

14 июля 1954 г. митрополит Григорий направил патриарху Алексию I (Симанскому) доклад с предоставлением рапорта настоятеля Никольского собора г. Новгорода, протоиерея Александра Ильина, от имени всех верующих новгородцев ходатайствовавшего о передаче мощей свт. Никиты Новгородского в Никольский собор для церковного почитания[22]. Примечательно, что мощи этого святого в то время находились в приделе Софийского собора, обращенного в музей, в простых ящиках, на полу. 27 июня 1955 г. владыка Григорий вновь обратился к патриарху по вопросу о возвращении Церкви мощей св. Никиты Новгородского. «Среди православных древнерусских святых Великого Новгорода, — писал митрополит, — издревле и глубоким и широким почитанием пользовались святые останки святителя Никиты, епископа Новгородского, одного из первоначальных подвижников Киево-Печерской лавры. Многим из наших современников еще памятны великие торжества, происходившие в Новгороде с 29 апреля по 1 мая 1910 года в связи с 800-летием блаженной кончины и 350-летия со дня открытия мощей св. епископа Новгородского Никиты. Через три года Св. Церковь и верные чада ее могут молитвенно праздновать 400-летие открытия мощей угодника Божия и 850-летие со дня его блаженной кончины. Как мне известно, мощи св. Никиты лежат в здании-заповеднике, бывшем храме Св. Софии Новгородской, обнаженными в простом ящике под стеклом. Такое положение мощей святителя вызывает глубокое смущение и грусть у верующих, а также большое недоумение у посетителей заповедника по случаю неблагообразного положения святых мощей». В заключение владыка Григорий напоминал об уже совершившейся в 1946 г. передаче из музея в храм мощей св. Феодосия Черниговского и просил патриарха «обратиться с ходатайством через Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР о водворении св. мощей святителя Никиты, епископа Новгородского в действующий Николо-Дворищенский собор г. Новгорода»[23].

На приеме у главы советского правительства Н. А. Булганина 26 марта 1956 г. патриарх Алексий I, который принял архиерейскую хиротонию в Софийском соборе Новгорода 28 апреля 1913 г. пред мощами свт. Никиты Новгородского, затронул вопрос об их возвращении верующим[24].

---

[22] Доклад митрополита Григория патриарху Алексию I от 14 июля 1954 г. Машинопись. Копия // Архив «Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова)», Л. К. Александрова (далее — Архив митрополита Григория (Чукова)).

[23] Доклад митрополита Григория патриарху Алексию I от 27 июня 1955 г. Машинопись. Копия // Архив митрополита Григория (Чукова).

[24] Письма патриарха Алексия I… Т. 1. С. 300.

20 июня 1956 г. Г. Г. Карпов в докладной записке в ЦК КПСС и Совет министров СССР сообщал о том, что патриарх уже во второй раз поднимает этот вопрос. Совет по делам Русской Православной Церкви просил ЦК КПСС дать указание Новгородскому обкому КПСС не препятствовать передаче мощей свт. Никиты в действующую церковь, мотивируя свою просьбу тем, что летом и осенью 1956 г. патриархом Алексием будут приняты церковные делегации из Англии, Сирии, Ливана, Канады, Греции и других стран. «А главное, — писал председатель Совета, — чтобы у патриарха не возникли сомнения в искренности отношений к нему со стороны правительства»[25]. Однако, как сообщал патриарху в конце августа 1956 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Елевферий (Воронцов), сменивший владыку Григория после его кончины 5 ноября 1955 г., «дело передачи мощей св. Никиты Новгородского… тормозится некоторыми местными организациями» и нет надежды «на получение их»[26]. 5 сентября патриарх Алексий I с возмущением писал заместителю председателя Совета по делам С. К. Белышеву следующее: «Но новгородскую задержку трудно понять ввиду того, что нам было категорично сказано Георгием Григорьевичем (председателем Совета Карповым. — *А. К.*), что все распоряжения сделаны, и мощи можно получить без всякой задержки. Так что действия местных властей можно не иначе квалифицировать как служебное преступление»[27].

Г. Г. Карпов

12 сентября 1956 г. член Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Т. Уткин прибыл в командировку в Новгород для решения вопроса о передаче мощей в действующий Никольский собор. В тот же день он был принят секретарем обкома КПСС по пропаганде Трифоновым. В ходе беседы секретарь обкома высказал свое негативное отношение к передаче мощей, объяснив это тем, что Новгородская область «сильно заражена религиозными предрассудками и передача мощей вызовет большое паломничество не только из всех районов Новгородской области, но и из других областей». Трифонов также в резкой и категоричной форме заявил, что «напрасно т. Карпов, которого он знает как старого члена партии и заслуженного работника, потакает патриарху. Пусть патриарх пишет, пусть обращается к тов. Булганину, ничего от этого не случится… Если Совету нужно во что бы то ни стало удовлетворить просьбу патриарха, то пусть т. Карпов обратится к т. Хрущеву и если от него последует указание, мы, как солдаты революции, безоговорочно выполним. А сейчас мы имеем только телефонный разговор из ЦК и то, скорее, в форме рекомендации, в форме пожелания, а не приказа»[28].

Затем Г. Т. Уткин беседовал с уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви по Новгородской области Ф. Зайцевым и со священнослужителями,

[25] Там же.

[26] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете Министров СССР. 1945–1970 / под ред. Н. А. Кривовой. Т. 2. 1954–1970 гг. М., 2010. С. 168.

[27] Там же. С. 166.

[28] Там же. С. 165–166.

вместе с заведующей музеем Константиновой побывал в Софийском соборе, где хранились мощи нескольких святых.

26 сентября 1956 г. уполномоченный Совета Ф. Зайцев доложил в Совет по делам Русской Православной Церкви о том, что 19 сентября мощи свт. Никиты были переданы из музея в действующий Никольский собор в Новгороде. В частности, он сообщал: «По данным настоятеля собора, в течение первых трех-четырех дней приход в собор увеличился раза в полтора и якобы больше не увеличивается, т. е. это значит, что если в обычные дни служб верующих бывает 2–3 тысячи человек, то после установки мощей посещать собор стало 4–5 тысяч человек»[29].

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. вошли в историю государственно-церковных отношений как полный драматизма период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайший срок решить религиозную проблему в стране. Сильнейший удар был нанесен по Русской Православной Церкви как самой влиятельной и многочисленной. В ходе развернувшейся антирелигиозной кампании заметно усилились и умножились акции, направленные против почитания верующими святых мощей. На киноэкраны страны выпустили фильм «Правда о мощах», основанный на материалах старой хроники вскрытия мощей в 1918–1920 гг. Данные вскрытий мощей в первые годы советской власти также послужили основой для целой серии новых «противомощейных» статей и брошюр. Так, в серии «Научно-популярная библиотека по атеизму» массовым тиражом в 100 тысяч экземпляров была издана брошюра «О святых мощах». Первый ее раздел носил весьма примечательное название «“Святые” мощи и благочестивая спекуляция». Автор этого раздела М. Долгинов уверял своих читателей, что нетленность является результатом «мошеннических проделок церковников с мощами для наживы и удержания в своих сетях суеверных людей» и призывал к изъятию тех мощей святых, которые еще находились в православных церквях и монастырях: «“Святым мощам” место лишь в музеях, рядом с первобытными орудиями труда и древнегреческими мумиями»[30]. В 1964 г. местной властью в Чернигове были конфискованы мощи свт. Феодосия Черниговского, которые в ходе этой акции были вынесены из алтаря собора самими священнослужителями[31]. В период перестройки, накануне празднования 1000-летия Крещения Руси, ставшего важнейшей вехой в изменении государственно-церковных отношений, мощи свт. Феодосия Черниговского были в числе первых возвращенных Церкви мощей святых[32].

Ныне, когда исполнилось 150 лет со дня рождения митрополита Григория, при описании его вклада в деятельность Церкви важно отметить один из его подвигов — борьбу за возвращение Русской Православной Церкви мощей святых.

Источники и литература

1. *Александрова-Чукова Л. К.* Григорий (Чуков), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 592–598.

2. *Алексий (Симанский), патр.* Рождественское и новогоднее приветствие Святейшего патриарха Московского и всея Руси читателям журнала Московской Патриархии // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 12. С. 3.

3. *Андроник (Трубачев), иг.* Судьба главы Преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4. С. 33–53.

4. Архив С.-Петербургской епархии (АСПбЕ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1; Д. 2.

[29] Письма патриарха Алексия I… Т. 1. С. 300–301; Т. 2. С. 165–166.

[30] *Долгинов М.* «Святые» мощи и благочестивая спекуляция // О святых мощах. М., 1961. С. 46.

[31] Письма патриарха Алексия I… Т. 2. С. 493–494.

[32] *Кашеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013. С. 192.

5. *Галкин А. К.* «...За 60-летнее беспорочное служение Церкви Божией». Митрофорный протоиерей Сергий Иванович Георгиевский (1873–1956) // София. 2008. № 4. С. 12–14.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 608; Д. 609; Д. 613.

7. Доклад митрополита Григория патриарху Алексию I от 14 июля 1954 г. Машинопись. Копия // Архив «Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова)», Л. К. Александрова (далее — Архив митрополита Григория (Чукова)).

8. Доклад митрополита Григория патриарху Алексию I от 27 июня 1955 г. Машинопись. Копия // Архив митрополита Григория (Чукова).

9. *Долгинов М.* «Святые» мощи и благочестивая спекуляция // О святых мощах. М., 1961. С. 3–46.

10. *Кашеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013.

11. Отчет VIII (ликвидационного) отдела народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду советов (Сводка вскрытий «мощей», произведенных по почину трудящихся в пределах Советской России в 1918, 1919 и 1920 гг.) // Революция и церковь. 1920. № 9–10. С. 70–81.

12. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете Министров СССР. 1945–1970 / под ред. Н. А. Кривовой. Т. 1. 1945–1953 гг. М., 2009.

13. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете Министров СССР. 1945–1970 / под ред. Н. А. Кривовой. Т. 2. 1954–1970 гг. М., 2010.

14. *Семененко-Басин И. В.* Возвращение мощей святых Русской православной церкви в 1940-х годах // Страницы: Богословие. Культура. Образование. 2004. Том 9. Вып. 1. С. 74–88.

15. *Удовик С.* Киев. Киев, 2010.

16. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.

17. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

Д. А. Карпук

Издательская и цензорская деятельность протоиерея Иоанна Яхонтова (1819–1888)

УДК 271.2-726.25-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_40
EDN LBASMR

Аннотация: В статье на основании архивных документов рассматривается духовно-литературная и цензорская деятельность одного из видных столичных священнослужителей второй половины XIX в. — протоиерея Иоанна Яхонтова. В 2023 г. исполнилось 135 лет со дня его кончины, а в 2024 г. исполняется 205 лет со дня его рождения. Будучи членом С.-Петербургского духовно-цензурного комитета в 1857–1858 гг., о. Иоанн проявил себя как выдающийся специалист в области духовной литературы, осторожно, внимательно и профессионально относящийся к литературной деятельности. В статье высказывается предположение, что именно литературный талант и образцовая цензорская деятельность о. Иоанна стали причиной назначения его редактором журнала «Духовная беседа», который был периодическим изданием С.-Петербургской духовной семинарии, а также по сути являлся официальным изданием Св. Синода и С.-Петербургской митрополии до 1875 г.

Ключевые слова: Св. Синод, С.-Петербургская духовная семинария, С.-Петербургский духовно-цензурный комитет, духовая цензура, «Духовная беседа», митрополит Исидор (Никольский), протоиерей Иоанн Яхонтов.

Об авторе: **Дмитрий Андреевич Карпук**
Кандидат богословия, заведующий аспирантурой, доцент кафедры церковной истории С.-Петербургской Духовной Академии, заведующий кафедрой церковно-исторических и общегуманитарных дисциплин Псково-Печерской духовной семинарии.
E-mail: dimand3@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3054-387X

Для цитирования: Карпук Д. А. Издательская и цензорская деятельность протоиерея Иоанна Яхонтова (1819–1888) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 40–50.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Dmitry A. Karpuk

Publishing and Censorship Activities of Archpriest Ioann Yakhontov (1819–1888)

UDC 271.2-726.25-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_40
EDN LBASMR

Abstract: This article, based on archival documents, examines the spiritual-literary and censorship activities of one of the prominent clergy members in the second half of the 19th century — Archpriest Ivan Yakhontov. In 2023, it marked the 135th anniversary of his death, and in 2024, the 205th anniversary of his birth. As a member of the St. Petersburg spiritual-censorship committee in 1857–1858, Father Ivan demonstrated himself as an outstanding specialist in the field of spiritual literature, handling literary activities with caution, attention, and professionalism. The article suggests that it was his literary talent and exemplary censorship work that led to his appointment as the editor of the journal "Dukhovnaya Beseda" (Spiritual Conversation), a periodical publication of the St. Petersburg Theological Seminary. Essentially, it served as the official publication of the Holy Synod and the St. Petersburg Metropolis until 1875.

Keywords: Holy Synod, St. Petersburg Theological Seminary, St. Petersburg Spiritual-Censorship Committee, spiritual censorship, "Dukhovnaya Beseda", Metropolitan Isidor (Nikolsky), Archpriest Ioann Yakhontov.

About the author: **Dmitry Andreevich Karpuk**
Candidate of Theology, Head of the Graduate Department, Associate Professor of the Department of Church History at the St. Petersburg Theological Academy, Head of the Department of Church History and General Humanities Disciplines at the Pskov-Pechersk Theological Seminary.
E-mail: dimand3@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3054-387X

For citation: Karpuk D. A. Publishing and Censorship Activities of Archpriest Ioann Yakhontov (1819–1888). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 40–50.

Протоиерей Иоанн Яхонтов

В 2023 г. исполнилось 135 лет со дня кончины протоиерея Иоанна Яхонтова (1819–1888), в 2024 г. исполняется 205 лет со дня его рождения. Конечно, круглыми датами эти юбилеи назвать трудно, однако же они побуждают хотя бы в общих чертах поговорить о человеке, имя которого «гремело» в 1860–1880-х гг., а сейчас практически полностью забыто. Один из современников писал, что протоиерей Иоанн Яхонтов «почти ни одной праздничной (воскресной) службы не пропускал без проповеди: его горячая импровизация наэлектризовывала слушателей и вызывала в них и слезы умиления, и слезы восторга, особенно когда покойный касался вопросов любви христианской, всепрощения, смирения христианского и надежды упования. Недаром многие называли его “наш Златоуст”, а многие (из других приходов) искренно смешивали с о. Иоанном Полисадовым и о. Иоанном Кронштадтским: первый еще ранее прославился как горячий воодушевленный импровизатор, последний и поныне (в 1890 г. — *Д. К.*) славится, особенно делами благотворения и любви христианской»[1].

Конечно, сейчас никто и не скажет, чем занимался протоиерей Иоанн Полисадов, упомянутый в приведенном выше свидетельстве. К этим трем Иоаннам можно прибавить еще одного протоиерея, впоследствии протопресвитера и духовника двух последних императоров — Иоанна Леонтьевича Янышева. Его имя известно чуть больше, чем имена протоиереев Иоанна Яхонтова и Иоанна Полисадова. Имя же св. прав. Иоанна Кронштадтского, конечно, известно всем.

Протоиерей Иоанн Константинович Яхонтов родился в священнической семье в Симбирской епархии. В 1843 г. он окончил С.-Петербургскую Духовную Академию[2], в следующем году — женился и принял священный сан. С этого времени началось его священническое служение в разных храмах С.-Петербурга: с 1844 г. — в Екатерининской церкви в Екатерингофе, с 1854 г. — в церкви св. Александра Невского при Смольном институте, с 1860 г. — в Ямской Крестовоздвиженской церкви и, наконец, с 1874 г. — в Никольском Морском соборе[3]. Примечательно, что в последнем храме он сменил на настоятельской должности своего однокурсника по Академии — протоиерея Силу Тапильского[4].

Одновременно со священническим служением протоиерей Иоанн Яхонтов выполнял различные епархиальные послушания. В разные годы он был членом Комитета

[1] *Н. М.* Протоиерей И. К. Яхонтов // *Яхонтов И., прот.* Собрание духовно-литературных трудов (1844–1885). Т. II. СПб., 1890. С. XX.

[2] В литературе очень часто указывается, что о. Иоанн Яхонтов окончил Симбирскую духовную семинарию в 1839 г., после чего поступил в столичную Духовную Академию. См.: Протоиерей И. К. Яхонтов (некролог) // Церковный вестник. 1889. № 14. С. 294. Однако, Симбирская духовная семинария была открыта только в 1840 г. См.: *Косых И., свящ., Э. П. Р.* Симбирская и Новоспасская епархия // Православная энциклопедия. Т. LXIII. М., 2021. С. 428. Поэтому некоторые исследователи предполагают, что о. Иоанн окончил Казанскую духовную семинарию.

[3] *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 541.

[4] *Карпук Д. А.* Николо-Богоявленский морской собор. История и люди. СПб., 2018. С. 56.

для издания кратких и дешевых духовно-нравственных книг, Конференции С.-Петербургской Духовной Академии, С.-Петербургской духовной консистории, совета Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, являлся помощником главного наблюдателя за преподаванием Закона Божия в учебных заведениях Министерства народного просвещения[5]. Выше перечислены не все учреждения и институты, в деятельности которых принимал активное участие о. Иоанн. В данной статье рассматривается деятельность протоиерея Иоанна Яхонтова только в качестве члена С.-Петербургского духовного цензурного комитета и редактора журнала «Духовная беседа».

Начнем с последней упомянутой должности. В декабре 1861 г., еще будучи священником Крестовоздвиженской церкви, о. Иоанн обратился с прошением на имя митрополита С.-Петербургского Исидора (Никольского) с просьбой разрешить ему издавать со следующего 1862 г. еженедельную газету под названием «Вестник С.-Петербургской Митрополии». Аргументация о. Иоанна сводилась к тому, что в то время во многих губернских городах уже издавались епархиальные ведомости[6]. И о. Иоанн называет странным тот факт, что подобного издания не существует в столичном городе, который он характеризует как «средоточие духовного управления и просвещения»[7]. Далее о. Иоанн вполне справедливо указывает, что благодаря подобного рода периодическим изданиям «ускоряется известность и облегчается исполнение начальственных распоряжений, сокращается переписка и рассылка бумаг в консистории. Но чтобы подобное издание принесло еще более пользы и пастырям и пастве, и с тем вместе имело более читателей, надобно к официальному отделу его присовокупить и отдел духовно-литературный, в котором мало, или давно учившиеся пастыри, особенно сельские, могли бы находить готовое поучение и назидательное слово к народу, пособие и возбуждение к дальнейшему усовершению себя в пастырском служении, а паства приличную, для всех доступную духовную пищу»[8].

Затем о. Иоанн отметил в прошении, что он уже много лет занимается духовно-литературной деятельностью, то есть, указал, что у него имеется за плечами определенный опыт. Именно поэтому он и решился испросить через правящего архиерея у Св. Синода разрешение на учреждение не просто нового периодического издания, а, по сути, официального органа С.-Петербургской митрополии. Совершенно очевидно, что подобного рода прошения никогда не пишутся случайно или по личной инициативе. Им всегда предшествуют частные разговоры и непубличные предварительные переговоры. Мы можем только предположить, что и в этом случае состоялась предварительная беседа между о. Иоанном и недавно назначенным на столичную кафедру митрополитом Исидором. Как бы то ни было, именно митрополит сообщил о данной инициативе в Св. Синод в своем представлении от 13 декабря 1861 г., которое он завершил словами полной поддержки: «Принимая во внимание полезную цель предполагаемого протоиереем Яхонтовым издания вестника С.-Петербургской Митрополии и признавая составленную им программу оного, цели соответствующею, имею честь испрашивать разрешения протоиерею Яхонтову издавать означенный журнал по программе, которую при сем прилагаю»[9].

Св. Синод рассмотрел данное представление уже 15 декабря 1861 г., хотя соответствующий указ вышел только 15 мая 1862 г. Во-первых, было отмечено, что представленная протоиереем Иоанном Яхонтовым программа во многом повторяет программу издававшегося с 1858 г. при С.-Петербургской духовной семинарии журнала

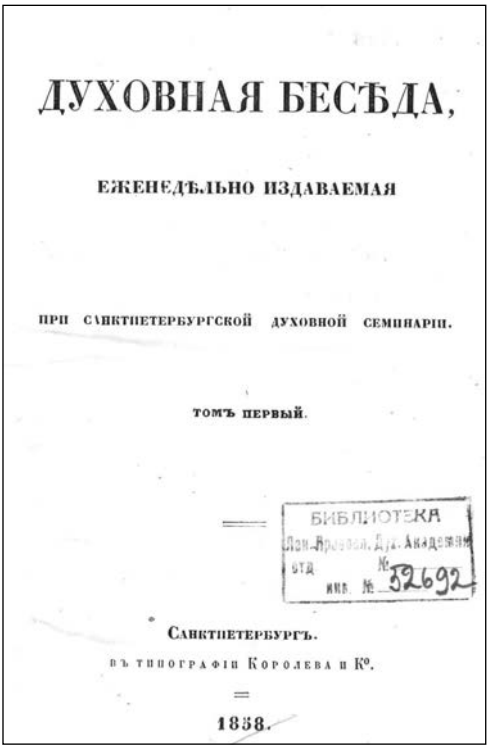
[5] *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов… С. 541–542.

[6] Первые епархиальные ведомости вышли в Ярославской губернии в 1860 г. См.: *Карпук Д. А.* Архиепископ Нил (Исакович) (1799–1874): геолог, минералог, палеонтолог и богослов. СПб.: Изд-во СПбДА, 2015. С. 118–125.

[7] РГИА. Ф. 796. Оп. 143. Д. 592. Л. 1.

[8] Там же. Л. 1 об.

[9] Там же. Л. 2.


ДУХОВНАЯ БЕСѢДА,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ИЗДАВАЕМАЯ

ПРИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

БИБЛИОТЕКА
Лен.-Ярослав. Дух. Академии
отд. № 52692
инв. №

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К°.

1858.

Обложка первого тома журнала «Духовная беседа»

«Духовная беседа»[10]. Именно в этом журнале с 1859 г. было определено публиковать наиболее важные и обязательные к исполнению всей полнотой Русской Церкви правительственные и церковные распоряжения и постановления. Поэтому Синод не нашел возможности учредить новый отдельный журнал для С.-Петербургской епархии, что, на самом деле, не было вполне логичным решением. Впоследствии в С.-Петербурге, наряду с официальным органом Св. Синода «Церковные ведомости», будут выходить собственно епархиальные издания. Тогда же, в 1862 г., Синод данную инициативу заблокировал и определил распоряжения по С.-Петербургской епархии печать все в той же «Духовной беседе». Получалось, что журнал, издававшийся даже не Академией, а лишь С.-Петербургской духовной семинарией, являлся одновременно печатным органом Св. Синода и С.-Петербургской духовной консистории. Следует еще раз отметить определенную абсурдность данного решения, которое лишь отчасти объясняется тем, что активное развитие епархиальной и столичной периодики началось, по сути, только с 1860-х гг. Поэтому даже у высшей церковной власти не было еще четкого понимания и ясного представления о развитии и использовании печатного слова для достижения своих целей.

Как бы то ни было, первым пунктом своего указа Синод ответил отказом на поддержанное митрополитом предложение протоиерея Иоанна Яхонтова об учреждении столь важного для епархии печатного органа. Однако, вслед за этим отказом Синод принял решение, позволяющее говорить в данном случае о серьезном авторитете о. Иоанна в столичных церковных кругах. Во второй части указа говорилось следующее: «Так как журнал этот издается под редакцией ректора С.-Петербургской семинарии, на котором лежит довольно сложная и трудная обязанность начальника и наставника семинарии и для которого поэтому редакторские занятия не могут быть необременительны, а между тем протоиерей Яхонтов обладает достаточною опытностию по части духовной литературы, заявляет ныне о своей готовности трудиться на этом поприще, — то редакцию журнала “Духовной беседы”, ныне издающегося при С.-Петербургской семинарии, передать протоиерею Яхонтову»[11].

Другими словами, теперь редактором журнала С.-Петербургской духовной семинарии, а также, как уже было отмечено выше, Св. Синода и С.-Петербургской митрополии становится один из петербургских священников. Можно предположить, что для ректора семинарии такое преобразование, действительно, стало исключительно радостным известием, поскольку это был не только сложный, но и достаточно нервный труд, о чем в своих мемуарах довольно ярко и красочно писал архимандрит (впоследствии митрополит Московский и Коломенский) Леонтий (Лебединский)[12].

[10] *Троицкий А., прот.* «Духовная беседа» // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., С. 390–392.

[11] РГИА. Ф. 796. Оп. 143. Д. 592. Л. 7–7 об.

[12] *Леонтий (Лебединский), митр.* Мои заметки и воспоминания: Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Леонтия, митрополита Московского. Сергиев Посад, 1914. С. 60–63.

Однако, нельзя не задаться вопросом: как получилось, что простой столичный батюшка сумел стать редактором главного журнала Русской Церкви и издавал его вплоть до закрытия в 1876 г.? В указе Синода говорится об опытности о. Иоанна. Действительно, первый литературный труд о. Иоанна был издан еще в 1844 г. После этого им было опубликовано достаточно большое, по меркам того времени, число разного рода статей и брошюр. Впоследствии было издано два тома сочинений о. Иоанна[13], на некоторые сочинения в периодической печати появились благожелательные рецензии[14]. Однако, можно ли думать, что только к литературной деятельности сводилась упомянутая в указе Синода опытность? Ведь на столичном духовно-литературном поприще о. Иоанн был далеко не единственной фигурой.

Отвечая на этот вопрос, сделаем предположение, что главным аргументом здесь, действительно, был литературный талант о. Иоанна, который заслужил даже несколько хвалебных слов от скупого в таких случаях на комплименты митрополита Московского Филарета (Дроздова)[15]. Свт. Филарет особо подчеркивал полемические способности протоиерея Иоанна Яхонтова[16].

По нашему убеждению, следующим фактором в данном случае стала цензорская деятельность о. Иоанна, которая была не очень продолжительной, но довольно насыщенной. В 1857 г. о. Иоанн был назначен членом С.-Петербургского духовно-цензурного комитета, где он трудился до февраля 1858 г., когда была осуществлена реформа этого комитета. После этого в течение десятилетий там трудились, как правило, только ученые монахи — архимандриты[17].

Об интенсивности цензорской деятельности протоиерея Иоанна Яхонтова говорят, например, следующие цифры. В период с января по ноябрь 1857 г. он просмотрел 60 рукописей, книг и брошюр, из которых к печати было разрешено 40[18], что составляет 67%. Надо понимать, что о. Иоанну приходилось просматривать не только небольшие брошюры, но и достаточно объемные труды, на их прочтение и проверку уходило много времени и сил. Иногда, разумеется, приходилось иметь дело с довольно нервными писателями, что приводило к скандалам, пусть даже и небольшим.

В данной статье мы приведем всего лишь несколько примеров того, что приходилось читать о. Иоанну, что он пропускал, а что запрещал.

Из разрешенных к опубликованию работ можно отметить рукопись протоиерея Космы Чередеева «Биографии Тверских иерархов», которую первоначально вычитывал именно о. Иоанн. Он отметил, что это «труд усердный, добросовестный и для Истории Российской Церкви полезный и потому может быть одобрен к печатанию». Однако, о. Иоанн отправил данную рукопись в Синод для окончательного

---

[13] *Яхонтов И., прот.* Собрание духовно-литературных трудов (1844–1885). Т. I. СПб., 1885. 476, III с.; *Яхонтов И., прот.* Собрание духовно-литературных трудов (1844–1885). Т. II. СПб., 1890. XXV, 492 с.

[14] *Е. Л.* Библиографические заметки: Русский проповедник XVII века и несколько статей из его сочинения: «Статир». Изложил и издал протоиерей И. Яхонтов. СПб., 1883 // Церковный вестник. 1883. № 50. С. 8–9; *Е. Л.* Библиографические заметки: Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII века. Исследование протоиерея И. Яхонтова. СПб. 1883 // Церковный вестник. 1883. № 50. С. 9; Библиографические заметки: Собрание духовно-литературных трудов протоиерея Иоанна Яхонтова. 1844–1885 гг. Том II. СПб. 1890 г. (стр. 492, ц. 2 р.) // Церковный вестник. 1890. № 16. С. 275–276.

[15] *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. V. Ч. 2. М., 1888. С. 550.

[16] *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. IV. М., 1886. С. 502. Предположим, что положительную реакцию московского святителя вызывали следующие статьи о. Иоанна: *Яхонтов И., прот.* Письмо Православного Русского Священника бывшему соотечественнику и единоверцу, а ныне отступнику Православия, живущему в чужих краях // Духовная беседа. 1858. Т. I. С. 110–122, 314–324.

[17] *Чистович И. А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. С. 93–95.

[18] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 1–185.

рассмотрения и разрешения. Это было связано с тем, что в сочинении говорилось в том числе и о здравствующих иерархах, например, о митрополите Филарете (Дроздове). Кроме того, в некоторых эпизодах шла речь о синодальных решениях. Книги с таким содержанием, согласно указу Св. Синода от 29 октября 1848 г. за № 11324, необходимо было представлять на рассмотрение в высший церковный орган[19]. Впоследствии, после довольно продолжительной волокиты, данный труд был издан, но цензором на второй странице был указан уже архимандрит Феодор (Бухарев), который рассматривал следующую редакцию этого исследования в 1859 г.[20]

Иногда приходилось проверять книги и на иностранных языках. Так, в марте 1857 г. о. Иоанн просматривал проповеди упомянутого выше протоиерея Иоанна Полисадова на немецком языке, ничего противного православной вере и нравственности выявлено им не было[21]. Примечательно, что именно о. Иоанн в начале 1858 г. цензурировал статьи для «Духовной беседы»[22]. Вообще, положительные рецензии о. Иоанна всегда были довольно краткими, в отличие от отрицательных — в последних приходилось указывать причины запрета, а также иногда приводить в качестве иллюстраций некоторые выдержки из рассмотренных и запрещаемых рукописей.

Причины запрета были, конечно, разными, но чаще всего речь шла о текстах, некачественных с литературно-стилистической стороны. Так, запрещая поэму некоего Иоанна Сафонова «Человек», о. Иоанн в своем отзыве писал, что, излагая историю сотворения мира, автор использует стихотворный размер, который обычно использовался при написании сказок. И в качестве примера о. Иоанн привел «Илью Муромца» Н. М. Карамзина. Но, как отметил далее о. Иоанн, даже и этот размер в рассматриваемой поэме не всегда выдержан, «отчего стих выходит неправильный, странный», кроме того, поэт, заимствуя предметы своих песнопений из Библии, «прибавляет часто выдумки своего воображения, иногда совершенно противные духу и тексту писания»[23].

Разбирая рукопись «Настольная книга Православного Христианина. Тексты Св. Писания для чтения и изучения на каждый день года», о. Иоанн отмечает, что тексты Св. Писания приводятся в ней иногда так отрывочно, что утрачивают определенное значение (например, «мир на Израиля, пребудите во Мне»), а в ряде случаев — даже содержат произвольные авторские изменения. Согласно наблюдению о. Иоанна, под одним библейским текстом в данной рукописи было указано «2 Петр. XII, 5» (между тем, второе соборное послание св. ап. Петра содержит всего три главы). Итоговое суждение цензора было вполне справедливым: «Посему означенная рукопись никак не может быть одобрена к напечатанию»[24].

Запрещая в марте 1857 г. рукопись священника Константина Семенова «Житие преп. Алексия, человека Божия», о. Иоанн указывал, что она «написана языком, неприличным такому важному предмету и во многих местах безграмотно»[25]. Несоблюдение правил церковно-славянского языка стало причиной запрета «Акафиста святой мученице Параскеве», составленного священником Константином Семеновым. Вердикт о. Иоанна в этом случае был достаточно строгим: «Сочинитель не соблюл правил, употребляемых обыкновенно при сложении акафистов и весьма часто самым грубым образом нарушал правила славянского и даже просто русского языка»[26].

Известны и курьезные запреты. Так, рассмотрев в сентябре 1857 г. подлежащие духовной цензуре места в сборнике детских статей под названием «Снежинка», о. Иоанн с определенной долей удивления отметил в отзыве, что эти места суть не что иное,

[19] Там же. Л. 3.

[20] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1359. Л. 35 об.–36. См.: *Чередеев К., прот.* Биографии тверских иерархов от начала существования архиерейской кафедры в г. Твери и доныне. Тверь, 1859. [2], 299, VI с.

[21] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 33 об.

[22] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1358. Л. 11 об., 12, 16, 17 об., 21, 23 об., 27, 31 об., 32 об., 37.

[23] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 11 об.

[24] Там же. Л. 2 об.–3.

[25] Там же. Л. 56 об.

[26] Там же.

как произвольно выбранные отрывки из книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу». О. Иоанн вполне справедливо указал, что эта книга никак не является детским чтением и, «подобно твердой пище для младенца, может быть для некоторых более вредною, чем полезною». Далее духовный цензор вышел за пределы своих обязанностей (так как он должен был рассмотреть только те отрывки, которые подлежали именно духовной цензуре) и высказался в целом о всем сборнике: «И потому как эти места из книги Фомы Кемпийского, так и некоторые статьи ("Ум-разум", "Ночное путешествие") не должны быть одобрены к напечатанию в сборнике, который, и в целом своем составе, едва ли заслуживает одобрения»[27]. Разумеется, в гражданский С.-Петербургский цензурный комитет, откуда поступила эта рукопись, был отправлен ответ, касающийся исключительно указанных мест, а не сборника целиком.

Иногда запреты были связаны с существовавшими в то время церковно-административными правилами и обычаями. Так, запрет «Слова в неделю Православия» священника Добровольского о. Иоанн объясняет тем, что «на нем нет подписи местного благочинного… и… оно заключает в себе некоторые неверные мысли и выражения, особенно неуместные на сельской кафедре»[28].

Некоторые запреты носили условный характер и автор имел возможность опубликовать свою рукопись в случае внесения всех необходимых исправлений. Например, рассмотрев рукопись «Уроки благочестия от Святыни Псковской», о. Иоанн признал, что она действительно заключает в себе назидательные мысли. Однако, имелись в тексте и некоторые недостатки, не позволившие о. Иоанну одобрить эти «Уроки»: «Неровность и высокопарность выражений, множество повторений и некоторые другие недостатки, замеченные карандашом в самой рукописи, делают ее неудобной к напечатанию. И потому надобно просить автора, чтобы он подверг свое сочинение строгому пересмотру и исправлению»[29].

Рассмотрев в августе 1857 г. рукопись «Ежедневник Христианский», представленную в комитет статским советником Валерианом Знобишиным, о. Иоанн отметил, что это сочинение «весьма похвальное по цели и трудолюбию, с которыми написано». Вместе с тем, этот текст не был лишен довольно существенных недостатков, в связи с чем рукопись была возвращена автору для исправлений. О. Иоанн в своем отзыве так и написал: «Но как видно, автор не достаточно изучил предмет, о котором решился писать, и не приобрел навыка выражаться точно и правильно; потому что почти на каждой странице его сочинения встречаются самые странные промахи, несообразности и грамматические ошибки. И потому цензор предлагает Комитету возвратить эту рукопись автору для самого тщательного пересмотра и исправления»[30].

Можно предположить, что в приведенных выше случаях число замечаний было довольно большим и авторы не стали все кардинально менять и издавать свои тексты. Но были и другие случаи, когда текст разрешался к печати с условием внесения конкретных изменений и небольших правок.

Например, рукопись «Руководство к церковному живописанию» в целом, по замечанию о. Иоанна, не заключала в себе ничего противного правилам духовной цензуры. Однако, небольшие замечания все же были сделаны. Так, например, о. Иоанн подверг критике рекомендации автора изображать на иконе Благовещения архангела Гавриила с копьем (а не с райской ветвью) и благословляющего Честнейшую херувимов; на иконе Крещения Господня — Иордан в виде старца, смотрящего вспять; на иконе Сошествия Св. Духа — олицетворение мира в виде старца в венце. Цензор отметил и другие несообразности: изображение храма Соломонова с куполом, расположение Ниневии на берегу моря, изображение горы Фавор с тремя вершинами, причисление свв. евангелистов Луки и Марка двенадцати апостолам. Все это необходимо было исправить. Но и после этого рукопись нельзя было отправлять в печать сразу.

[27] Там же. Л. 141 об.
[28] Там же. Л. 22.
[29] Там же.
[30] Там же. Л. 130.

По замечанию о. Иоанна, ее необходимо было после исправления представить на благоусмотрение Св. Синода, так как иконописание имеет чрезвычайно важное значение в богослужении Православной Церкви[31].

В цензуру очень часто поступали сочинения для второго, третьего и последующих изданий. Чаще всего одобрение давалось в таких случаях без какой бы то ни было волокиты. Так, о. Иоанн в мае 1857 г. разрешил третье издание «Пастырского богословия» архимандрита Кирилла (Наумова)[32], в сентябре — одобрил печатание второго издания сочинения «Утешение в болезнях и в скорби о смертной разлуке с любезными сердцу»[33], а в ноябре — восьмого издания «Училища благочестия»[34]. Однако, иногда и в подобных случаях могли последовать или запреты, или требования внести правку в некогда уже рассмотренные, одобренные и изданные тексты.

Так, в 1857 г. в столичный духовный цензурный комитет обратился петербургский книгопродавец Н. Овсянников с просьбой разрешить новое издание трехтомного собрания проповедей известного в начале XIX в. протоиерея Иоанна Леванды[35]. Первое издание было осуществлено еще в 1821 г. содержателем Театральной типографии А. Похорским. Для аргументированного ответа на этот запрос о. Иоанн навел справки и выяснил, что об этом издании покойный митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) писал так: «Издатель не имел верного и полного списка и потому не достает в сем издании весьма многих поучений и речей, и находящиеся в оном во многом не сходны с подлинниками сочинителя, а еще неисправнее напечатаны»[36]. О. Иоанн «из уважения к памяти знаменитого некогда проповедника и к достоинству проповедей его» посчитал невозможным одобрить новое их издание в таком небрежном и неправильном виде. Духовный цензор рекомендовал издателю, если он действительно желает сделать приличное издание проповедей протоиерея Иоанна Леванды, провести следующую работу: 1) собрать, по возможности, все поучения и речи о. Иоанна Леванды; 2) указать в заглавии каждой проповеди на какой день или по какому случаю она была произнесена; 3) расположить их по порядку церковного года или по темам; 4) исправить явные несообразности и погрешности первого издания[37]. Совершенно очевидно, что для осуществления предложенной цензором программы, нужно было провести серьезную научно-исследовательскую работу с привлечением специалистов. А это означало трату не только времени, но и денег. Поскольку второго издания не последовало, то можно предположить, что книгопродавец отказался от этого издательского проекта, казавшегося столь простым на начальном этапе.

Завершить данный краткий обзор насыщенной цензорской деятельности протоиерея Иоанна Яхонтова хотелось бы рассмотрением еще одного дела, которое наглядно показывает, насколько серьезно о. Иоанн относился к историческим источникам.

Осенью 1857 г. из канцелярии обер-прокурора Св. Синода в цензурный комитет на рассмотрение поступила рукопись «Исторические записки о Камчатской епархии», содержащая в себе сведения о распространении христианства в пределах Камчатки, о деятельности русских миссионеров и гражданских чиновников, управлявших тем далеким краем. О. Иоанн, рассматривавший этот текст, сразу отметил в своем отзыве существенный недостаток: «Нигде в рукописи не сказано, откуда эти сведения заимствованы: из актов ли, из частных записок, или устных преданий. Если из актов, то где они хранятся. Если из записок и преданий, то следовало доказать их достоверность. Можно только заметить, что эти сведения заимствованы из местных источников»[38].

---

[31] Там же. Л. 45–45 об.

[32] Там же. Л. 85 об.

[33] Там же. Л. 146.

[34] Там же. Л. 179 об.

[35] О нем см.: *Остроумов Е.* Протоиерей Киево-Софийского собора Иоанн Васильевич Леванда // Христианское чтение. 1872. № 9. С. 50–87.

[36] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 108 об.

[37] Там же. Л. 109.

[38] Там же. Л. 185.

Такой непрофессиональный подход автора к написанию своего интересного и чрезвычайно важного труда привел к тому, что у читателя, в данном случае — у духовного цензора, возникла масса вопросов и недоумений, связанных с изложением некоторых сюжетов, характеристиками миссионеров и светских лиц: «Многие сведения кажутся недостаточными, темными и односторонними, а некоторые до того мелки, что похожи более на сплетни, что почти все лица, упоминаемые в рукописи, изображаются преимущественно с невыгодной стороны, а о подвигах их сказано слишком мало. Такие лица, как священник Ермолай, архимандрит Иоасаф Хотунцевский и протоиерей Никифор, могли бы быть изображены с большею любовью, известия, бросающие тень на их славу, должно бы принимать с большею осторожностью, а добрые их качества и подвиги описать с большею подробностию»[39]. В итоге, рукопись не только была возвращена автору для исправлений, но ему также было указано что именно следует сделать: «Печатание этой рукописи в настоящем ее виде, цензор находит неудобным и предлагает автору исправить ее в указанных местах, а особенно присовокупить к ней подлинные акты, указания и другие источники»[40]. Учитывая масштаб необходимой работы, мы предполагаем, что автор не осуществил кардиальную переработку своего текста, который так и не был, к сожалению, опубликован.

Подводя итог, следует сказать, что внимательная и осторожная цензорская деятельность, высокопрофессиональное отношение о. Иоанна к поступавшим в С.-Петербургский духовно-цензурный комитет рукописям снискали ему славу серьезного специалиста в области духовной литературы. Именно это обстоятельство могло быть одним из главных аргументов при назначении о. Иоанна Синодом на должность редактора журнала «Духовная беседа», являвшегося периодическим изданием не только С.-Петербургской духовной семинарии, но и Св. Синода и С.-Петербургской митрополии. Следует с сожалением отметить, что пастырская и духовно-просветительская деятельность протоиерея Иоанна Яхонтова до сих пор не изучена, а имя его практически полностью забыто.

Источники и литература

1. Библиографические заметки: Собрание духовно-литературных трудов протоиерея Иоанна Яхонтова. 1844–1885 гг. Том II. СПб. 1890 г. (стр. 492, ц. 2 р.) // Церковный вестник. 1890. № 16. С. 275–276.

2. *Е. Л.* Библиографические заметки: Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII века. Исследование протоиерея И. Яхонтова. СПб. 1883 // Церковный вестник. 1883. № 50. С. 9.

3. *Е. Л.* Библиографические заметки: Русский проповедник XVII века и несколько статей из его сочинения: «Статир». Изложил и издал протоиерей И. Яхонтов. СПб., 1883 // Церковный вестник. 1883. № 50. С. 8–9.

4. *Карпук Д. А.* Архиепископ Нил (Исакович) (1799–1874): геолог, минералог, палеонтолог и богослов. СПб.: Изд-во СПбДА, 2015. 152 с.

5. *Карпук Д. А.* Николо-Богоявленский морской собор. История и люди. СПб., 2018. 272 с.

6. *Катанский А. Л.* Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Выпуск второй (годы 1867–1913). Пг., 1918. 195 с.

7. *Косых И., свящ., Э. П. Р.* Симбирская и Новоспасская епархия // Православная энциклопедия. Т. LXIII. М., 2021. С. 422–446.

8. *Леонтий (Лебединский), митр.* Мои заметки и воспоминания: Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Леонтия, митрополита Московского. Сергиев Посад, 1914. 134, II с.

[39] Там же. Л. 185–185 об.

[40] Там же. Л. 186.

9. *Н. М.* Протоиерей И. К. Яхонтов // *Яхонтов И., прот.* Собрание духовно-литературных трудов (1844–1885). Т. II. СПб., 1890.

10. *Остроумов Е.* Протоиерей Киево-Софийского собора Иоанн Васильевич Леванда // Христианское чтение. 1872. № 9. С. 50–87.

11. Протоиерей И. К. Яхонтов (некролог) // Церковный вестник. 1889. № 14. С. 294–295.

12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 143. Д. 592 (По рапорту преосвященного митрополита Новгородского и С.-Петербургского о дозволении протоиерею Яхонтову издавать журнал: «Вестник С.-Петербургской Митрополии»).

13. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357 (Журналы заседаний Комитета за 1857 г.). 220 л.

14. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1358 (Журналы заседаний Комитета за 1858 г.). 311 л.

15. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1359 (Журналы заседаний Комитета за 1859 г.). 294 л.

16. *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии 1814–1869 гг. СПб., 1907. LXXXIV+552 с.

17. *Троицкий А., прот.* «Духовная беседа» // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., С. 390–392.

18. *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. V. Ч. 2. М., 1888. II, 499–1034, XV с.

19. *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. IV. М., 1886. 614, XIII с.

20. *Чередеев К., прот.* Биографии тверских иерархов от начала существования архиерейской кафедры в г. Твери и доныне. Тверь, 1859. 299, VI с.

21. *Чистович И. А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. II+232+164+2 с.

22. *Яхонтов И., прот.* Письмо Православного Русского Священника бывшему соотечественнику и единоверцу, а ныне отступнику Православия, живущему в чужих краях // Духовная беседа. 1858. Т. I. С. 110–122, 314–324.

23. *Яхонтов И., прот.* Собрание духовно-литературных трудов (1844–1885). Т. I. СПб., 1885. 476, III с.

24. *Яхонтов И., прот.* Собрание духовно-литературных трудов (1844–1885). Т. II. СПб., 1890. XXV, 492 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

Протоиерей Владимир Чернецкий

Особенности деятельности школ грамоты Таврической епархии в конце XIX — начале XX вв.

УДК 271.2-75(477.75)+37.014(470+571)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_51
EDN KECQQB

Аннотация: В статье на конкретном примере Таврической епархии представлен обзор политики правительственных учреждений, Св. Синода, региональных органов власти и епархиального управления, которая осуществлялась в отношении одного из старейших типов учебных заведений — школ грамоты, предоставлявших возможность населению получить элементарное образование в конце XIX — начале XX вв. В рамках исследования проведен анализ правовой документации, официальных отчетов и публикаций в периодических изданиях, на основании которых были выявлены этапы развития школ грамоты и особенности деятельности такого рода учебных заведений в Таврической епархии на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Российская империя, Св. Синод, Училищный совет, Таврическая епархия, губерния, уезд, школы грамоты, второклассные школы, церковно-приходские школы, учитель.

Об авторе: **Протоиерей Владимир Николаевич Чернецкий**
Магистр богословия, проректор по воспитательной работе, преподаватель Таврической духовной семинарии.
E-mail: olenevka.hram@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5715-325X

Для цитирования: Чернецкий В., прот. Особенности деятельности школ грамоты Таврической епархии в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 51–61.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Archpriest Vladimir Chernetsky

Features of the activity of the schools of literacy of the Tauride Diocese in the late XIX — early XX centuries

UDC 271.2-75(477.75)+37.014(470+571)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_51
EDN KECQQB

Abstract: The article presents an overview of the policy of the government agencies and the Holy Synod, regional authorities and diocesan administration, which was carried out in relation to one of the oldest types of educational institutions — literacy schools, which provided an opportunity for the population to receive elementary education in the late XIX — early XX centuries on the specific example of the Tauride Diocese. In the frame of the research, the analysis of legal documentation, official reports, publications in the periodicals was carried out and on their basis the following stages of the development of literacy schools and the peculiarities of the activities of such educational institutions in the Tauride diocese in the late XIX — early XX centuries were identified.

Keywords: Russian Empire, Holy Synod, School Council, Taurida Diocese, province, county, literacy schools, second-grade schools, parish schools, teacher.

About the author: **Archpriest Vladimir Nikolaevich Chernetsky**
Master of Theology, Vice-Rector for Educational Work, Lecturer at the Taurida Theological Seminary.
E-mail: olenevka.hram@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5715-325X

For citation: Chernetsky V., archpriest. Features of the activity of the schools of literacy of the Tauride Diocese in the late XIX — early XX centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 51–61.

* Photos are taken from open sources and provided by the author.

Школы грамоты представляли собой один из старейших типов народных училищ Российской империи. Обучение в этих школах вели за определенную плату грамотные представители небогатых слоев общества. Долгое время школа грамоты по своему устройству, условиям появления и существования представлялась непостоянной, подверженной многим случайностям. Нередко она неожиданно закрывалась либо же переходила в другое место без всяких на то формальных разрешений со стороны училищных начальств различных ведомств, что вызывало недоразумения в отношении так называемых «школ на бумаге». Были периоды, когда школы грамоты преследовались гражданской властью как незаконные и закрывались полицией. Духовенство старалось взять под свое покровительство эти в полном смысле слова народные школы и, по мере сил и финансов, пыталось привести их в порядок, помочь средствами, указаниями и личным участием в образовании детей.

В 1884 г. принимаются «Правила о церковно-приходских школах», которые предписывали создание начальных школ при непосредственном руководстве приходских священников и Синода. Школы грамоты также были причислены к основным типам начальных церковных школ. На приходское духовенство возлагалось обязательство по открытию школ в каждом приходе. Духовенство предпочитало открывать школы грамоты в связи с тем, что их содержание было менее затратным. Для некоторых школ грамоты удавалось устроить хотя бы небольшое здание либо же арендовать более или менее удобное и постоянное помещение, снабдить его самыми необходимыми школьными принадлежностями, подыскать учителя, более опытного и сведущего, чем просто знающий грамоту крестьянин или отставной солдат, и получавшего определенное вознаграждением за свой труд[1].

С принятием в 1891 г. «Правил о школах грамоты» эти народные училища уравнивались в правах с другими начальными учебными заведениями. Школы грамоты, открывавшиеся в городских, сельских приходах и при монастырях, были подчинены Св. Синоду[2]. В сущности, школы грамоты представляли собой своеобразные частные школы в ведении духовенства, на которое возлагалась ответственность за православно-церковное направление обучения в таких учебных заведениях. Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев и близкие к нему руководители церковно-школьного дела вынашивали идею распространить по территории всей России сеть школ грамоты, чтобы предоставить русскому народу возможность освоения грамотности под эгидой Церкви, как можно скорее и без значительных финансовых затрат[3]. К. П. Победоносцев выражал уверенность, что школы грамоты могут стать одним из влиятельных и эффективных средств по распространению элементарной грамотности и просвещения по всей империи вплоть до самых глухих деревень и поселений[4].

Принятое в 1902 г. «Положение о церковных школах» утверждает порядок деятельности начальных церковных школ, к которым причислялись и школы грамоты, вплоть до их передачи в ведение Министерства народного просвещения в 1917 г.

Программа в школах грамотах не была обширной, потому что их задачей признавалось распространение элементарной грамотности среди населения. В школах грамоты учащиеся на протяжении двух лет изучали Закон Божий, учились производить арифметические действия, писать и читать на русском языке и на славянском — для того,

---

[1] Записка о церковных школах. Общий обзор школьной деятельности православного духовенства / 2-е исправленное и дополнительное издание Училищного Совета при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 9–10.

[2] *Шкарлат Л. П.* Становление и развитие начального и среднего образования в Крыму во второй половине XIX — начале XX века под эгидой православной епархии. Симферополь: Антика, 2020. С. 83.

[3] По поводу десятилетия второклассных школ // Владимирские епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 239.

[4] *Житенев Т. Е.* Школы грамоты в Российской империи конца XIX — начала XX века // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 4. С. 184.

Свято-Троицкий Собор в Керчи, справа — здание церковно-приходской школы, при которой была открыта в 1892 г. школа грамоты

чтобы ученики могли читать в церкви и петь на клиросе при богослужении[5]. Учащие в школах грамоты теперь избирались преимущественно из выпускников второклассных школ и лиц, имевших звание учителя начальной школы, но также могли допускаться к преподаванию члены причта и другие личности, которых уездные училищные отделения признавали способными к педагогической деятельности. В рамках этих условий школы грамоты максимально приближались к правильному типу начальных учебных заведений[6].

Двухлетними эти школы были оттого, что в течение одного года почти ничему научиться было нельзя, а при организации процесса обучения в течение трех лет пришлось бы разделить учеников на три отделения, при наличии которых человеку, не учившемуся в специализированном педагогическом заведении, было бы тяжело справиться с поставленной задачей[7].

Епархиальные наблюдатели отмечали, что образовательный уровень учащих в школах грамоты Таврической губернии был ниже среднего. Большинство учителей окончило курс в земских народных училищах или церковно-приходских школах (далее — ЦПШ), некоторые учились в духовном училище и лишь немногие преподаватели имели среднее образование. Так, к концу 1900–1901 учебного года в 178 школах грамоты на педагогическом поприще трудились 198 преподавателей: 1 священник, 7 диаконов, 8 псаломщиков, 94 учителя и 88 учительниц. Среди учителей 5 человек имели среднее образование, 6 — не окончили курс среднего учебного заведения, 7 — являлись выпускниками духовного училища, 13 — второклассных школ, 42 — других низших училищ, из начальных школ и с домашним образованием было 20 учащих. Из учительниц со средним образованием было 24 человека, с неполным — 20, окончивших курс второклассной школы — 12, из других низших учебных заведений — 11, из начальных школ и получивших домашнее образование — 21[8]. Для сравнения, в 1914–1915 учебном году в 95 школах грамоты состояло 104 преподавателя, из которых среднее образование имели 17 человек, специально-педагогическое — 3, обладали свидетельством на звание учителя

[5] *П. А. Б.* Несколько слов о народном образовании и церковно-приходских школах // Таврические епархиальные ведомости. 1874. № 1. С. 11.

[6] *Житенев Т. Е.* Школы грамоты в Российской империи… С. 184.

[7] *Горбов Н.* Советы учителям двухлетних деревенских школ грамотности // Таврические епархиальные ведомости. 1886. № 6. С. 350.

[8] Ведомость Таврического Епархиального Училищного Совета о церковных школах Таврической епархии за 1901 год. Приложение к годичному отчету // Таврические епархиальные ведомости. 1903. № 12. С. 713.

начальной школы — 6, свидетельством учащего школы грамоты — 23, без соответствующих документов — 58[9]. В числе учащих, не имевших каких-либо свидетельств, находилось много таких, которые в результате продолжительной службы и внимательного отношения к делу начального обучения приобрели некий педагогический опыт и с успехом работали в своих школах. При назначении учащих на вакантные места в школах грамоты уездные училищные отделения старались избирать кандидатов из выпускников второклассных школ или из лиц, имевших свидетельство учителя начальной школы. К сожалению, весьма скромные оклады (80, 90, 120–180 руб. в год) затрудняли подбор правоспособных кандидатов и заставляли назначать на должности преподавателей школ грамоты имевшихся в наличии претендентов, окончивших одноклассную или, в лучшем случае, двуклассную школу. По причине небольших окладов окончившие второклассные школы не стремились учительствовать в школах грамоты, предпочитая продолжать образование, чтобы, получив учительское звание, искать себе место в церковно-приходской, министерской или земской школе. В целях восполнения недостаточности квалифицированных педагогов в Таврической епархии в рассматриваемый период были устроены 4 второклассные школы, в которых специально готовили учителей школ грамоты. Также с 1897 г. стали устраиваться временные педагогические курсы для учителей школ грамоты для повышения квалификации, освоения новых усовершенствованных методов обучения и обмена профессиональным опытом[10].

Школы грамоты Таврической епархии функционировали в соответствии с общими предписаниями для такого рода учебных заведений. Однако в Евпаторийском, Перекопском, Феодосийском и частично Днепровском уездах Таврической губернии школы грамоты составляли особый вид начальных учебных заведений в виду того, что курс обучения в них был идентичен одноклассной церковно-приходской школе (те же три отделения, те же выпуски с правами на льготу). Это было связано с тем, что в означенных уездах села и хутора между ними были разбросаны на большие расстояния. Хутора состояли обычно из нескольких хат, население проживало там не постоянное, пришлое, формировавшееся из арендаторов, которые практически ежегодно или раз в два-три года переезжали с места на место, из уезда в уезд. Причисляясь к какому-нибудь ближайшему приходу и осознавая себя пришельцами в данной местности, они не находили ни надобности, ни достаточных средств для строительства своим детям постоянных школ по типу одноклассных, а могли устроить только простейшие школы, доступные их материальному положению и более подходящие к условиям их кочевой жизни. В то же время, желание дать своим детям элементарное образование было присуще этим людям и они старались открывать хотя бы школы грамоты в своем или в каком-либо ближайшем хуторе. От этих школ грамоты крестьяне требовали того образования, которое могли дать только одноклассные школы, но количество последних было недостаточным.

Идя навстречу желаниям и потребностям народа предоставить своим детям начальное образование, Таврический епархиальный училищный совет и его отделения заботились о преобразовании школ грамоты в одноклассные церковно-приходские посредством увеличения жалования учителей и назначения в такие школы лиц, имевших право преподавать в этих учебных заведениях. Преподавание и ведение учебного процесса в школах грамоты проходило в рамках программ и расписания одноклассных церковно-приходских школ.

---

[9] Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1914–1915 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1916. № 28. С. 278–279.

[10] Более подробно о кадровой политике училищного руководства Таврической епархии см.: *Чернецкий В., прот.* К вопросу о подготовке педагогических кадров для школ грамоты в конце XIX — начале XX вв. на примере Таврической епархии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 1–13.

Учащие и учащиеся Джанкойской церковно-приходской школы,
которая была преобразована в одноклассную из школы грамоты, 1909 г.

В Евпаторийском уезде практически все школы грамоты в 1902–1903 учебном году были преобразованы в одноклассные ЦПШ. Причиной стало желание уездного отделения епархиального училищного совета не оставлять детей, пришедших в школы грамоты, без дальнейшего обучения (а это должно было бы случиться при недостатке одноклассных школ и при значительном удалении хуторов от места нахождения последних), а также — и дать выпускникам, особенно мальчикам, право на льготу[11].

Таврический епархиальный наблюдатель А. В. Иванов в 1906 г. отмечал, что школы грамоты епархии в большей степени выполняли функции одноклассных школ. Они увеличивали курс обучения до трех лет и своих выпускников наделяли правами, которые давались ученикам одноклассных школ. Многие из школ грамоты, проработав три-четыре года, преобразовывались в одноклассные школы. Другие школы грамоты, например, в Мелитопольском уезде, в сущности, являлись первыми отделениями одноклассных школ, при этом они часто размещались в отдельных зданиях и имели особых учителей. Выпускники этих школ поступали сразу во второе отделение одноклассной школы, при которой числилось низшее училище такого типа[12].

Те школы грамоты, которые принимались в школьные сети для введения всеобщего обучения, были преобразованы в церковно-приходские и стали осуществлять свою деятельность в качестве отдельных и самостоятельных школ или же служили в виде дополнительных комплектов при имеющихся ЦПШ. Вследствие такого

[11] Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1902–1903 году // Таврические епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 298–299.

[12] Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1905/6 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1907. № 13–14. С. 294–295.

включения в школьные сети только в Днепровском уезде к январю 1910 г. из 32 школ грамоты 2 были закрыты и 29 преобразованы в церковно-приходские[13], а в 1912–1913 учебном году еще 36 школ грамоты Таврической епархии были преобразованы в одноклассные ЦПШ.

Ко всему прочему, наблюдались случаи закрытия школ грамоты вследствие отказа местного населения предоставить необходимые помещения для занятий, строительства и открытия новых земских училищ, а также — в связи с отсутствием достаточного количества детей школьного возраста[14].

Такие тенденции были характерны для всех российских епархий. В 1914 г. значительное число школ грамоты сосредотачивалось лишь в некоторых епархиях европейской России: в Минской — 446, в Черниговской — 217, в Литовской — 201. Около 100 школ грамоты на епархию приходилось в Киевской (125), Гродненской (97), Таврической (95), Полтавской (88) и Тульской (75) епархиях. В остальных епархиях школы грамоты присутствовали в гораздо меньшем количестве, например, в Полоцкой — 57, Саратовской — 48, Харьковской — 36, Московской и Воронежской — по 16, Херсонской — 13, Владимирской — 12, Ярославской — 4, Курской — 1. В Архангельской, Казанской, Олонецкой и Подольской епархиях школ грамоты в 1915 г. уже не существовало[15].

Наивысшее число школ грамоты в Таврической епархии было в 1904 г. — 207,[16] но уже в 1916 г. их насчитывалось всего 95. При этом большая часть из них располагалась в Мелитопольском уезде (76), потому что осуществление плана всеобщего обучения в этом районе не успевало за сильным ростом численности населения и вместе с ним — количества учащихся. Школы оказались переполненными и многим детям школьного возраста совсем было отказано в приеме[17]. К началу 1913 учебного года в Мелитопольском уезде по всем школам в приеме было отказано 4407 детям, в том числе, по причине недостаточности мест — 4114. Поэтому для желающих получить элементарное образование устраивались школы грамоты, в которых в том же 1913 г. в Мелитопольском уезде обучалось 2614 детей обоего пола. В некоторых населенных пунктах было несколько школ грамоты, например, в Большой Лепатихе — 12, Нижних Серогозах — 9, Михайловке и Верхней Белозёрке — по 6, Рубановке — 5[18]. В то же время, в других регионах Таврической губернии школы грамоты исчислялись единицами, а в Днепровском, Перекопском и Феодосийском уездах таких школ уже не было[19].

Севастопольские школы грамоты представляли собой особую группу начальных училищ рассматриваемого типа как по своим задачам, так и по организации учебного процесса. Они устраивались с разрешения местного уездного отделения, находились под наблюдением приходских священников и назывались «частными» в связи с тем, что их открытие являлось делом личной инициативы содержателей этих школ, в которых взималась определенная плата за обучение (от 1 до 10 руб. в месяц)[20].

---

[13] Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1908/9 и 1909/10 годы. Симферополь, 1910. С. 5.

[14] Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1912–1913 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1914. № 29. С. 397.

[15] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. СПб., 1916. С. 119–120.

[16] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 124.

[17] Государственный архив Республики Крым (далее — ГАРК). Ф. 419. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

[18] Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1914–1915 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1916. № 28. С. 277.

[19] ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

[20] Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1914–1915 учебном году. С. 277.

Греческая Иоанно-Предтеченская церковь в Керчи

Например, в 1913 г. в Севастополе функционировало 9 частных школ грамоты, в которых обучались дети, не поступившие из-за недостатка мест в начальные школы, а также — готовящиеся к поступлению в низшие классы средних учебных заведений. Всего насчитывалось 234 учащихся (146 мальчиков и 88 девочек).

Отдельно необходимо упомянуть греческую Керченскую Иоанно-Предтеченскую школу грамоты, в которой был устроен шестигодичный курс обучения для того, чтобы предоставить детям греков более или менее законченное начальное образование, а также подготовить их к поступлению в средние учебные заведения, в связи с чем программа ее была расширена до объема курса двуклассной школы. Помимо обычных учебных дисциплин в ней преподавался новогреческий язык и гражданская история Греции. Язык обучения был греческий, русский преподавался как отдельный предмет, Закон Божий и арифметика велись параллельно на двух языках во всех отделениях. В старших отделениях преподавалась русская история на государственном языке. При школе действовало подготовительное отделение, в котором дети дошкольного возраста изучали греческую грамматику, письмо и начальный счет[21].

Также заслуживает внимания Урлашевская школа грамоты в Симферополе. Именуясь школой грамоты, она, по сути, относилась к типу двуклассных школ. Эта школа имела четыре отделения, предметы преподавались по программам двуклассных школ, ежегодно производились выпуски учеников с льготными правами (наравне с выпускниками двуклассных училищ). Особенностью этой школы было то, что все ее преподаватели имели высшее или среднее образование, осуществляли свою педагогическую деятельность на добровольной основе и безвозмездно, при этом для каждого предмета и в каждом отделении был особый учитель или учительница. Школа содержалась на благотворительные средства. Учащихся всегда было много, до 150 детей обоего пола. Ежегодно оканчивало курс 15–20 детей[22].

В ходе Февральской революции в Российской империи коренным образом изменился государственный порядок, было сформировано Временное правительство, которое своим определением от 20 июня 1917 г. объединило учебные заведения различных ведомств и сделало их подконтрольными Министерству народного просвещения. Все церковные школы передавались в ведение министерства, равно как и все школьные

[21] ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

[22] Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1902–1903 году. С. 300.

здания, на возведение которых были потрачены суммы из Государственного казначейства. В остальных зданиях в течение двух лет министерские школы должны были располагаться на тех же условиях, на каких ранее здесь размещались церковные школы. Вся материальная база и средства, необходимые для организации учебного процесса, также переходили в руки министерства. Тем самым Церковь практически была лишена почти всех необходимых средств для дальнейшего устройства начальных школ. Для предоставления возможности продолжать учебный процесс без помех передача церковных школьных зданий должна была быть согласована местными органами самоуправления с собственниками этих помещений[23].

Ввиду появления этого закона Комитет по народному образованию Таврического губернского земства провел несколько заседаний 12–14 июля 1917 г., в ходе которых принял решение добиваться скорейшего фактического перехода церковно-приходских школ в ведение общественных самоуправлений. Средства на содержание этих школ должны были поступать через земство, а не через епархиальные власти. Школы грамоты с учителями, не имевшими достаточного образования, были признаны нежелательными[24].

Как показало проведенное исследование, общественное осознание пользы грамоты и народного просвещения в XIX в. создало массу благотворителей и бескорыстных тружеников, подвизавшихся в этом добром деле. Приходской священник, как пастырь и руководитель своих духовных детей, стоявший близко к народу и знакомый с его проблемами и нуждами, и, как правило, являвшийся практически единственным интеллигентным человеком в сельской местности, естественным образом мог взяться за дело народного образования.

Трудности, возникшие в деле полноценного просвещения простого народа, вызвали пересмотр законодательства о народном образовании, результатом этого пересмотра явилось положение об утверждении в 1891 г. правил о школах грамоты, подчиненных Церкви. Их существование было, таким образом, узаконено. Школы грамоты составляли прямое продолжение домашнего воспитания, их деятельность имела семейный характер, обучение в них не определялось обязательными сроками, а преподавание — образовательным цензом учителя. Школы грамоты могли размещаться в любом, даже самом тесном помещении, в простой бедной избе.

В Таврической епархии школы грамоты имели ряд существенных особенностей. При широком распространении этих начальных школ на ранней стадии их развития, к концу рассматриваемого периода количество данных учебных заведений уменьшилось в целом по всей губернии более чем в два раза, причем во многих уездах они исчезли практически полностью. Духовенство Таврической епархии принимало во внимание желание народа дать своим детям начальное образование и заботилось о преобразовании многих школ грамоты в одноклассные церковно-приходские школы, на несколько лет опережая процесс развития школьной сети всеобщего обучения. Прочие школы грамоты, как правило, выполняли функции одноклассных школ или играли роль подготовительных отделений последних.

Духовенство Таврической епархии на своих плечах вынесло все тяготы по первоначальному устройству школ грамот, привлекая всевозможные средства для их содержания и развития.

Преподавательский состав школ грамоты Таврической епархии не отличался высоким образовательным уровнем, что препятствовало развитию этих элементарных училищ. Для изменения этой ситуации в Таврической епархии в изучаемый период были устроены 4 второклассные школы, в которых специально готовили квалифицированных учителей школ грамоты. С 1897 г. Таврический епархиальный училищный совет стал устраивать временные педагогические курсы для учителей

[23] *Пученков А. С., Калиновский В. В.* Духовный форпост России: Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. С. 287.

[24] Протокол заседаний Комитета по народному образованию Таврического Губернского Земства 12–14 июля 1917 год. [Симферополь, 1917]. С. 4–5.

школ грамоты с целью повышения их квалификации, освоения ими новых улучшенных методик обучения, обмена профессиональным опытом. Помимо этого, уездные наблюдатели церковно-приходских школ также стремились повысить кадровый потенциал учителей школ грамоты, проводя с ними беседы и показательные уроки при посещении учебных заведений. Слабоподготовленных и малоактивных учителей старались заменить более опытными и усердными преподавателями из числа выпускников второклассных школ, либо же — из числа тех, кто имел свидетельство на звание учителя народной школы. Такие меры, безусловно, благоприятно отразились на качестве образования в школах грамоты Таврической епархии. К тому же школы грамоты в некоторой степени давали возможность детям школьного возраста, оставшимся без образования, получить элементарные навыки грамотности, а также способствовали развитию в народе церковного просвещения и благочестия.

Источники и литература

1. Ведомость Таврического Епархиального Училищного Совета о церковных школах Таврической епархии за 1901 год. Приложение к годичному отчету // Таврические епархиальные ведомости. 1903. № 12. С. 713.

2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. XI, 352, 149 с.

3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. СПб., 1916. X, 352, 144 с.

4. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 419. Оп. 1. Д. 66 (Отчет о состоянии церковных школ Керченского градоначальства за 1915/1916 уч. год).

5. ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 71 (Отчет Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии за 1915/1916 учеб. год).

6. *Горбов Н.* Советы учителям двухлетних деревенских школ грамотности // Таврические епархиальные ведомости. 1886. № 6. С. 347–354.

7. *Житенев Т. Е.* Школы грамоты в Российской империи конца XIX — начала XX века // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 4. С. 183–191.

8. Записка о церковных школах. Общий обзор школьной деятельности православного духовенства / 2-е исправленное и дополнительное издание Училищного Совета при Святейшем Синоде. СПб., 1907. 48 с.

9. Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1908/9 и 1909/10 годы. Симферополь, 1910. 73 с.

10. Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1912–1913 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1914. № 29. С. 397–400.

11. Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1914–1915 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1916. № 28. С. 275–281.

12. Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1902–1903 году // Таврические епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 295–303.

13. Отчет Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1905/6 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1907. № 13–14. С. 293–304.

14. *П. А. Б.* Несколько слов о народном образовании и церковно-приходских школах // Таврические епархиальные ведомости. 1874. № 1. С. 8–18.

15. По поводу десятилетия второклассных школ // Владимирские епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 239.

16. Протокол заседаний Комитета по народному образованию Таврического Губернского Земства 12–14 июля 1917 год. [Симферополь, 1917].

17. *Пученков А. С., Калиновский В. В.* Духовный форпост России: Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

18. *Чернецкий В., прот.* К вопросу о подготовке педагогических кадров для школ грамоты в конце XIX — начале XX вв. на примере Таврической епархии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2021. № 3 (8). С. 1–13.

19. *Шкарлат Л. П.* Становление и развитие начального и среднего образования в Крыму во второй половине XIX — начале XX века под эгидой православной епархии. Симферополь: Антика, 2020. 320 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

И. В. Лобанова

Владимир Соловьёв и Анна Шмидт: смиренные пророки стихийного русского гнозиса

УДК 1(470)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_62
EDN KRCTOA

Аннотация: Появление русской религиозной философии во второй половине XIX в. во многом стало ответом на обилие нехристианской мистики, захватившей сознание интеллигенции той эпохи. Владимир Соловьёв, которого называют создателем религиозной философии, ещё в юности поставил перед собой задачу: убедить всех в истине христианства, пересказав её философским, рациональным языком. Но, вдохновлённый личным мистическим опытом, Соловьёв создал в итоге далеко не ортодоксальную религиозную концепцию, поскольку в церковном предании не нашёл сходного со своим откровения. При этом всю свою жизнь философ больше всего боялся оказаться вне Церкви, поскольку только там мог найти понимание: ведь он был намного религиознее своего окружения. То же можно сказать и об Анне Шмидт, которая, по словам священника Сергия Булгакова, тоже не имела «воли к ереси». Как мирилось в сознании этих мыслителей формальное богословие с личным откровением? Не являлось ли оно, с их точки зрения, разновидностью догматического творчества? И не потому ли оно было так живо воспринято деятелями религиозного возрождения начала XX в.?

Ключевые слова: русская религиозная философия, Вл. С. Соловьёв, А. Н. Шмидт, «Третий завет», гностицизм, «София», всеединство, вечная женственность, религиозная мистика, религиозное возрождение.

Об авторе: **Ирина Владимировна Лобанова**
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.
E-mail: lobanova_irina@ro.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9079-5606

Для цитирования: Лобанова И. В. Владимир Соловьёв и Анна Шмидт: смиренные пророки стихийного русского гнозиса // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 62–69.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Irina V. Lobanova

Vladimir Solovyov and Anna Schmidt: Humble Prophets of Spontaneous Russian Gnosis

UDC 1(470)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_62
EDN KRCTOA

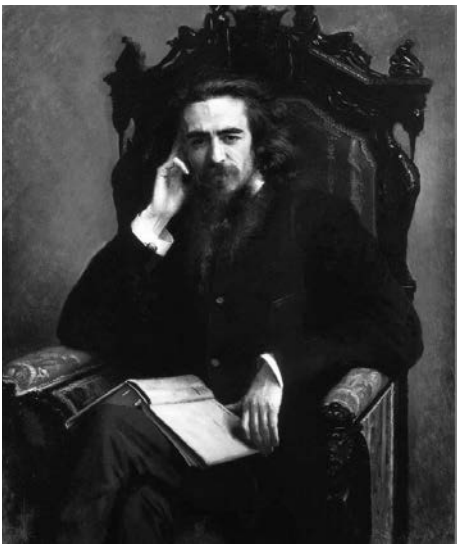
Abstract: The emergence of Russian religious philosophy in the second half of the 19th century largely responded to the abundance of non-Christian mysticism that had captivated the consciousness of the intelligentsia of that era. Vladimir Solovyov, often referred to as the founder of religious philosophy, set himself the task in his youth of convincing everyone of the truth of Christianity by retelling it in a philosophical, rational language. However, inspired by personal mystical experiences, Solovyov ultimately created a religious concept far from orthodox, as he did not find parallels to his revelations in church tradition. Throughout his life, the philosopher feared most of all finding himself outside the Church because only there could he find understanding, given that he was much more religious than those around him. The same can be said of Anna Schmidt, who, according to Priest Sergey Bulgakov, also had "no inclination towards heresy". How did formal theology coexist in the minds of these thinkers with personal revelation? Was it not, from their point of view, a kind of dogmatic creativity? And is this not why it was so vividly embraced by the leaders of the religious revival at the beginning of the 20th century?

Keywords: Russian religious philosophy, Vl. S. Solovyov, A. N. Schmidt, "Third Testament", Gnosticism, "Sophia", all-unity, eternal femininity, religious mysticism, religious revival.

About the author: **Irina Vladimirovna Lobanova**
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
E-mail: lobanova_irina@ro.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9079-5606

For citation: Lobanova I. V. Vladimir Solovyov and Anna Schmidt: Humble Prophets of Spontaneous Russian Gnosis. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 62–69.

* Photos are taken from open sources.



В. С. Соловьев

Одним из следствий петровских реформ стало формирование секулярного общества. Критически мыслящему, образованному, начитанному и при этом религиозному человеку было в таком обществе во второй половине XIX в. неуютно. Нужно было либо менять мир, либо самому приспосабливаться к новым условиям. Владимир Соловьёв решил менять мир. Ещё в юности он поставил перед собой задачу: убедить всех в истине христианства, пересказав её философским, рациональным языком. Он был уверен, что в этом случае любой мыслящий человек вынужден будет признать правоту религиозной картины мира, ведь его доказательства будут неотвратимо логичны.

«Я знаю, что всякое преобразование должно делаться *изнутри* — из ума и сердца человеческого. Люди управляются своими *убеждениями*, следовательно, нужно действовать на убеждения, убедить людей в истине»[1], — писал он своей кузине, будучи семнадцати лет от роду. «Предстоит задача, — делился с ней юный философ, — ввести вечное содержание христианства в новую соответствующую ему, т. е. разумную безусловно форму. Для этого нужно воспользоваться всем, что выработано за последние века умом человеческим: нужно усвоить себе всеобщие результаты научного развития, нужно изучить всю философию. Это я делаю и еще буду делать. Теперь мне ясно, как дважды два четыре, что все великое развитие западной философии и науки, по-видимому, равнодушное и часто враждебное к христианству, в действительности только вырабатывало для христианства новую, достойную его форму. И когда христианство действительно будет выражено в этой новой форме, явится в своем истинном виде, тогда само собой исчезнет то, что препятствует ему до сих пор войти во всеобщее сознание, именно его мнимое противоречие с разумом. Когда оно явится, как свет и разум, то необходимо сделается всеобщим убеждением, — по крайней мере, убеждением всех тех, у кого есть что-нибудь в голове и в сердце. Когда же христианство станет действительным убеждением, т. е. таким, по которому люди будут *жить*, осуществлять его в действительности, тогда очевидно *все изменится*. Представь себе, что некоторая хотя бы небольшая часть человечества вполне серьезно, с сознательным и сильным убеждением будет исполнять в действительности учение безусловной любви и самопожертвования, — долго ли устоит неправда и зло в мире! Но до этого практического осуществления христианства в жизни пока еще очень далеко. Теперь нужно еще сильно поработать над теоретической стороной, над богословским вероучением. Это мое настоящее дело»[2].

Казалось бы, такое искреннее религиозное воодушевление должно было привести Соловьёва в Церковь, сделать его ярким церковным деятелем, но этого не произошло. Церковь была в контексте той эпохи чем-то формальным, а вера Соловьёва — чем-то живым, и он не хотел приносить её в жертву. Христианство для него оказалось не равно Православию. Усвоив всё то из философии и науки, что он себе наметил, Соловьёв захотел осуществления обновленного христианства в форме некой вселенской религии вечного завета, а свою задачу видел в том, чтобы окончательно и наиболее

[1] *Соловьёв В. С.* Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / под. ред. Э. Л. Радлова. Т. 1. СПб., 1908. С. 88.

[2] Там же. С. 88–89.

полно по сравнению с теми, кого он считал своими предшественниками, сформулировать учение этой универсальной религии.

Он попытался изложить основы нового религиозно-философского учения в мистическом трактате «София». «Я не смешиваю состояние христианского мира в какую-либо эпоху с самим христианством. Я разумею живое христианство, а не его могилу», — заявлял философ. Определяя, в каком отношении вселенская религия будет относиться к историческому христианству, Соловьёв уподоблял новую религию плоду того дерева, корнями которого является христианство. «Есть люди, считающие себя призванными универсализировать христианство. Что может быть проще и легче того способа, каким они за это берутся? Они удаляют из христианства всё, что в нём есть положительного и характерного, и таким путём получают нечто, что не есть ни христианство, ни ислам, ни буддизм, вообще ничто, и это ничто они называют вселенской религией, религией Человечества и ещё другими красивыми именами». Про свою же вселенскую религию Соловьёв писал, что «это реальный и свободный синтез всех религий, который не отнимает у них ничего положительного и даёт им ещё то, чего они не имеют. Единственное, что она разрушает, — это их узость, их исключительность, их взаимное отрицание, их эгоизм и ненависть». Более того, «вселенская религия есть не только положительный синтез всех религий, но также синтез религии, философии и науки, и затем сферы духовной, или внутренней вообще, со сферой внешней, с жизнью политической и социальной. Религия, становясь вселенской, теряет свой исключительный характер, она становится больше, чем религией, она более не противопоставлена другим сферам человеческой жизни, но включает их в себя»[3].

Таким образом, Владимир Соловьёв считал, что в идеале исторический процесс должен способствовать проникновению религии во все сферы человеческой жизни. Будучи не отвлечённым представлением, а разумным убеждением, вера становится в его концепции той основой, на которой воздвигнутся начала новой государственности, политики, социального устройства. Он был уверен, что религия преобразит и переплавит все человеческие институты и основным мотивом любой человеческой деятельности будет духовная польза каждого.

Исследователей, конечно, интересует, как родилась у Соловьёва идея вселенской религии? Было ли это его внутренним побуждением, проистекающим из любви и жалости к страдающему человечеству, или книжным, рациональным изобретением его философского ума? Исследовательская мысль привычно обращается к кругу уже известных идей, и, обнаруживая, что философ был знаком с ними, автоматически зачисляет его в эпигоны этих учений. Но Соловьёв эпигоном не был. Он не заимствовал элементы чужих концепций в качестве строительного материала для своей, он творил собственную традицию: искал родственный мистический опыт и, если находил, ссылался на него. В его юношеских письмах мы видим искренний порыв уничтожить зло и неправду в мире. И именно его убеждение в том, что христианство должно быть активным, направленным в мир, а не созерцательным и пассивным, что представление это в современной Церкви утрачено, направило его внимание на источники «околохристианские».

Соловьёв считал, что нужный характер христианскому учению придаст правильно акцентированное представление о цели мирового процесса. Что выделение идеи обожения *мира*, а не человека только, в качестве главного побудительного мотива сделает христианство социально активным, заставит его выйти из тесных отшельнических келий и сделает ясной мысль, что осуществление цели мироздания напрямую зависит от активных усилий человечества. Подтверждение этому он искал в древних трактатах. В неортодоксальных источниках предлагались довольно сложные и запутанные, но претендующие на универсальность концепции, охватывавшие все аспекты бытия. Соловьёв, в конце концов, остановился на некоторых учениях и системах, которые были близки его собственному пониманию мирового процесса, но дополняли

[3] *Соловьёв В. С.* София // *Козырев А. П.* Соловьёв и гностики. М., 2007. С. 447–449.

и расширяли это представление. В «Лондонском альбоме» он выстроил их в следующем порядке:

Каббала и неоплатонизм.
Бёме и Сведенборг.
Шеллинг и я.

Надо сразу заметить, что Соловьёв никогда не был ни каббалистом, ни гностиком. Он искренне верил, что все религии — ветви одного дерева, но христианство ставил превыше всего. Е. И. Боратынская вспоминала, что «крестному знамению придавал он особенное значение; крестился он истово, с нарочитой демонстративностью», говоря при этом, что «даже в таких сравнительно малых вещах я боюсь, чтобы не показалось, будто я могу постыдиться моего Христа»[4]. Упоминая каббалу и неоплатонизм, Владимир Соловьёв сам указывал, к какой традиции он принадлежит или хотел бы принадлежать. Можно даже сказать, что он сам творил эту традицию, находя в прошлом тех, чьи мысли внутренне согласны с его собственными. Почему из всех мистических учений он выделяет именно каббалу и неоплатонизм? Потому что они говорят о мире, как о некоем едином организме и трактуют историю как процесс постепенного возвращения к истоку. В чём, с его точки зрения, заслуга Бёме и Сведенборга? Один ввёл близкое соловьёвскому понятие Софии, другой учил, что каждый дух лишь мельчайшая частица божественного организма.

Как и в случае с метафизикой Шеллинга, трудно отрицать наличие гностических элементов в учении Соловьёва. А. П. Козырев, скрупулёзно проанализировав труды философа на предмет гностических заимствований, убедительно показал все точки соприкосновения Соловьёва и гностических учений. Но при всём при этом Соловьёв в целом оценивал гностицизм довольно скептически. Главным его разочарованием стало, опять-таки, представление гностиков о мировом процессе. В статье, написанной им для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, Соловьёв отмечал: «В основе этого религиозного движения лежит *кажущееся* примирение и воссоединение Божества и мира, абсолютного и относительного бытия, бесконечного и конечного. Гностицизм есть *кажущееся* спасение. Гностическое мировоззрение выгодно отличается от всей дохристианской мудрости присутствием в нём идеи определённого и единого целесообразного мирового процесса; но исход этого процесса во всех гностических системах лишён положительного содержания: он сводится, в сущности, к тому, что всё остаётся на своём месте, никто ничего не приобретает. Жизнь мира основана только на хаотическом смешении разнородных элементов, и смысл мирового процесса состоит лишь в разделении этих элементов, в возвращении каждого в свою сферу. Мир не спасается, спасается, т. е. возвращается в область божественного, абсолютного бытия, только духовный элемент, присущий некоторым людям (пневматикам), изначала и по природе принадлежащим к высшей сфере. Он возвращается туда из мирового смешения цел и невредим, но без всякой добычи. Ничто из низшего мира не возвышается, ничто тёмное не просветляется, плотское и душевное не одухотворяется»[5]. Кроме того, гностики не понимали роли Христа, что также не способствовало особой симпатии Соловьёва к ним.

Можно заметить, что Соловьёв постоянно старался придать своим сугубо религиозным убеждениям научный вид, чтобы привлечь симпатию секуляризованной публики к христианству, а своим мистическим откровениям придавал вид философских рассуждений, чтобы не оттолкнуть тех, кто воцерковлён. Он хотел, чтобы люди вернулись в Церковь, и ждал, что Церковь для этого обновится. При этом оборотная сторона его религиозного воодушевления оставалась абсолютно иррациональной, потому что сам философ черпал своё убеждение из личного мистического опыта.

[4] *Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы: материалы к биографии. Кн. 1. Пг., 1916. С. 131.

[5] Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. и с примеч. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. Т. 10. СПб.: Просвещение, [1914]. С. 324–325.

Эта двойственность, недосказанность, попытка скрыть истинный источник своего вдохновения, выдать всё за плод философских размышлений делала концепцию Владимира Соловьёва, как ни странно, ещё более притягательной. Интеллигенция к тому времени давно уже открыла для себя мир нехристианской мистики. В ней она находила ответы на вопросы, которых не могла получить из аскетической православной традиции. В основном эти проблемы касались мистики пола. И тут так вовремя явился Соловьёв с новым христианством и невнятной проповедью о Вечной Женственности. Но даже просто намёк на сакральный статус женственного начала был с восторгом подхвачен представителями интеллигенции.

«Сближение полов *свято* или *мерзость*?»[6] — такой вопрос был поставлен русской религиозной философией конца XIX в. Отношение Православной Церкви к взаимоотношению полов известно[7]. Так почему эта проблема была поставлена? Современники отвечали на этот вопрос по-разному. Н. А. Бердяев, например, писал, что «христианство не преобразило пола, не одухотворило половой плоти, наоборот, оно окончательно сделало пол хаотическим, отравило его»[8]. Несмотря на то, что брак в Православии считается таинством и освящается в Церкви, сексуальное влечение называется греховной страстью, с которой христианин должен бороться. Каким же образом можно соединить в своем сознании два взаимоисключающих положения: супружеские отношения святы, а желание, которое неизменно присутствует в физической близости, греховно? «Аскетическое христианское учение допускает половую любовь лишь как слабость греховной человеческой природы, — писал по этому поводу Н. А. Бердяев. — Так и осталась половая любовь слабостью, стыдом, почти грязью. <…> Мы почти примирились с тем, что пол греховен, что радость половой любви — нечистая радость, что сладострастие — грязно, и мы спокойно продолжаем грешить, предаваться нечистым радостям и грязному сладострастию, так как нам-де, слабым людям, все равно не достигнуть идеала»[9].

Именно эта сугубо аскетическая направленность христианской мысли и порождала у мирского человека сомнения, которые так хорошо сформулировал В. В. Розанов: можно ли семейному, плодородному, счастливому, веселому, без уныния и тоски в себе, без упреков себе, в то же время соделаться дорогим и милым существом Богу? Эта первоначальная интуиция, осознание несовместимости евангельских идеалов с жизнью мирского человека, присутствует и у М. М. Тареева, который прямо утверждал, что «на евангельской основе не может процветать брачная жизнь, потому что евангелие требует от мужа “оставить жену, возненавидеть ее”, а для брачной жизни требуется плотская любовь, плотская страсть»[10].

Следует признать, что проблема эта существовала столько же, сколько существовало христианство. Следуя этой логике, каждый христианин в своей жизни должен для себя ее разрешать. Или, вступая в брак, заранее согласиться на снижение идеала достижимого совершенства для себя лично, или отказаться от супружеских отношений, оставаясь в браке. Вся христианская мистика сформировалась помимо пола в том числе и по той причине, что попытки разрешить тайну пола часто приводят либо к различным модификациям хлыстовства, либо к «злому аскетизму», как у Л. Н. Толстого.

Но если для таких мыслителей как Розанов и Бердяев главная проблема в вопросе пола — как соединить физиологию пола и христианство, то Соловьев пытался

---

[6] *Рцы.* Бессмертные вопросы // Русский Труд. 1899. № 2. С. 25.

[7] См., например, 51-е Правило св. Апостолов: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или дьякон, или вообще из священного чина, удаляется от брака, мяса и вина, не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что все добро зело, и что Бог, созидая человека, мужа и жену сотворил их, и таким образом хуля клевещет на создание: или да исправится, или да будет извержен из священного чина, и отвержен от Церкви. Такожде и мирянин».

[8] *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 216.

[9] Там же. С. 216–217.

[10] *Тареев М. М.* Дух и плоть // Богословский вестник. 1905. № 1. С. 24.

обосновать онтологическую сущность женственности. Иными словами, он стремился доказать, что пол — это не временное состояние падшего человечества, что сущность пола глубоко метафизична. Он указывал на необходимость признания предвечного существования женственного начала. Однако он так и не решился недвусмысленно сформулировать все положения этого учения, ограничившись завуалированными нечеткими определениями и ни к чему не обязывающими стихотворными обращениями к этой теме. Он не хотел оказаться вне Церкви, ведь оказалось, что попытка разрешения тайны, заложенной в разделении человечества на два пола, неминуемо приводит к вторжению в область догматического богословия и мало кто из мыслителей рубежа XIX–XX вв. решился перешагнуть ту черту, которая отделяет философа от еретика. Поэтому таким шокирующим было появление в корпусе мистических текстов «Третьего завета» Анны Николаевны Шмидт.

Поскольку Анна Шмидт не известна читательской аудитории так же широко, как Владимир Соловьёв, нужно сказать хотя бы несколько слов о её жизни. У Анны Шмидт была очень деспотичная мать. Она не позволяла ей учиться, не позволяла работать. Образование у Анны было домашнее. Самостоятельно освоив школьную программу, она сдала на отлично экзамены в гимназии и так получила аттестат. Анна устроилась было преподавать в женской гимназии французский язык, но мать велела ей уволиться. Насколько можно судить, она считала неприличным для девушки работать, полагая социальную активность дочери предосудительной. Так и сидела бы Анна дома, если бы не несчастье: её отец — прокурор — был пойман на подлоге документов и сослан в Архангельск. Когда он умер, семья вернулась в Нижний Новгород, и тут уже Анне пришлось работать, чтобы кормить себя и мать, которая когда-то даже на прогулке в лесу привязывала её к себе шнурком за запястье.

Анна стала репортёром в местной газете. Именно в редакции она могла, наконец, записывать своё личное откровение, потому что писать дома мать ей тоже не разрешала и отнимала карандаши и бумагу. Весь этот ворох мятых черновиков и оказался рукописью «Третьего завета», который после смерти Шмидт издали священники Сергий Булгаков и Павел Флоренский. В этом своём трактате Анна Шмидт безо всяких метафор прямо сказала то, что боялся чётко сформулировать Владимир Соловьёв: третье лицо Святой Троицы — это вечная женственность, дочь Божия. А сам третий завет — это откровение женской стороны божества о мире, который оказывается чередой рождений и бракосочетаний.

Об Анне Шмидт известно не так много фактов, но можно точно сказать, что она жила и горела верой, искренне любила Христа и сердечно пребывала в Церкви. Священник Сергий Булгаков считал, что «искренняя церковность А. Н. и ее любовь к православию едва ли может подлежать сомнению. Также и большинство ее догматических учений для знакомого с историей церкви отнюдь не являются новшествами безусловными и, кроме того, касаются вопросов не раскрытых еще в догматическом самосознании. Иначе говоря, А. Н. Шмидт не подвергает ни малейшему сомнению истинность существующих догматов православия и говорит только о новом догматическом творчестве, — мысль, сама по себе, ничего неправославного не заключающая»[11]. Священник Сергий Булгаков уверенно заключает, что «сама А. Н. Шмидт не имела *воли* к ереси, как о том неоднократно и свидетельствовала (между прочим, в письме к Иоанну Кронштадтскому). И как бы ни относиться к основным ее утверждениям и ее собственному самосознанию, несомненно, и *помимо* этого, в мистике ее найдется немало важного и поучительного, отмеченного печатью мистической проницательности и верности православному учению. Сюда относится как раз многое из того, что и для неё является центральным, — в мистике пола и материнства»[12]. Это удивительное стремление остаться в Церкви при внецерковном своём личном духовном

[11] *Булгаков С.* «Из рукописей А. Н. Шмидт» // *Шмидт А. Н.* Третий Завет. Электронная версия составлена, подготовлена, сверена с прототипом и снабжена цифровой пагинацией М. Н. Белгородским / URL: https://rozamira.nl/lib/ezoter/shmidt/3j_zavet.htm#p1 (дата обращения: 01.06.2023).

[12] Там же. С. 11–12.

опыте роднит А. Н. Шмидт с Владимиром Соловьёвым, чьё учение, если можно так сказать, оказалось не просто близким, а практически идентичным.

Анна Шмидт, в отличие от Соловьёва, не была знакома с мистической литературой. Для неё стали открытием и книги самого Соловьёва, которые она прочла незадолго до его смерти. Тем ценнее стало её свидетельство о том, что в трудах философа она узнала свои мысли и тот источник, из которого черпала вдохновение сама. Попросту говоря, она сообщила Соловьёву, что вечная женственность, которой он всю жизнь поклонялся, воплотилась в ней и открыла ей новые, последние тайны христианской веры. Тут уж Соловьёв не просто испугался, а ужаснулся, принялся убеждать Анну Николаевну, что она в прелести и посоветовал ей читать аскетическую литературу на предмет трезвения и смирения. Через пять месяцев после знакомства с Анной Шмидт он умер. Анна Николаевна пережила Соловьёва всего на пять лет.

Наиболее яркие представители русской религиозной философии начала XX в. — Бердяев, священник Сергий Булгаков — исследовавшие по горячим следам рукописи Шмидт, с изумлением отмечали родство её представлений с каббалой и гностиками. Именно эти элементы сознательно привнёс в свою философскую концепцию и Владимир Соловьёв. При этом, повторюсь, Анна Шмидт не читала ни гностиков, ни самого Соловьёва, поэтому обвинить её в эпигонстве не получится. Вот такая таинственная история про попытку сделать веру удобной и приятной для секулярного сознания, которую подхватили деятели Серебряного века и сделали её объектом своего творческого вдохновения.

Источники и литература

1. *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999.
2. *Булгаков С. Н.* «Из рукописей А. Н. Шмидт» // *Шмидт А. Н.* Третий Завет. Электронная версия составлена, подготовлена, сверена с прототипом и снабжена цифровой пагинацией М. Н. Белгородским / URL: https://rozamira.nl/lib/ezoter/shmidt/3j_zavet.htm#p1 (дата обращения: 01.06.2023).
3. *Козырев А. П.* Соловьёв и гностики. М., 2007.
4. *Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы: материалы к биографии. Кн. 1. Пг., 1916.
5. *Рцы.* Бессмертные вопросы // Русский Труд. 1899, № 2.
6. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. и с примеч. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. Т. 10. СПб.: Просвещение, [1914].
7. *Соловьёв В. С.* Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / под. ред. Э. Л. Радлова. Т. 1. СПб., 1908.
8. *Тареев М. М.* Дух и плоть // Богословский вестник. 1905. № 1. С. 1–27 (2-я пагин.).

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

А. Ю. Макаров

Духовное состояние народа и Православной Церкви к началу революции 1905–1907 гг. Сравнительная характеристика мнений Христианского братства борьбы и группы 32-х петербургских священников

УДК 271.2-9+94(470+571)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_70
EDN QNZQSA

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу точек зрения Христианского братства борьбы и Братства ревнителей церковного обновления на проблему революционного и антирелигиозного сознания российского общества в период 1905–1907 гг. Предметом исследования являются публичные документы, статьи и личная переписка лидеров этих двух общественных объединений В. Свенцицкого, А. Ельчанинова, П. Флоренского, священника Константина Аггеева, священника Григория Петрова. Просвещенная часть интеллигенции и православного священства искали духовные и исторические причины революционной ситуации и пути выхода из неё. Среди основных факторов духовного кризиса Церкви и общества они признавали отсутствие свободы Церкви в ее самоуправлении и оторванность народной веры от Евангельского слова. Мнения этих двух объединений в период Первой русской революции были наиболее свободны от цензуры и находили отклик у общественности. Обращение к этому историческому материалу имеет значение для понимания причин и последствий политической и духовной катастрофы, постигшей Российскую империю в 1917 г. Сравнительная характеристика точек зрения этих объединений позволяет сделать вывод, что внутри Православной Церкви и представителей русской интеллигенции существовало единство мнений и возможность для консолидации духовных усилий в противостоянии усиливающимся в стране антиклерикальным и антихристианским тенденциям.

Ключевые слова: Христианское братство борьбы, Братство ревнителей церковного обновления, группа 32-х петербургских священников, духовное состояние народа, русская революция 1905–1907 гг., Церковь и интеллигенция, священник Константин Аггеев, священник Григорий Петров, В. Свенцицкий, П. Флоренский, А. Ельчанинов.

Об авторе: **Алексей Юрьевич Макаров**
Бакалавр богословия, преподаватель онлайн-школы «Тетрика».
E-mail: maleks74@gmail.com

Для цитирования: Макаров А. Ю. Духовное состояние народа и православной церкви к началу революции 1905–1907 гг. Сравнительная характеристика мнений Христианского братства борьбы и группы 32-х петербургских священников // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 70–75.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Alexey Y. Makarov

Spiritual state of the people and the Orthodox Church before the beginning of the revolution of 1905–1907. Comparing characteristics of the opinions of the Christian Brotherhood of Fight and of the group of the 32 St. Petersburg priests

UDC 271.2-9+94(470+571)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_70
EDN QNZQSA

Abstract: The article is aimed to show the comparing analysis of the points of view of the Christian Brotherhood of Fight and the Brotherhood of adherents of the church renewal on the problem of revolutionary and antireligious consciousness strengthening in the Russian society of 1905–1907. The public documents, articles and personal correspondence of Sventsitskii, Eltchaninov, Florenskii, priest Aggeev, priest Petrov, who were the leaders of these two public institutions, are the ground for the research. The educated part of the intelligentsia and orthodox priesthood were searching for the spiritual and historical reasons of the revolutionary situation as well as for the ways out of it. The main spiritual church and societal crisis factors were acknowledged to be the absence of the freedom of the church in its self-reigning apart from the state, as well as detachment of people's faith from the evangelical word. The opinions of these two institutions during the first Russian revolution were free from censorship in its most part. Addressing this historical material is of great importance for understanding the reasons and the consequences of the political and spiritual catastrophe that hit the Russian Empire in 1917. The comparing characteristic of the points of views of these institutions concludes that there was a unity of opinions among the orthodox church and the Russian intelligentsia as well as the opportunity for consolidation of spiritual efforts in resisting anticlerical and antichristian tendencies that were strengthening at that time in the country.

Keywords: Christian Brotherhood of Fight, the Brotherhood of adherents of the church renewal, group of the 32 St. Petersbourg priests, spiritual state of the people, the Russian revolution of 1905–1907, church and intelligentsia, priest Aggeev, priest Petrov, Sventsitskii, Florenskii, Eltchaninov.

About the author: **Alexey Yurievich Makarov**
Bachelor of Theology, Tetrika online schoolteacher.
E-mail: maleks74@gmail.com

For citation: Makarov A. Y. Spiritual state of the people and the Orthodox Church before the beginning of the revolution of 1905–1907. Comparing characteristics of the opinions of the Christian Brotherhood of Fight and of the group of the 32 St. Petersburg priests. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 70–75.

* Photos are taken from open sources.

Революционные потрясения в Российской империи в период 1905–1907 гг. привели к оживлению церковной и общественной дискуссии по самому широкому спектру социально-экономических, политических и церковных реформ. В том числе большое внимание уделялось анализу и выявлению духовных причин революционных столкновений. Значимую роль в этих публичных процессах в двух российских столицах играли два неформальных объединения: «группа 32-х» петербургских священников и Христианское братство борьбы (далее — ХББ), состоящее из молодой московской интеллигенции. Сравнительная характеристика их мнений о духовном состоянии народа и Церкви той поры как современников и представителей двух разных слоев просвещенного общества крайне важна для понимания исторической картины и причин последующей революции 1917 г.

Мнения и оценки лидеров этих двух неформальных объединений о духовном состоянии народа и Церкви можно сравнивать по их публикациям в церковной прессе, по собственным отдельным изданиям, а также личным письмам.

Особенностью этого исторического периода стало осознание интеллигенцией и священством того, что народ духовно непросвещен и не видит себя субъектом изменений общественного строя жизни. Вот какие оценки народа звучали в первых документах ХББ, созданных в марте-апреле 1905 г.: народ духовно «закрепощен»[1], миряне «не имеют никакого голоса»[2], как такового «церковного народа в настоящее время не существует»[3]. Относительно уровня благосостояния и экономической самостоятельности российского народа они писали, что он «изнемогает в непосильном физическом труде ‹…› или же просто гибнет от нищеты, голода и разврата»[4] по причине «социального и имущественного неравенства».

Накануне революции, в 1902 г., Павел Флоренский в своем письме давал такую оценку состояния российского общества: «…отсутствие созерцательности, умения смотреть sub specie aeternitatis (с точки зрения вечности), мистицизма, благоговения к жизни и составляет “не то” всей современной культуры. Мы живем, не священнодействуя, а как бы наскоро обедая»[5]. Его мнение о духовном бессилии и непросвещенности народа разделял и другой активный член ХББ Александр Ельчанинов, который в 1901 г. писал: « ‹…› что делать остальным людям, у которых есть стремление к истине, а нет сил не только приближаться к ней, но даже понять, сознательно усвоить то “приближение”»[6].

Нельзя сказать, что взгляд московской интеллигенции на общественный настрой был чисто скептическим. В публичной листовке, обращенной от лица ХББ к епископам Российской Православной Церкви, звучит и позитивная оценка народного самосознания: «У всех верующих начинает подыматься радостная уверенность, что близится час освобождения Русской Церкви от векового гнета»[7]. Аналогичную точку зрения о духовном состоянии народа находим в программных статьях «группы 32-х» того же времени. В первой их записке от 17 марта о духовной глухоте и недоверии народа к Церкви и ее слову говорится так: « ‹…› не знают гласа ее, не верят ему, когда приходится его слышать, не идут к ней, ‹…› относятся к ней с равнодушным незлобием»[8]. В частной переписке в ноябре

[1] *Свенцицкий В. П.* Письма ко всем. Обращения к народу 1905–1908: Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М.: ТД «Белый город», 2008. С. 16.

[2] ХББ — Епископам Русской Церкви. (Документ № 124 // Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах [Текст] / Сост. С. В. Чертков. М.: Кучково поле; Спасское дело, 2017. С. 156).

[3] Там же. С. 161.

[4] *Свенцицкий В.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 17.

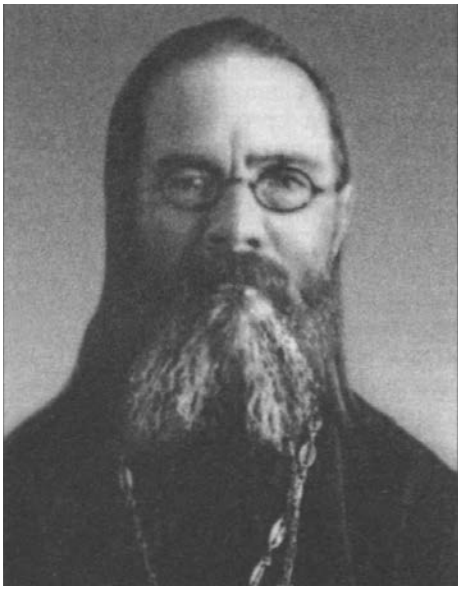
[5] Письмо П. А. Флоренского Ю. А. Флоренской от 02.11.1902 (Письмо № 27 // Нашедшие град… С. 61).

[6] Письмо А. В. Ельчанинова П. А. Флоренскому от 21.02.1901 (Письмо № 10 // Нашедшие град… С. 46).

[7] Нашедшие град… С. 156.

[8] О необходимости перемен в русском церковном управлении // Церковный вестник. 1905. № 11. Стлб. 323.

1904 г. священник Константин Аггеев дает такую картину обыденной жизни простого народа: «‹…› в праздничные дни окраины улицы Петерб<урга> наполняются пьяными грубиянами из народа ‹…›, встречаешься с какой-то иногда тупостью и бестолковостью мужика, грустно и тяжело становится на душе»[9]. О непросвещенности народной веры Евангелием как основной проблеме писал священник Григорий Петров: «Народ наш томится духовною жаждою; измучен, изнурен духовной засухой, ‹…› наводним давно уже крещенную, но духовно далеко еще не просвещенную Русь евангельским словом»[10]. Одновременно, как и члены ХББ, петербургские священники видят в народе пробуждающуюся жажду духовного обновления: «Когда ‹…› пронеслась весть о созвании церковного собора у нас на Руси, сердца истинных чад нашей Церкви наполнились великою радостью», «заметен очень сильный интерес к вопросам Церкви у большого количества мирян, прежде часто совершенно безразличных»[11]. Эти мнения позволяют сделать вывод о том, что участники этих двух объединений, оставаясь духовно и интеллектуально близкими представителям образованного общества, были более склоны ждать возрождения евангельских оснований веры от простого народа. ХББ и «группа 32-х» осознавали, что церковный народ не собран, не может взять на себя ответственность за возрождение жизни в Церкви и в стране.



Священник
Константин Аггеев

Положение исторической Православной Церкви в России ХББ и «группа 32-х» также оценивали как крайне трагическое. В мартовской записке 1905 г. «группы 32-х» звучат прискорбные слова о том, что в глазах современников Церковь предстает «виновницей насилий и гнета, которые производились под предлогом ее защиты»[12], голос ее ограничен «в своем самоопределении и выражении» и подвержен «подозрению в порабощенности мирским, государственным целям и интересам»[13], в ней нет «мужественного свидетельства о правде общественной жизни ‹…› в дни общественной тревоги и потрясений ‹…›, а то, что говорится от лица Церкви, является вредным»[14]. Схожая, но более резкая оценка состояния исторической Церкви дана в первых документах ХББ. Авторы констатировали, что у церковной иерархии и духовенства из-за «робости сердец»[15] нет духовных сил для святого исповедничества. Святейший Синод, выступивший в поддержку «мучителей христианского народа», т. е. войск, расстреливавших мирных демонстрантов, именовался ими, как забывший «истинную Апостольскую

[9] Письмо свящ. К. М. Аггеева к П. П. Кудрявцеву от 04.11.1904. (Цит. по: *Балакшина Ю. В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. С. 288).

[10] *Петров Г. С., свящ.* Божьи работники: сборник статей. М.: И. Д. Сытин, 1901. С. 5.

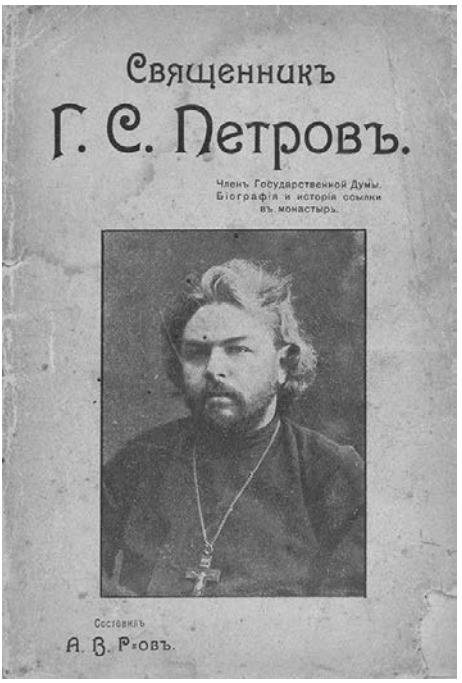
[11] О составе церковного собора // Церковный вестник. 1905. № 21. С. 646.

[12] О необходимости перемен в русском церковном управлении // Церковный вестник. 1905. № 11. Стлб. 321.

[13] Там же. Стлб. 322.

[14] Там же. Стлб. 323.

[15] *Свенцицкий В.* Воззвание к епископам: Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 353.



Священник
Григорий Петров

Церковь»[16] и отмеченный «печатью Антихриста»[17]. Авторы прямо высказывали свое возмущение «пассивным состоянием Церкви в отношении государственной власти» и обличали её, как идущую на «служение самым низменным целям»[18], вплоть до превращения пассивности перед государством в «языческий необузданный цезарепапизм, ‹…› забвение святой крови всех мучеников первых времен христианства»[19]. В апрельской статье «К вопросу о церковной реформе» ХББ практически констатировало духовную смерть Церкви, отмечая, что она «едва ли не подобна трупу»[20] из-за своего равнодушия к жизни общества.

Конечно, такой критический тон оценки духовного состояния Церкви и общества в России в начале XX в. расценивался властью как деятельность не в церковно-общественной сфере, а в политической. Все, кто в Российской империи с конца XIX в. выступал с подобными смелыми оценками церковной жизни, находились под тайным или явным надзором государства и часто подвергались прямым гонениям с его стороны. Так, Санкт-Петербургский цензурный комитет инициировал уголовное дело[21] в отношении Валентина Свенцицкого за его обращение к Церкви вспомнить, что убийство является смертным грехом, требующим раскаяния, а призыв к покаянию солдат за расстрел забастовщиков[22] расценив как призыв к армии не повиноваться властям. Судом присяжных Валентин Свенцицкий был оправдан[23]. Священник Григорий Петров был лишен сана в 1908 г.[24] и долгое время после этого находился под надзором полиции как политически неблагонадежный за то, что обличал подавленность и зависимость Церкви в ее внутренних духовных вопросах от интересов самодержавия[25].

Подводя итог, можно сказать, что позиция ХХБ отличалась как большей радикальностью и политической ангажированностью, так и большим желанием обновить духовные основания жизни Церкви, тогда как мнение «группы 32-х» всегда оставалось в границах канонического и общественного поля. Оценки духовного состояния народа и Церкви у петербургского духовенства в лице «группы 32-х» и московских мирян в лице ХББ имели принципиальное сходство по следующим моментам:

[16] ХББ — Народу. (Документ № 113 // Нашедшие град… С. 146).

[17] Там же. С. 147.

[18] *Свенцицкий В.* Краткая программа ХББ: Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 31.

[19] ХББ — Епископам Русской Церкви. (Документ № 124 // Нашедшие град… С. 157).

[20] *Свенцицкий В.* К вопросу о церковной реформе: Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 9.

[21] Письмо А. В. Бельгарда П. К. Камышанскому от 06.02.1906. (Письмо № 185 // Нашедшие град… С. 215).

[22] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 305. К. 6. Ед. Хр. 56. Л. 5.

[23] Книжный вестник. 1906. № 41. С. 989. (Цит. по: Нашедшие град… С. 282).

[24] ГАРФ. Ф. 102. Д. 4. 1907. Д. 110. Ч. 15. Л. 39 (Святейший Синод. Определение № 97 от 12 января 1908 г. о лишении сана и исключения из духовного звания священника С. Петербургской епархии Григория Петрова).

[25] *Петров Г., свящ.* Письмо священника Георгия Петрова Митрополиту Антонию. СПб.: Правда, 1908.

1) Церковь не имеет своего голоса и свободы самоуправления, поскольку низведена до положения слуги государства;

2) Синодальная система церковного управления служит только сохранению и оправданию самодержавной власти, не сообразуясь в своих действиях с Евангельскими заветами и преданием Апостольской Церкви;

3) Внутри народа и образованного слоя населения сохраняется еще духовная жажда обретения просвещенной веры и устроения жизни на христианских основаниях.

Такое серьезное единство мнений между наиболее активной и просвещенной частью духовенства и мирян позволяет говорить о существовавшей тогда возможности взаимопонимания и взаимодействия Церкви и общества для решения назревших духовных и общественных проблем, а также о сформировавшихся в стране к моменту Первой русской революции не только антихристианских и антиклерикальных тенденциях, но и созидательных церковно-общественных силах.

Источники и литература

Источники

1. ГАРФ. Ф. 102. Д. 4. 1907. Д. 110. Ч. 15.
2. Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах [Текст] / Сост. С. В. Чертков. М.: Кучково поле; Спасское дело, 2017. 470 с.
3. О необходимости перемен в русском церковном управлении // Церковный вестник. 1905. № 11. Стлб. 321–328.
4. О составе церковного собора // Церковный вестник. 1905. № 21. Стлб. 641–648.
5. ОР РГБ Ф. 305. К. 6. Ед. Хр. 56.
6. *Петров Г. С., свящ.* Божьи работники: сборник статей. М.: И. Д. Сытин, 1901. 59 с.
7. *Петров Г. С., свящ.* Письмо священника Григория Петрова митрополиту Антонию. СПб.: Правда, 1908. 16 с.
8. *Свенцицкий В. П.* Письма ко всем. Обращения к народу 1905–1908: Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М.: ТД «Белый город», 2008. 477 с.

Литература

9. *Балакшина Ю. В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 421 с.

ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

Священник Павел Кадосов

Протоиерей Игнатий Васильев (1706–1769) как один из наиболее значительных представителей петербургского духовенства середины XVIII века

УДК 271.2-726.25-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_76
EDN QGCUIK

Аннотация: Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на III Научно-практической конференции «Империя и Церковь», проходившей 14–15 апреля 2022 г. в Санкт-Петербургской духовной академии. В статье дается обзор жизни и деятельности протоиерея Игнатия Васильева (1706–1769), старшего священника Сергиевской церкви в Артиллерийских слободах (впоследствии Сергиевского всей артиллерии собора), который играл значительную роль в жизни Санкт-Петербургской епархии середины XVIII в. Под его руководством было построено новое каменное здание Сергиевской церкви, ставшее для своей эпохи одним из самых значительных храмовых сооружений Петербурга. На протяжении многих лет отец Игнатий был благочинным, а затем членом Санкт-Петербургской духовной консистории, в сферу деятельности которого входила борьба со старообрядческим расколом, в частности, увещевание раскольников. При этом его личность остается малоизвестной, а биография недостаточно изученной. На основании материалов архивных фондов ЦГИА СПб и РГИА прослеживается жизненный путь пастыря, уточняется ряд неизвестных ранее деталей его биографии.

Ключевые слова: протоиерей Игнатий Васильев, священник Григорий Михайлов, священник Евтихий Ильин Полунин, пономарь Василий Аникеев, Сергиевский всей артиллерии собор, Артиллерийская слобода, Литейная часть, Пороховые, Охтинский пороховой завод, храм Святого пророка Божия Илии на Пороховых.

Об авторе: **Священник Павел Викторович Кадосов**
Магистр богословия, магистр педагогики, клирик храма Рождества Христова на ул. Коллонтай в Санкт-Петербурге.
E-mail: pavel-kadosov@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9633-4800

Для цитирования: Кадосов П. В., свящ. Протоиерей Игнатий Васильев (1706–1769) как один из наиболее значительных представителей петербургского духовенства середины XVIII века // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 76–90.

* Фотографии предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Priest Pavel Kadosov

Archpriest Ignatius Vasiliev (1706–1769) as One of the Most Significant Representatives St. Petersburg Clergy of the Mid-18th Century

UDC 271.2-726.25-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_76
EDN QGCUIK

Abstract: This article is an expanded version of a presentation given at the III Scientific-Practical Conference "Empire and Church", held on April 14-15, 2022, at the St. Petersburg Theological Academy. The article provides an overview of the life and activities of Archpriest Ignatius Vasiliev (1706–1769), the senior priest of the Sergievskaya Church in Artillery Sloboda (later the Sergievskaya Cathedral of the entire artillery), who played a significant role in the life of the St. Petersburg diocese in the mid-18th century. Under his leadership, a new stone building of the Sergievskaya Church was erected, becoming one of the most significant temple structures in Petersburg for its time. For many years, Father Ignatius served as a dean and later as a member of the St. Petersburg Ecclesiastical Consistory, where his activities included combating the Old Believer schism, particularly persuading schismatics. Despite this, his personality remains little-known, and his biography insufficiently studied. Based on materials from the archival funds of the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the Russian State Historical Archive, the pastor's life path is traced, and several previously unknown details of his biography are clarified.

Keywords: Archpriest Ignatius Vasiliev, Priest Grigory Mikhailov, Priest Euthymius Ilyin Polunin, Hieromonk Vasily Anikeev, Sergievskaya Cathedral of the entire artillery, Artillery Sloboda, Foundry Section, Powder Stores, Okhtinsky Powder Plant, Church of the Holy Prophet Elijah on Powder Street.

About the author: **Priest Pavel Viktorovich Kadosov**
Master of Theology, Master of Pedagogy, cleric of the Church of the Nativity of Christ on Kolontai Street in St. Petersburg.
E-mail: pavel-kadosov@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9633-4800

For citation: Kadosov P. V., Priest. Archpriest Ignatius Vasiliev (1706–1769) as One of the Most Significant Representatives St. Petersburg Clergy of the Mid-18th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 76–90.

* Photos provided by the author.

Имя выдающегося петербургского священника середины XVIII в. протоиерея Игнатия Васильева оказалось предано забвению еще в царское время. Дело в том, что главный и видимый результат его трудов — каменное здание Сергиевской Артиллерийской церкви — в конце XVIII в. было полностью перестроено по проекту архитектора Ф. И. Демерцова. Новый храм, в 1803 г. получивший статус собора, также не сохранился, — он был уничтожен в советское время[1]. В итоге Сергиевский собор разделил участь многих других утраченных памятников, — в наше время его история привлекает меньшее внимание и менее изучена, чем история уцелевших храмов.

Единственным известным на сегодняшний день опубликованным источником, содержащим сведения об отце Игнатии, является 6-й выпуск «Историко-статистических сведений о Санкт-Петербургской епархии», изданный в 1878 г.[2] Значительная часть данного выпуска посвящена описанию и истории Сергиевского всей артиллерии собора. Там приводится довольно подробная биография протоиерея Игнатия Васильева, причем авторы называют его выдающейся личностью, «усердным строителем первого каменного Сергиевского храма и… просвещенным писателем в обличение русского раскола»[3].

Протоиерей Игнатий на протяжении тридцати лет (1739–1769) возглавлял приход Сергиевской церкви, десять лет был благочинным и четырнадцать лет состоял в Петербургской духовной консистории. По собственным словам, он не только «многократно трудился в увещании и обращении раскольников», но и «в православную веру привел многое число лютеран и магометан»[4].

«Историко-статистические сведения» содержат немало неточностей и ошибок, но биография «протопопа Васильева» производит впечатление достоверной, — она обильно снабжена цитатами из документов, содержит много конкретных деталей. Подробное и обстоятельное изложение материала свидетельствует о серьезном изучении предмета авторами.

Несмотря на это, жизнеописание отца Игнатия, которое приводится в «Сведениях», все же имеет неточности и является не совсем полным. В частности, авторы выражают сожаление, что ничего неизвестно о жизни будущего протоиерея до его назначения в Сергиевскую церковь[5]. В настоящее время этот пробел частично восполнен на основании архивных материалов. Также были установлены некоторые факты из жизни отца Игнатия, которые не упоминаются в «Историко-статистических сведениях». В связи с этим представляется возможным заново изложить биографию выдающегося церковного деятеля.

Время рождения будущего пастыря[6] можно установить довольно точно, что необычно для человека, жившего в XVIII в. В документах той эпохи можно найти указания на возраст того или иного лица (часто очень приблизительные), но не дату рождения. Если человек появился на свет ранее 1722 г., когда были введены метрические книги, установить число и месяц его рождения не представляется возможным (исключение составляют лица, занимавшие высокое общественное положение). Зачастую люди незнатного происхождения и сами точно не знали, когда родились. Но в XIX в. еще была цела могильная плита протоиерея Игнатия Васильева, на которой значилось, что он преставился 17 ноября 1769 г., имея от роду 62 года, 10 месяцев и 28 дней[7]. Такая конкретика указывает на то, что составители надгробной надписи

---

[1] *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга: христианская историко-церковная энциклопедия. СПб.: Лики России, 2003. С. 62–63.

[2] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. I. С. 43–44. Разд. II. С. 4–11, 24–25, 29–30, 35–41.

[3] Там же. Разд. II. С. 35.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Приводимые в статье даты указаны по старому стилю, в соответствии с источниками.

[7] Там же. Разд. II. С. 38.

имели достоверные сведения о времени рождения усопшего. Можно заключить, что герой данной статьи родился в конце декабря 1706 г.

Установить место его появления на свет сложнее.

Как теперь выяснено, молодость Игнатия Васильева прошла на Пороховых близ Санкт-Петербурга, где его отец, Василий Аникеев, в 1724–1742 гг. служил пономарем в церкви Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах[8]. Сохранившиеся архивные дела позволяют довольно полно воссоздать биографию этого церковнослужителя и дают возможность делать предположения о месте рождения и детских годах его сына.

Будущий петербургский пастырь был «родом москвитянин»[9] (т. е. происходил из Московских краев, а не обязательно из самой Москвы). Его дед, «Аникей сын Стефанов» во второй половине XVII в. служил пономарем в церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Покровского в Рузском уезде. Название села является распространенным, но указание архивного дела, что оно было вотчиной «Иосифова монастыря» (т. е. Иосифо-Волоколамской Успенской обители), позволяет понять, что речь идет о населенном пункте, который сейчас относится к Волоколамскому району Московской области. Именно там родился Василий Аникеев, отец героя данной статьи. Лишившись родителей в юном возрасте, Василий оказался в Москве «у свойственника своего», который проживал в приходе Троицкой церкви в Вешняках. В этой церкви Василий Аникеев, «по возрасте и по научении грамоте», «отправлял пономарскую должность лет с десять». При этом официального назначения он не имел, был вынужден «от оного состояния своего отойти» и «кормился торговым промыслом». Очевидно, «отход» связан с разборами «лишнего» духовенства при Петре I. Ко времени своего назначения в 1724 г. в Ильинский храм Василий Аникеев уже «лет с шесть» как приехал в Петербург[10]. В 1730 г. его сын утверждал, что живет в столице «лет с десять»[11]. Стало быть, пономарь Василий оставил свое служение в Москве не позднее 1718–1720 гг. Это указывает, что Игнатий Васильев родился в Москве. С другой стороны, между прекращением церковного служения в Москве и приездом в Петербург могло пройти много лет. Если Василий Аникеев оставил службу в Троицком храме ранее 1706 г., место рождения его сына не подлежит установлению. К сожалению, противоречивые указания документов на возраст пономаря Василия не позволяют четко датировать его биографию. Наиболее вероятным представляется предположение, что местом рождения героя статьи все же была Москва — вряд ли скитания безместного, но семейного пономаря продолжались на протяжении десятилетий.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что в начале 1720-х гг. Игнатий Васильев уже проживал вместе с родителями в Петербурге или его окрестностях, а как минимум с 1724 г. обретался на Пороховых. Юность будущего пастыря протекала в условиях крайней бедности. Известно, что до назначения пономарем в Ильинский храм его отец, не имея работы, просил на паперти этого храма милостыню[12]. Много лет спустя, заняв высокое положение среди столичного духовенства, отец Игнатий

---

[8] Об определении маркитанта Василия Аникиева в Ильинскую церковь при Охтинских пороховых заводах пономарем // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 463; Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1742 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 13. Л. 352 об. Кадр 347.

[9] О производстве сына пономаря Ильинской церкви Василия Аникеева Игнатия в дьяконы и определении его в новую Сергиевскую церковь в Пушкарской слободе // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 827. Л. 2.

[10] Об определении маркитанта Василия Аникиева в Ильинскую церковь при Охтинских пороховых заводах пономарем // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 463. Л. 3.

[11] О производстве сына пономаря Ильинской церкви Василия Аникеева Игнатия в дьяконы и определении его в новую Сергиевскую церковь в Пушкарской слободе // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 827. Л. 2.

[12] Об определении маркитанта Василия Аникиева в Ильинскую церковь при Охтинских пороховых заводах пономарем // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 463. Л. 3.

компенсировал лишения молодости, окружив себя богатством и комфортом (о чем будет рассказано ниже).

Согласно источнику, вплоть до назначения в Сергиевскую церковь в 1731 г. «жил он, Игнатий, при отце своем» на Пороховых[13]. Непонятно, каким образом он смог при этом приобрести богословские знания, которые ему с такой уверенностью приписывают авторы «Историко-статистических сведений». Конечно, ввиду специфики Охтинского порохового завода, его сотрудники были для своей эпохи неплохо образованы. Но профессиональные познания и общая грамотность пороховчан никак не объясняет возможность получения в их краях духовного образования.

Указание документа, что Игнатий Васильев вплоть до диаконского рукоположения находился при отце, исключает возможность его обучения в одной из петербургских семинарий (до 1736 г. их было две — при Александро-Невском монастыре и в доме архиепископа Феофана (Прокоповича) на Карповке). Судя по всему, герой статьи был талантливым самородком, который приобрел знания через самообразование.

Около 1729 г. Игнатий Васильев вступил в брак — в документе, составленном в январе 1731 г. указано, что женат он «другой год»[14]. Установить точную дату невозможно, так как метрические книги петербургских храмов за 1726–1734 гг. не сохранились. Скорее всего, венчание состоялось в Ильинской церкви на Пороховых, где проживал жених (Сергиевская Артиллерийская церковь тогда еще не была достроена). Избранницу героя статьи звали Евдокия Ильина (т. е. Ильинична). Ее происхождение в источниках не указано, но по косвенным признакам с большой долей вероятности можно предположить, что Евдокия была двоюродной сестрой пороховского священника Григория Михайлова и родной сестрой его преемника, Евтихия Ильича Полунина. Так, она явилась восприемницей почти всех детей отца Евтихия, чьи имена установлены[15], а в описываемую эпоху кумовья чаще всего были ближайшими родственниками. Евтихий Ильич начинал свое служение в Сергиевской церкви, вместе с Игнатием Васильевым[16], что также представляется неслучайным. Отец Евтихия, умерший в 1727 г. иерей Илья Афанасьев, служивший в часовне «при Артиллерийском полку»[17], которая была предшественницей Сергиевского храма, приходился родным дядей пороховскому священнику Григорию Михайлову[18]. Если Евдокия была дочерью отца Ильи, становится понятным, каким образом могло состояться ее знакомство с Игнатием Васильевым, сыном пороховского пономаря. Еще одним косвенным подтверждением ее родства со священнической династией Охтинского порохового завода служит то, что и сама Евдокия Ильина, и некоторые ее дети были похоронены на Пороховых, рядом с Ильинским храмом[19], несмотря на то, что давно

[13] О производстве сына пономаря Ильинской церкви Василия Аникеева Игнатия в дьяконы и определении его в новую Сергиевскую церковь в Пушкарской слободе // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 827. Л. 2.

[14] Там же.

[15] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1736 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 3. Л. 233. Кадр 236; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1738 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 6. Л. 286 об. Кадр 291; Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1742 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 13. Л. 350 об. Кадр 346; Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1745 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 19. Л. 324 об. Кадр 330; Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 21. Л. 335. Кадр 340.

[16] Об определении сына священника Евтихия Ильина в Сергиевскую церковь при Артиллерийской слободе пономарем // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1–2, 12–12 об.

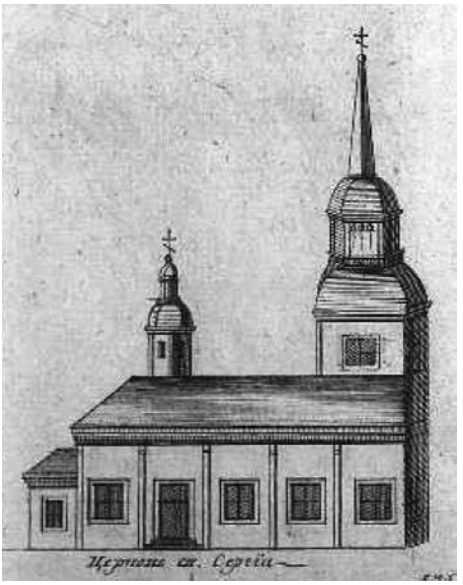
[17] Там же. Л. 2.

[18] Об определении священников к пороховым заводам, в Абовский гренадерский полк, в Казанскую церковь Тосненского Яма и в артиллерийский полк // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 151. Л. 23–24.

[19] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1736 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 3. Л. 251. Кадр 254; Метрическая книга церкви прп. Сергия

уже принадлежали к приходу Сергиевской церкви, прихожан которой чаще хоронили на кладбище Ямской слободы (хотя Сергиевский и Ильинский приходы в XVIII в. веке были тесно связаны и подобные случаи не были редкостью). Данные перипетии показывают, как происходило замыкание духовного сословия и формировались сложные родственные отношения между клириками молодого Петербурга.

Женитьба открыла Игнатию Васильеву путь к рукоположению. В конце 1730 г. он был выдвинут в качестве кандидата в диаконы для новой церкви прп. Сергия Радонежского в Пушкарской (впоследствии Артиллерийской) слободе[20]. Конечно, его кандидатура не была случайной. Помимо описанных выше родственных отношений, Пороховые были связаны с Пушкарской слободой и более прочными нитями. Несмотря на то, что институт военных пастырей и тем более управляющие им учреждения еще не существовали официально, процесс разделения духовенства на военное и епархиальное уже начался. Сергиевская церковь, как приходской храм для служилых артиллеристов, и Ильинская при пороховом заводе находились в ведении Канцелярии Главной артиллерии и фортификации. Хотя их причт подчинялся местному священноначалию, отчет «по церковному хозяйству» он давал военной администрации, от которой получал и жалованье. Показательно, что к «определению в диаконы» Игнатий Васильев был представлен не причтом и прихожанами, как было принято в его эпоху, а Канцелярией Главной артиллерии[21]. С 1741 г. (а фактически — и раньше) Сергиевская и Ильинская церкви относились к Третьему благочинническому округу столицы, который охватывал территорию по обе стороны Невы — район будущей Литейной части и Охту[22].



Церковь прп. Сергия Радонежского в Артиллерийских слободах. *Богданов А. И., Рубан В. Г.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. Раздел иллюстраций. Л. LXIII.

В 1730-е гг. диакону не полагался оклад от военного начальства, и «жалованье ему, Игнатию, приходские люди обещали учинить». В свою очередь, кандидат должен был заверить, «что они ему учинят, то он тем доволен будет». Также было проверено, что Игнатий Васильев «в солдатах, в матросах и в рекрутах» записан не был, а также знает «десятословие Божиих заповедей». После исповеди у «крестового иеромонаха Саввы» герой статьи был признан достойным диаконства[23].

Радонежского при Артиллерийских слободах за 1742 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 12. Л. 324. Кадр 327; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1761 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 50. Л. 309 об. Кадр 317.

[20] О производстве сына пономаря Ильинской церкви Василия Аникеева Игнатия в дьяконы и определении его в новую Сергиевскую церковь в Пушкарской слободе // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 827. Л. 1–1 об.

[21] Там же.

[22] О назначении благочинных священников для наблюдения за поведением священнослужителей, исполнением ими своих обязанностей // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2142. Л. 1 об.

[23] О производстве сына пономаря Ильинской церкви Василия Аникеева Игнатия в дьяконы и определении его в новую Сергиевскую церковь в Пушкарской слободе // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 827. Л. 3 об.

Рукоположение отца Игнатия состоялось 24 января 1731 г. Его совершил епископ Псковский и Нарвский Рафаил (Заборовский), будущий Киевский митрополит[24]. Хиротония петербургского клирика иногородним архиереем была обычным явлением в описываемую эпоху — вплоть до 1742 г. Северная столица не имела собственной кафедры и входила в состав т. н. Синодальной области, напрямую подчиненной Святейшему Синоду.

Диаконом отец Игнатий служил следующие восемь лет. Этот факт подтверждается архивными источниками и выявляет одну из неточностей «Историко-статистических сведений», которые утверждают, что он начал свое служение в Сергиевской церкви в 1731 г. сразу иереем[25]. Большую часть 1730-х гг. единственным сергиевским священником был отец Даниил Яковлев. Только когда в 1738 г. он сделался совсем немощным, было решено рукоположить ему в помощь диакона Игнатия. «Показав знания» и пройдя исповедь, отец Игнатий был хиротонисан в иереи «в Никольской церкви на Санкт-Петербургском острову» епископом Вологодским Амвросием (Юшкевичем) 23 декабря 1738 г., после чего его направили в Троицкий собор для «апробации в священнослужении»[26] (т. е., говоря современным языком, ставленнической практики). Т. о., процедура возведения в священный сан в XVIII в. во многом соответствовала современной и состояла из ставленнического экзамена, ставленнической исповеди, собственно рукоположения и богослужебной практики.

С начала 1739 г. отец Игнатий нес священническое служение в Сергиевской церкви, а в августе того же года, после смерти священника Даниила[27], возглавил приход. «Историко-статистические сведения» с тех пор называют его настоятелем, но в действительности этот термин в XVIII в. практически не применялся к приходскому духовенству, и ни в одном изученном документе отец Игнатий так не именуется. Правильнее будет назвать его старшим священником. При этом «Историко-статистические сведения» совершенно справедливо связывают повышение героя статьи по службе с началом его «многоплодной и разнообразной деятельности на благо св. православной Церкви»[28].

Эта деятельность в «сведениях» подробно и, судя по всему, верно описана (в отличие от личных сведений о священнике), что подтверждается сохранившимися архивными документами и большим количеством конкретных деталей. Можно выделить три направления деятельности отца Игнатия: труды по благоустройству своего прихода, исполнение епархиальных послушаний и, наконец, миссионерская деятельность по просвещению раскольников и инославных.

В первой области его заслуги являются несомненными и выдающимися. Практически без помощи гражданских и церковных властей священник Игнатий организовал постройку каменного Сергиевского храма, ставшего достойным предшественником собора, спроектированного Ф. И. Демерцовым.

Первая деревянная церковь прп. Сергия полностью сгорела еще в 1737 г., после чего на том же месте наспех построили новую, тоже деревянную, которая была маловместительной и не имела подобающих храму архитектурных украшений. В 1743 г. Святейший Синод разрешил Канцелярии Главной артиллерии и фортификации начать возведение каменного храма. При этом средства на строительство выделены не были, их изыскание было возложено на отца Игнатия. Он блестяще справился с задачей, ежедневно обходя «палаты знатных вельмож и… хижины бедных пушкарей

[24] Там же.

[25] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 35.

[26] О производстве дьякона Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатия Васильева в священники // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1860. Л. 1, 12–14 об.

[27] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1739 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 8. Л. 274. Кадр 278.

[28] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 35.

с просьбою доброхотных, посильных пожертвований на построение храма». Меньше чем за месяц было собрано 2.300 рублей, к концу 1744 г. объем пожертвований составил 12.000 рублей, а всего на постройку церкви и ее убранство было потрачено порядка 17.000 рублей. На собранные таким образом пожертвования, а также с помощью средств артиллерийского управления, к 1746 г. был воздвигнут каменный храм, который «после Александро-Невского монастыря и кафедрального Петропавловского собора был едва ли не самым лучшим во всем Петербурге»[29]. Представление о внешнем облике Сергиевского собора в XVIII в. можно составить по рисунку в справочнике А. И. Богданова и В. Г. Рубана, а также по некоторым старинным гравюрам, на которых храм виден частично.

Автором проекта каменного храма, как и его деревянного предшественника, был архитектор И. Я. Шумахер[30], служивший в то время в Канцелярии Главной артиллерии и фортификации. Он же незадолго перед тем перестраивал и храм Св. пророка Илии на Пороховых[31], что является еще одним свидетельством тесной связи Пороховского и Артиллерийского приходов.

Участие отца Игнатия в строительстве храма не ограничивалось сбором средств. Он контролировал работы, активно участвовал в организации подрядов, поиске и привлечении талантливых мастеров. Зимой 1745–1746 гг. герой статьи совершил поездку в Москву, где были «наряжены иконописцы» для написания иконостаса. Оттуда же им были привезены новые облачения, церковная утварь и книги[32]. Это обстоятельство показывает, что церковное производство в Петербурге в то время было развито слабо.

24 сентября 1746 г. состоялось торжественное освящение храма, которое возглавил архиепископ Петербургский и Шлиссельбургский Феодосий (Янковский). На богослужении присутствовали императрица Елизавета Петровна и высшие чины артиллерии. Архиерею и его свите отец Игнатий сделал «презент», который обошелся ему в 28 рублей «из церковных сумм». Эта информация осталась в истории благодаря случайно сохранившемуся клочку бумаги, на котором отец Игнатий, очевидно, сделал пометку для себя[33].

Благоустройство храма продолжалось и в последующие годы. В 1762–1763 гг. в дополнение к существующему теплому приделу в честь свт. Николая Чудотворца, который стал тесным и неудобным, был устроен новый, посвященный Св. Архангелу Михаилу. Причем отцу Игнатию, тогда уже протоиерею, удалось осуществить этот проект, несмотря на первоначальные возражения Святейшего Синода[34]. В 1767 г., уже на закате дней, неутомимый пастырь вновь посетил Москву «для покупки церковных вещей»[35].

Хотя воздвигнутый тщанием священника Игнатия Васильева Сергиевский храм в конце XVIII в., ввиду увеличения числа прихожан и изменения городского облика, и был перестроен по проекту Ф. И. Демерцова, его архитектура во многом соответствовала старому храму[36]. Заслуга отца Игнатия в деле процветания Сергиевского прихода несомненна. Если бы Сергиевский всей Артиллерии собор не был уничтожен в советское время, можно предполагать, что имя героя статьи было бы более известным в петербургском краеведении.

---

[29] Там же. Разд. II. С. 3–10.

[30] Там же. Разд. II. С. 6.

[31] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 217.

[32] О разрешении священнику Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатию Васильеву на поездку в Москву для доставки иконостаса, церковной утвари и книг для строящегося каменного церковного здания // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2801. Л. 1–2.

[33] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 10.

[34] Там же. Разд. II. С. 10–11.

[35] О разрешении на поездку в Москву протопопу Сергиевской церкви Игнатию Васильеву // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 6889. Л. 1–2.

[36] *Мурашова Н. В.* Федор Демерцов. СПб.: Белое и Черное, 2002. С. 71.

Что касается епархиальной деятельности отца Игнатия, то она, если исключить ее миссионерскую составляющую, не была ознаменована ничем особо выдающимся. Занимая высокое положение среди столичного духовенства, герой статьи выполнял представительские функции и занимался рутинной административной работой, что, конечно, не могло оставить заметного следа в церковной истории. В 1741 г. указом Святейшего Синода было юридически оформлено давно намечавшееся разделение Петербургского церковного округа на благочиния. Священник Игнатий Васильев, согласно этому указу, был назначен благочинным церквей, расположенных в Литейной части и на Охте. Его должностные обязанности были весьма ограничены — благочинным предписывалось наблюдать за поведением священно- и церковнослужителей, чтобы те не пьянствовали, а также не дрались и не ссорились во время службы[37] (существенное расширение полномочий благочинных произошло позднее). Священник Игнатий «был в смотрении над священнослужителями благочиния» почти десять лет. В 1750 г. он был уволен от этой должности в связи с болезнью, но тут же назначен заседателем Петербургской духовной консистории как «честный и совестью и честностью свидетельствованный муж»[38]. Думается, назначение отца Игнатия объяснялось не только его высокими нравственными качествами, но и выдающимися организаторскими способностями, проявленными при возведении Сергиевского собора. Подпись героя статьи можно встретить на многих консисторских документах описываемой эпохи. Помимо указанных послушаний, в 1740-е гг. пастырь непродолжительное время «исполнял службу при двух батальонах и лазаретах Преображенского и Конного полков». Несомненной заслугой отца Игнатия являлось безвозмездное преподавание Закона Божия «в различных артиллерийских командах»[39].

Особняком стоит деятельность протоиерея Игнатия в области увещевания раскольников и просвещения инославных. Сохранившиеся документы позволяют заключить, что эта деятельность не являлась миссионерством, а лежала, скорее, в области судопроизводства. К данной области отец Игнатий имел самое непосредственное отношение, не только проводя церковные следственные дела по поручению Синода, но и участвуя «как депутат с духовной стороны» в светских судах. В 1745 г. он разбирал дело своей прихожанки Прасковьи Ергольской, обвиняемой в колдовстве; в 1750 г. расследовал случай с кровосмешением и прелюбодеянием. Участие протоиерея в подобных делах чаще всего заключалось в допросах им обвиняемых «под страхом неумытного суда Божия и ее императорского величества жесточайшего гнева за лживое показание»[40]. Подобным образом проходило и общение отца Игнатия с раскольниками. Так, в 1751 г. он на протяжении семи дней проводил увещание казака Сидора Казанцева, который «держал веру православную», но крестился двумя перстами и приехал в Петербург, чтобы сообщить императрице Елизавете Петровне о некоем знамении, будто бы имевшем место в городе Селябинске, когда священникам и прихожанам явилась в небе «благословляющая двуперстным креста сложением рука». В результате общения со священником Игнатием Васильевым Казанцев «оказал склонность» отказаться от двуперстия и был исповедан, «но приобщение его Св. Тайнами было отложено до усмотрения непременного его в православии утверждения». Данная история не позволяет сделать вывод о полемических способностях и богословских знаниях отца Игнатия, т. к. со своим оппонентом он находился в слишком

[37] О назначении благочинных священников для наблюдения за поведением священнослужителей, исполнением ими своих обязанностей // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2142. Л. 1–1 об.

[38] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. I. С. 43–44. Разд. II. С. 35; Об увольнении священника Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатия Васильева по болезни и определении его к делам консистории // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3543. Л. 1–3.

[39] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 36.

[40] Там же. Разд. II. С. 39–41.

неравных условиях — Казанцев находился под следствием в Тайной канцелярии и содержался в колодках[41].

В следующем году герой статьи увещевал еще трех колодников-старообрядцев, двое из которых учинили кощунство на литургии в Саратовской соборной церкви, напав во время Великого входа на священника и диакона, переносивших Святые Дары, и сбив на пол дискос с Агнцем и частицами. Виновные подверглись строгому разбирательству, в ходе которого и состоялось упомянутое выше увещание. «На... увещании один из них... признал себя виновным и, прося отпущения своего греха, выразил желание быть истинным послушником православной церкви». На вторичном увещании подсудимый подтвердил это намерение, но в конечном итоге «объявил, что отрекаться от раскола и двуперстного крестного знамения он не будет». Двое других обвиняемых остались непреклонными. В итоге всех троих заточили в разные монастыри[42].

Из этих эпизодов видно, что борьбой с расколом священник Игнатий занимался не как просветитель, но как чиновник консистории, в порядке своих должностных обязанностей. Впрочем, недостаток источников не позволяет считать такой вывод однозначным. В пастырской практике героя статьи бывали и другие эпизоды, связанные с обращением в православие разных лиц. В 1744 г. он засвидетельствовал добровольное отречение от униатства гусара Степана Мигеши, который в 1740 г. приехал из Венгрии и поступил на русскую службу, «содержа с тех пор веру православно-кафолическую, хотя отрицания от униатской веры... не имел»[43]. Посвященные этому делу документы называют священника Игнатия Васильева духовным отцом Степана Мигеши.

В XIX в. в библиотеке Сергиевского собора хранилась рукописная книга, по-видимому написанная отцом Игнатием, «почти в 500 огромного формата листов, сочинение против раскола без определенного названия с приложением 101-го правила» Московского собора 1666–1667 гг. Книга содержала многочисленные остроумные доводы против раскольников, основанные не только на Библии и святоотеческих писаниях, но и на собственных сочинениях старообрядцев. Многочисленные поправки и черновые листы, написанные рукой священника Игнатия, свидетельствуют в пользу его авторства[44].

Разнообразные труды героя статьи были отмечены наградами, как со стороны церковного, так и со стороны военного начальства. В 1751 г. указом Канцелярии Главной артиллерии и фортификации ему было дозволено «сделать рясу с полукафтаном... дабы не постыдна оная была к носке и во время Высочайшего Ея императорского величества присутствия». В 1759 г. священник Игнатий был возведен в сан протоиерея «по вниманию епархиального начальства к пастырским трудам... и в уважение ходатайства знатных особ Сергиевской церкви»[45].

В 1764 г. протоиерей Васильев обратился к архиепископу Санкт-Петербургскому Гавриилу (Кременецкому) с прошением об увольнении его от «консисторского присутствия». Герой статьи сообщал, что, исполняя различные послушания, «понес немало ущерба доходам и здравию», «пришел в изнеможение», страдает болезнью ног и исполняет пасторские обязанности «с нуждою». Последовала положительная резолюция, и отец Игнатий был освобожден от всех дополнительных трудов, кроме

---

[41] По доношению Канцелярии Тайных Розыскных Дел с препровождением колодника Сидора Казанцева и выписки из его показаний о бывшем в городе Селябинске и в прочих тамошних местах на небеси знамении и о прочем // РГИА. Ф. 796. Оп. 32. Д. 24.

[42] По доношению Иллариона, епископа Астраханского, об учиненном в Саратовской соборной церкви некими двумя человеками ругательств // РГИА. Ф. 796. Оп. 33. Д. 47.

[43] По донесению военной коллегии, о желании гусара Венгерского гусарского полка Степана Мигеши принять монашество в Соловецком монастыре // РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 507.

[44] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 24–25.

[45] Там же. Разд. II. С. 36–37.

Молтон, Томас. Вид Литейного проспекта и Сергиевской церкви. 1790 г.
Собрание Государственного Эрмитажа. Изображение из открытых источников.

присутствия на молебнах в «высокоторжественные дни»[46]. Приходское служение он продолжал до самой смерти. В августе 1769 г. «протопоп Игнатий» еще исполнял требы, а осенью, очевидно, его болезни усилились и 17 ноября он скончался. Перед смертью герой статьи исповедался и принял Причастие «от священника церкви Владимирской Богородицы что при Придворных слободах». Похоронен деятельный пастырь был «при церкви Сергия Чудотворца»[47]. «Историко-статистические сведения» уточняют, что его смерть наступила «по полудни в девять часов», а могила находилась у южных церковных дверей. Очевидно, надгробная плита была утеряна при перестройке храма в конце XVIII в. В 1871 г., во время перепланировки церковного двора, ее обнаружили[48], а окончательно утратили, вероятно, при разрушении Сергиевского собора в 1930-е гг.

Такова внешняя канва биографии примечательного петербургского пастыря. Перечисленные выше факты дают представление о его энергичной и деятельной натуре. Относительно его личных качеств также следует отметить «горячий темперамент» и «неуступчивость», которые проявились во время нескольких конфликтов в духовной консистории[49].

Некоторые обстоятельства личной жизни протоиерея Игнатия Васильева также удалось установить. Несмотря на важное положение в Санкт-Петербургской епархии, доходы его не были особенно значительными. С 1747 г. он получал 82 рубля 20 копеек в год от Канцелярии главной артиллерии и фортификации за службу в Сергиевской церкви. В 1756 г. «во уважение его особых заслуг» жалованье ему было увеличено до 120 рублей в год, но в 1763 г. артиллерийское ведомство ввело новые штаты, в соответствии с которыми священнический оклад был понижен до 60 рублей[50]. После этого отец Игнатий обратился с жалобой к императрице Екатерине II, но результат ее

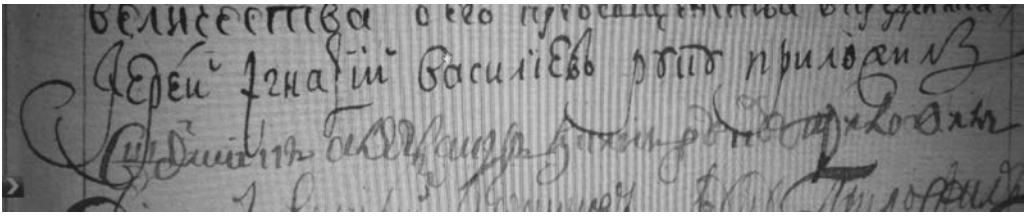
[46] Об освобождении протопопа Сергиевской церкви в Артиллерийских слободах Игнатия Васильева от необходимости присутствовать в консистории // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5739. Л. 1–1 об.

[47] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1769 г. // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22. Л. 147 об. Кадр 158.

[48] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 38.

[49] Там же. Разд. I. С. 44. Разд. II. С. 37.

[50] Там же. Разд. II. С. 28–30.



Автограф священника Игнатия Васильева (1753 г.).
Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1753 г.
ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д 34. Л. 334.

неизвестен. С одной стороны, даже такое жалованье существенно превышало доходы подавляющего большинства петербургских священников. С другой стороны, привилегированное духовенство в те времена получало порядка 200–500 рублей в год[51]. Вознаграждение за службу в консистории отцу Игнатию выплачивалось нерегулярно. В 1753 г. он получил от Артиллерийской канцелярии 80 рублей «поповских» и 130 рублей «консисторских» от Синода, за участие в судебной работе[52]. Но на протяжении восьми лет герою статью пришлось трудиться в консистории «без жалованья на своем коште» и в течение 13 лет «давать деньги свои» за перевоз через Неву, т. к. консистория в то время находилась на Петербургской стороне[53].

С 1740 г. в личной собственности отца Игнатия находился деревянный дом, расположенный на 2-й Артиллерийской линии Литейной части. Часть дома священник «отдавал внаймы» за 30 рублей в год[54]. Наличие собственного дома было редкостью для духовенства синодальной эпохи. Семья священника имела прислугу, число которой увеличивалось с годами[55]. Впрочем, в XVIII в. наличие «домашних служителей» было характерно для духовенства.

Составители «Историко-статистических сведений» указывают, что к 1760 г. протопоп Игнатий был вдов и проживал в своем доме с многочисленной прислугой и дочерью Параскевой (Прасковьей), которой в 1763 г. было 14 лет. Источником этих «мелочных сведений из жизни замечательного русского пастыря» названо некое «черновое объявление, поданное отцом Игнатием Литейной части в Съезжий двор»[56]. К счастью, сохранились авторитетные документальные свидетельства, которые позволяют более точно воссоздать «мелочные сведения» из повседневной жизни героя статьи. Так, согласно метрическим книгам Сергиевского собора, жена отца Игнатия, Евдокия Ильинична, умерла в марте 1761 г.[57], а дочь Прасковья родилась 1 ноября 1746 г.[58] и в 1763 г. ей исполнилось 17 лет. Впрочем, к тому времени она уже жила

[51] *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 1992. С. 13–14.

[52] По доношению преосвященного Сильвестра архиепископа С.-Петербургского об отпуске 1000 рублей на жалованье судящим, секретарю и прочим служителем С.-Петербургской Консистории // РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 525.

[53] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 36.

[54] Там же. Разд. II. С. 38.

[55] Исповедные ведомости по г. Петербургу (1741 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 37. Л. 413; Исповедные списки епархиального ведомства (1757–1759 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 103, 187; Исповедные списки епархиального ведомства (1761–1765 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

[56] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. Разд. II. С. 38.

[57] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1761 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 50. Л. 309 об. Кадр 317.

[58] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 20. Л. 370. Кадр 372.

отдельно от отца — еще в 1761 г. Прасковья Игнатьевна вышла замуж за чиновника Правительствующего Сената Николая Федоровича Вележева[59].

Кроме Прасковьи, известны и другие дети отца Игнатия и матушки Евдокии — Григорий (1735), Игнатий (1739), Анна 1-я (1742), Евдокия (1744), Николай (1745) и Анна 2-я (1749)[60]. Григорий и Анна 1-я умерли в младенчестве, в 1736 и 1742 гг. соответственно[61]. Судя по всему, большинство их братьев и сестер также не дожили до взрослых лет, т. к. в исповедных ведомостях Сергиевского храма второй половины 1750-х гг. они не упоминаются[62].

Герой статьи поддерживал тесные отношения со многими своими родственниками. В 1740-е гг. с семьей отца Игнатия жила его племянница (очевидно, по материнской линии) Наталья, дочь Николая Иванова, дьячка Ямской церкви[63], а в середине 1730-х гг. он ездил в Москву, чтобы устроить судьбу своей осиротевшей двоюродной сестры, дочери купца Вавилы Аникеева[64].

На основании изложенных выше сведений можно сделать вывод, что протоиерей Игнатий Васильев играл довольно важную роль в жизни Петербургской епархии в эпоху ее формирования. Вместе с тем архивные данные, которые имеются в распоряжении современных исследователей, не дают возможности сделать однозначное заключение о значимости его деятельности на ниве борьбы с расколом.

Источники и литература

Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)
Ф. 796. Канцелярия Синода

1. По донесению военной коллегии, о желании гусара Венгерского гусарского полка Степана Мигеши принять монашество в Соловецком монастыре (1743–1744 гг.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 507.

2. По доношению Иллариона, епископа Астраханского, об учиненном в Саратовской соборной церкви некими двумя человеками ругательств (1752–1753 гг.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 33. Д. 47.

[59] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1761 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 50. Л. 303. Кадр 310.

[60] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1735 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 1. Л. 330. Кадр 333; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1739 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 8. Л. 242. Кадр 246; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1742 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 12. Л. 303. Кадр 305; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1744 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 16. Л. 282. Кадр 288; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1745 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 18. Л. 386 об.–387. Кадр 394; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1749 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 26. Л. 343 об. Кадр 350.

[61] Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1736 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 3. Л. 251. Кадр 254; Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1742 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 12. Л. 324. Кадр 327.

[62] Исповедные списки епархиального ведомства (1757–1759 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 103, 187.

[63] Исповедные списки епархиального ведомства (1745–1747 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 102.

[64] О разрешении на поездку в Москву дьякону Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатию Васильеву // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1339. Л. 1.

3. По доношению Канцелярии Тайных Розыскных Дел с препровождением колодника Сидора Казанцева и выписки из его показаний о бывшем в городе Селябинске и в прочих тамошних местах на небеси знамении и о прочем (1751–1752 гг.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 32. Д. 24.

4. По доношению преосвященного Сильвестра архиепископа С.-Петербургского об отпуске 1000 рублей на жалованье судящим, секретарю и прочим служителем С.-Петербургской Консистории (1754–1756 гг.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 525.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)
Ф. 19. Петроградская духовная консистория

5. Исповедные ведомости по г. Петербургу (1741 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 37.

6. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1735 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 1.

7. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1736 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 3.

8. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1738 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 6.

9. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1739 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 8.

10. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1742 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 12.

11. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1744 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 16.

12. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1745 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 18.

13. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 20.

14. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1749 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 26.

15. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1753 г. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д 34.

16. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1761 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 50.

17. Метрическая книга церкви Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1742 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 13.

18. Метрическая книга церкви Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1745 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 19.

19. Метрическая книга церкви Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 21.

20. О назначении благочинных священников для наблюдения за поведением священнослужителей, исполнением ими своих обязанностей (1741 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2142.

21. О производстве дьякона Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатия Васильева в священники (1738–1739 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1860.

22. О производстве сына пономаря Ильинской церкви Василия Аникеева Игнатия в дьяконы и определении его в новую Сергиевскую церковь в Пушкарской слободе (1730–1731 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 827.

23. О разрешении на поездку в Москву дьякону Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатию Васильеву (1734–1735 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1339.

24. О разрешении на поездку в Москву протопопу Сергиевской церкви Игнатию Васильеву (1767 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 6889.

25. О разрешении священнику Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатию Васильеву на поездку в Москву для доставки иконостаса, церковной утвари и книг для строящегося каменного церковного здания (1745 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2801.

26. Об определении маркитанта Василия Аникиева в Ильинскую церковь при Охтинских пороховых заводах пономарем (1724–1725 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 463.

27. Об определении священников к пороховым заводам, в Абовский гренадерский полк, в Казанскую церковь Тосненского Яма и в артиллерийский полк (1722–1727 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 151.

28. Об определении сына священника Евтихия Ильина в Сергиевскую церковь при Артиллерийской слободе пономарем (1733–1734 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1014.

29. Об освобождении протопопа Сергиевской церкви в Артиллерийских слободах Игнатия Васильева от необходимости присутствовать в консистории (1764 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5739.

30. Об увольнении священника Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах Игнатия Васильева по болезни и определении его к делам консистории (1750 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3543.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)
Ф. 334. Сергиевский всей артиллерии собор

31. Исповедные списки епархиального ведомства (1745–1747 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7.

32. Исповедные списки епархиального ведомства (1757–1759 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 19.

33. Исповедные списки епархиального ведомства (1761–1765 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 21.

34. Метрическая книга церкви прп. Сергия Радонежского при Артиллерийских слободах за 1769 г. // ЦГИА СПб. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22.

Опубликованные источники

35. *Богданов А. И., Рубан В. Г.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. 8, 528, 32 с., LXXXIV л. ил.

36. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. СПб., 1878. VI, 95, 480 с.

37. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. IV, 513 с.

Литература

38. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга: христианская историко-церковная энциклопедия. СПб.: Лики России, 2003. 432 с.

39. *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII в.: автореф. дис. ...канд. истор. наук. СПб., 1992. 16 с.

40. *Мурашова Н. В.* Федор Демерцов. СПб.: Белое и Черное, 2002. 192 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

Н. Д. Голубятникова

Об увековечении памяти митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова)*

УДК 271.2-726.1-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_91
EDN XHPDRM

Аннотация: В статье затрагивается тема сохранения исторической памяти о жизни и деятельности выдающегося архиерея XVIII в. митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова-Шапошникова; 1730–1801), священноархимандрита Александро-Невской лавры. С именем этого выдающегося иерарха и его сподвижников связывают духовный подъем в Православной Церкви и русском обществе накануне Отечественной войны 1812 г. Однако ныне имя и облик сего «мужа высокого ума, строгого понятия, здравого рассуждения и великого просвещения» памятны лишь специалистам. Особое внимание в статье уделено истории поясного беломраморного горельефа митрополита Гавриила работы скульптора Ф. И. Шубина, с золоченой рамой работы П. П. Ажи, находившегося в 1792–1934 гг. в нише напротив раки с мощами св. Александра Невского в Троицком соборе лавры. Делается вывод о необходимости возвращения Церкви ее реликвий.

Ключевые слова: митрополит Гавриил (Петров), Александро-Невская лавра, Троицкий собор, Екатерина II, горельеф-бюст, Ф. И. Шубин, И. Е. Старов, А. П. Антропов, иеромонах Иаков, Санкт-Петербургская епархия, Новгородская епархия, Святейший Синод.

Об авторе: **Неонилла Дмитриевна Голубятникова**
Книгохранитель библиотеки Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры.
E-mail: vivliofika_09@mail.ru

Для цитирования: Голубятникова Н. Д. Об увековечении памяти митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 91–101.

* Статья носит информационный характер, является результатом выполнения производственного задания.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Neonilla D. Golubyatnikova

On Perpetuating the Memory of Metropolitan Gabriel (Petrov) of Novgorod and St. Petersburg*

UDC 271.2-726.1-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_91
EDN XHPDRM

Abstract: The article addresses the theme of preserving the historical memory of the life and activities of the prominent hierarch of the 18th century, Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg, Gabriel (Petrov-Shaposhnikov; 1730–1801), the archimandrite of the Alexander Nevsky Lavra. The name of this outstanding hierarch and his associates is associated with a spiritual uplift in the Orthodox Church and Russian society on the eve of the Patriotic War of 1812. However, today the name and image of this "man of high intellect, strict understanding, sound reasoning, and great enlightenment" are only remembered by specialists. The article pays special attention to the history of the waist-high white marble bas-relief of Metropolitan Gabriel, created by the sculptor F. I. Shubin, with a gilded frame by P. P. Aji, which was located from 1792 to 1934 in the niche opposite the shrine with the relics of St. Alexander Nevsky in the Trinity Cathedral of the lavra. The conclusion is drawn about the necessity of returning the relics to the Church.

Keywords: Metropolitan Gabriel (Petrov), Alexander Nevsky Lavra, Trinity Cathedral, Catherine II, bas-relief bust, F. I. Shubin, I. E. Starov, A. P. Antropov, Hieromonk Yakov, St. Petersburg Diocese, Novgorod Diocese, Holy Synod.

About the author: **Neonilla Dmitrievna Golubyatnikova**
Librarian of the library of the Holy Trinity Alexander Nevsky Lavra.
E-mail: vivliofika_09@mail.ru

For citation: Golubyatnikova N. D. On Perpetuating the Memory of Metropolitan Gabriel (Petrov) of Novgorod and St. Petersburg. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 91–101.

* The article serves an informational purpose and is the outcome of completing a work assignment.

Благодаря выставке, организованной Государственным Русским музеем в начале 2000-х гг., выяснилось, что горельеф-бюст митрополита Гавриила (Петрова-Шапошникова; 1730–1801)[1] работы скульптора Ф. И. Шубина[2], изъятый из внутренней стены Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры в 1934 г., не пропал, а сохраняется в запасниках музея[3]. В Русском музее находится и живописный портрет архиепископа Гавриила кисти синодского живописца А. П. Антропова[4], тоже поступивший из Александро-Невской лавры, из ее Древлехранилища[5]. Последние прижизненные полуофициальные изображения престарелого святителя, многократно копированные живописцами и гравированные, тоже, в основном, находятся в различных музеях.

Ил. 1. Антропов А. П.
Портрет архиепископа Гавриила (Петрова; 1730–1801). 1774 г.
Холст. Масло. 106,5х46,5.
Государственный Русский музей

Два вышеназванных портрета — живописный 1774 г. и скульптурный 1792 г. — совпадают по датам создания с началом и окончанием трудов преосвященного иерарха по строительству монастырского собора во имя Святой Троицы Живоначальной и окормлению духовного подъема Русской Церкви, последовавшего за попыткой реформации при императоре Петре I и «реформы» в духе Просвещения при императрице Екатерине II[6].

Портреты последнего года жизни иерарха итожат его духовный путь, «распятие миру» (Гал 6:14), по времени они относятся к противоречивому царствованию императора Павла I, воплотившего в области религиозной политики назревшие изменения.

Прижизненное изображение Преосвященного Гавриила (Петрова) 1774 года кисти А. П. Антропова (Ил. 1) представляет его энергичным 44-летним архиепископом Санкт-Петербургским и Ревельским, в зеленой бархатной с золотыми позументами мантии с крестами на скрижалях, красными и серебряными источниками, и черном клобуке, на груди — украшенная драгоценными камнями панагия с образом Спасителя и медаль депутата Комиссии Нового Уложения, правая рука листает раскрытое

[1] Митрополит Гавриил II, на Санкт-Петербургской кафедре с 22 сентября / 3 октября 1770 г. до 15 / 26 октября 1799 г.

[2] Шубин, Федот Иванович (1740–1805) — скульптор, из первого выпуска Академии Художеств 1762 г., работал в стиле классицизма.

[3] *Шубин Ф. И.* Портрет митрополита Гавриила (Петрова). 1792 г. Горельеф. Мрамор. 90х71, в раме 206х137. ГРМ. Ск-1395.

[4] Антропов Алексей Петрович (1716–1795) — живописец, работал в стиле барокко.

[5] *Антропов А. П.* Портрет архиепископа Гавриила (Петрова): 1730–1801. 1774 г. Холст. Масло. 106,5х46,5. ГРМ. Ж-22. (Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры: 1712–1910 г. СПб., [1910]. С. 23. № 53. Ср.: *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра: 1793–1913. СПб., 1913. С. 607).

[6] Ср.: в т. н. «пунктах Мелиссино» 1767 г. обер-прокурор Св. Синода предлагает прекратить содержание монахам, которые «великого кошта стоют», не принося пользы, и обратить их содержание в пользу искусных священников и проповедников, из таковых же ставить и на архиерейские кафедры. (Цит. по: *Карташов А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 501). Императрица Екатерина II (1729–1796) правила в 1762–1796 гг.

Евангелие от Матфея, в левой — посох, «жезл правления, утверждения, наказания, казнения» древней т-образной формы, без крестика и без сулка[7].

«Муж острый и резонабельный», — отозвалась о преосвященном Гаврииле императрица Екатерина II[8]. «Отличил себя … долговременными заслугами Церкви и отечеству», — отметил император Александр I[9]. «Муж высокого ума, строгого понятия, здравого рассуждения и великого просвещения, искусный в некоторых европейских языках и совершенный в своем природном, отличный в богословии, философии и красноречии…», — признавал его оппонент, просветитель Н. И. Новиков[10]. «Гавриил подобен реке, без шума наполняющей берега свои, и порядочным течением не выходящей никогда из границ своих», — писал А. П. Сумароков[11].

Ко времени создания этого портрета иерарх — первенствующий член Святейшего Синода, кормчий Русской Церкви — укрепляет иерархию, совершенствует институт благочинных, отстаивает права духовенства, регламентирует миссионерское дело, вводит общежительный устав и преобразовывает монастыри, составляет сборники проповедей и богословские труды, занимается изданием вероучительных книг, переводит Невскую семинарию в стены обители, становится «директором по строительству зданий Невского монастыря». Его единомышленники в Св. Синоде — преосвященные Иннокентий (Нечаев)[12], Ириней (Клементьевский)[13], до второй половины 1770-х гг. — Платон (Левшин)[14].

Именно в год создания этого полотна монархиня повелевает[15] преосвященному Гавриилу и архитектору И. Е. Старову[16] составить проект строительства Троицкого собора монастыря — духовного центра и градостроительной доминанты Северной столицы. Вскоре проект был подготовлен и высочайше одобрен[17].

В этот же период владыка убеждает прп. Паисия Величковского опубликовать переводы аскетических творений святых отцов, собранные и переведенные молдавским

---

[7] В Византии существовала традиция: императоры в знак своего благорасположения жаловали панагии и мантии вновь избранным патриархам. Исследователи сообщают, что владыке Гавриилу императрицей было даровано право ношения патриарших орнаментов (ср. *Калитин П. В.* Высокопреосвященный Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Вопреки веку Просвещения. М., 1999. С. 22–25). Однако новгородские иерархи имели привилегию, особое право носить некоторые патриаршие знаки. На Рождество 1774 г. владыке Гавриилу была пожалована бархатная мантия (*Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание о жизни и трудах преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. СПб., 1857. С. 46), 29 июня 1770 г. — бриллиантовая панагия, «устроенная из собственной Ее Императорского Величества Андреевской звезды». (Цит. по: *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра… С. 609; подробнее: *Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание… С. 32–33).

[8] В разговоре с обер-прокурором Св. Синода И. И. Мелиссино. (Цит. по: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Т. 1. СПб., 2009. С. 389; *Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание… С. 26).

[9] В рескрипте его преемнику, митрополиту Амвросию (Подобедову). Цит. по: *Калитин П. В.* Высокопреосвященный Гавриил (Петров), митрополит Новгородский… С. 5.

[10] *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 57–58.

[11] Поэт А. П. Сумароков считал его одним из красноречивейших духовных риторов своего времени. Цит. по: *Стенник Ю. В.* Петров Петр // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 вып. СПб., 1999. Вып. 2. С. 430–433.

[12] Иннокентий (Нечаев; 1722–1799) — архиепископ Псковский, пребывал и погребен в Александро-Невской лавре.

[13] Ириней (Клементьевский; 1753–1818) — архиепископ Псковский, погребен в Александро-Невской лавре.

[14] Платон (Левшин; 1737–1812) — митрополит Московский, придворный проповедник, законоучитель наследника, будущего императора Павла I.

[15] Указ императрицы Екатерины II от 15 ноября 1774 г.

[16] Старов Иван Егорович (1745–1808) — архитектор, из первого выпуска Академии Художеств 1762 г., работал в стиле классицизма.

[17] Это был далеко не первый проект собора. Первоначальный собор, Л. Т. Швертфегера, был разобран до 1755 г.; ни один проект, представленный на конкурс 1763 г., не был одобрен императрицей.

старцем на Афоне. Сверяли переводы с греческим венецианским изданием «Филокалии» и другими оригинальными святоотеческими текстами, редактировали их опытные в «умном делании» монахи, известные владыке и вызванные им в Невский монастырь. В «кружок Добротолюбия» вошли иеромонахи Феофан (Соколов)[18], Филарет (Пуляшкин)[19], тексты привозил монах Афанасий (Охлопков)[20], часто консультировал игумен Назарий (Кондратьев)[21], приезжавший с Валаама. Славянский русифицированный перевод «Добротолюбия»[22] был издан в 1790-е гг. иждивением игумена Валаамского Назария и выдержал много переизданий.

Проповедничество и издание книг[23] способствовало окормлению паствы и врачеванию монашества, оскудевшего в результате старообрядческого раскола, петровской «Реформации» и екатерининского «Просвещения». Высокому учению соответствовал личный образ жизни иерарха и его помощников в монастырях и духовных школах. Обновленные на началах общежития монастыри — Спасо-Преображенский Валаамский, Кирилло-Новоезерский, Симонов Успенский и др., Нилова Столобенская Богоявленская пустынь — становились рассадниками руководителей монашеской жизни для разных епархий.

Во время работы над проектом «Главной церкви» — «богословием в камне» — преосвященный Гавриил составил Толкования на соборные Апостольские послания[24], на Заповеди блаженств евангельских[25], обширный труд по литургическому богословию[26], издал, совместно с преосвященным Платоном (Левшиным), собрание

[18] Феофан (Соколов; 1752–1832), или Феофан Новоезерский — иеромонах, почитаемый подвижник благочестия, келейник митрополита Гавриила в течение десяти лет. Проходил послушание в Саровской пустыни, затем в Санаксарском монастыре у преп. Феодора Санаксарского (бывшего монаха Александро-Невского монастыря), во Введенской Островской пустыни у афонского постриженика старца Клеопы, в Тисманском монастыре у игумена Феодосия, сподвижника прп. Паисия Величковского, с 1782 г. — в братии Александро-Невского монастыря — канонарх, ключник, келейник владыки, с 1785 г. — иеромонах его Крестовой церкви, с 1791 г. — игумен Моденского монастыря Новгородской епархии, с 1793 г. — Кириллова Новоезерского монастыря, с 1819 г. — архимандрит.

[19] Филарет (Пуляшкин; 1758–1842) — иеромонах, в схиме Феодор, почитаемый духовный старец московского Новоспасского монастыря. В отрочестве — прихожанин петербургского Александро-Невского монастыря, послушник Саровской пустыни, затем постриженник и иеродиакон московского Симонова монастыря, с 1788 г. — в братии Александро-Невского монастыря, 1789 г. — иеромонах, в 1791–1794 гг. — управляющий подворья новгородского Юрьева монастыря в Китай-городе, с 1794 г. — в Новоспасском монастыре при Николаевском больничном храме, в 1798–1799 гг. — духовник обители. После войны 1812 г. наставлял и утешал народ, его собеседниками были прпп. Зосима (Верховский) и Макарий Оптинский, духовным сыном — И. В. Киреевский.

[20] Афанасий (Охлопков; † 1811) — монах, схимник, ученик и постриженник прп. Паисия Величковского в Нямецком монастыре, сохранял много его рукописных переводов.

[21] Назарий (Кондратьев; 1735–1809) — игумен Валаамский, из Саровской пустыни, постриженник и иеродиакон астраханского Спасо-Преображенского монастыря, в 1781 г. вызван архиеп. Гавриилом для восстановления Валаамского монастыря с общежительным уставом. В 1804 г. вернулся в Саров для пустынножительства. Канонизирован в лике преподобных.

[22] Редактировал перевод преподаватель греческого языка Московской семинарии Я. Д. Никольский (впоследствии протопресвитер) на основе греческой «Филокалии» (Венеция, 1782). Вышло 2 тома — в 1793 г. в Москве, затем в 1798–1799 гг. без указания места.

[23] В правление митрополита Гавриила были изданы: трактат иеромонаха Адама Зерникова «Об исхождении Святого Духа» (на греческом яз., 1797 г.), много брошюр в помощь священнослужителям, «Лествица», творения свт. Иоанна Златоуста, «Пролог» и др.

[24] *Гавриил (Петров), митр.* Толкования на Соборные послания апостолов: Иакова, Петра, Иоанна и Иуды. М.: Синодальная тип., 1794. 97 л. Совместно с архиепископом Астраханским Тихоном (Малининым).

[25] Впервые опубл.: Христианское чтение. 1837. Ч. 4. С. 50–84. (Ср.: *Стенник Ю. В.* Петров Петр… С. 430–433**).**

[26] *Гавриил (Петров), митр.* О служении и чиноположениях Православной Греко-Российской Церкви. СПб., 1792; М., 1795.

образцовых проповедей[27], а также свои проповеди[28]. В эти же годы владыка предпринимает меры по сохранению рукописных и старопечатных книг — памятников древней письменности Великого Новгорода, открытию древней храмовой фресковой живописи Старой Ладоги.

Троицкий собор, заложенный 30 августа 1778 г., освященный 30 августа 1790 г. в день памяти Ништадтского мира, закрепившего Россию в числе сильнейших государств[29], стал связующим звеном между великими царствованиями Петра I и Екатерины II. Храм был освящен во время литургии, которую совершил митрополит Гавриил в сослужении преосвященных Иннокентия (Нечаева) и Евгения (Булгара) и сонма духовенства, в него были перенесены из лаврской Александровской церкви мощи святого князя. В процессии участвовала императрица Екатерина II в одеянии гроссмейстера Ордена святого благоверного князя Александра Невского и малой короне, с цесаревичем Павлом Петровичем, супругой его и детьми, а также со старшими кавалерами ордена, которые и несли мощи[30].

Собор стал замечательным памятником екатерининской эпохе. Облик его — гармония взаимодействия императрицы-философа и архиерея-инока, взаимное примирение светского и духовного начал — имперской власти, философии Просвещения, гражданского повиновения и благодатного монашеского подвига. Аскетическая ясность восточнохристианского исихазма соответствовала архитектурным пропорциям и линиям западного классицизма.

Принимая во внимание «греческий проект» императрицы Екатерины II и исторический фон (Русско-турецкая война 1768–1774 гг.), согласимся, что символизм, заложенный преосвященным Гавриилом и архитектором И. Е. Старовым в проект величественного столичного храма, указывает на преемственность России от Византийской и Римской империй. Прообраз его можно увидеть в церкви Двенадцати Апостолов[31], воздвигнутой первым христианским императором Константином Великим в Константинополе. Однокупольный собор в плане построен в форме креста, как было принято на Руси, как и древняя константинопольская церковь Апостолов, что традиционно передавало идею поклонения Кресту Господню (а не статуе императора; Крест был символом вселенского владычества христианства и христианской империи). Наличие двух башен-колоколен подчеркивало преемственность Северной столицы — «Четвертого Рима» — от Константинополя[32].

«Новая соборная церковь» И. Е. Старова (в отличие от первоначальной Л. Т. Швертфегера[33]) расположена на средокрестии аллеи, ведущей к Неве, и оси, ставшей

---

[27] Собрание поучений на все воскресные и праздничные дни для чтения по церквам всей России: в 3 ч. М., 1775.

[28] *Гавриил (Петров), архиеп.* Краткие поучения на каждый день года во весь год, собранные из разных поучений святых отцов. М., 1781 и др.

[29] Где св. мощи покоились с 1724 г., перенесенные по указу имп. Петра I из г. Владимира.

[30] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра… С. 715; *Попов И. В.* Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. № 1/2. С. 38. Собор является капитульным храмом этого ордена, что отразилось и в декоре, и в планировке примыкающих помещений.

[31] Первый городской храм Константинополя (до 337–1461 гг.) (*Одинцов А. М.* Синтез светского и церковного влияния на процесс создания Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры // Человек и культура. 2019. № 6. С. 159–162). Ныне мечеть Фатих в Стамбуле. Ср. также: дар императрицы митрополиту Гавриилу в 1791 г. изображения имп. Константина, побеждающего Максенция (Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры… С. 85. № 598).

[32] В церкви Апостолов вторая башня — «Константинополя великая глава, ровня Рима» (свт. Павлин Ноланский; цит. по: *Высоцкий А. М.* К вопросу об истории первой церкви Апостолов в Константинополе по описаниям современников // Византийский временник. Т. 59. М.: Наука, 2000. С. 208; ср.: *Одинцов А. М.* Синтез… С. 159–162).

[33] Швертфегер, Леонард Теодор (1680–1738) — немецкий архитектор, работал в стиле петровского барокко. Построенный им первоначальный собор был расположен ближе к спуску к Неве и ориентирован на запад.

началом Невского проспекта. Таким образом, огромный, величественный храм стал и «главной церковью» обители, и доминантой его «циркумференции» (в значении «комплекса корпусов»), и сакральным центром столицы империи.

Присутствие мощей святого апостола Андрея (в основании храма, под алтарем, в серебряном вызолоченном ковчежце[34]) и святого князя Александра Невского в раке в южной части трансепта[35] имеет литургический и духовный, градозащитный смысл. Внутри собора над колоннами расположены статуи двенадцати апостолов и восьми святых[36]. Предположительно, индивидуальная проработка, портретность ликов статуй апостолов связана с личным участием владыки в замысле скульптора.

Имперский культ двенадцати апостолов унаследован русскими правителями от династии Палеологов, послание апостолов на проповедь — метафора Просвещения. Имперская идея определяет универсальный характер убранства образцового собора империи. Троицкий собор стал приношением Богу от восточной и западной, от духовной и светской культурной традиций, символом вселенского владычества.

Ил. 2. Шубин Ф. И. Портрет митрополита Гавриила (Петрова). 1792 г. Горельеф. Мрамор. 90х71, в раме 206х137. Государственный Русский музей

Богословские труды преосвященного Гавриила определяющим образом повлияли не только на состав сюжетов и иконографию Троицкого собора, не только стали проповедью, повторенной в камне, но привнесли в русскую версию классицизма как общеевропейского стиля красоту духовной глубины, которая издревле была свойственна лучшим образцам иконного письма[37]. Первые «академики»[38] И. Е. Старов и Ф. И. Шубин прошли через горнило требований духовной высоты произведений.

К трудам петербургского святителя можно применить слова протоиерея Георгия Флоровского: «В век душевной раздвоенности и разорванности проповедь духовного собирания и цельности получала особую значительность»[39].

Второе изображение, о котором идет речь — горельефный бюст митрополита Гавриила (Петрова) 1792 г., резца Ф. И. Шубина, автора скульптурного убранства интерьера храма (Ил. 2). Монументальное изображение священноархимандрита монастыря, строителя собора, для увековечения его заслуг[40] по распоряжению

[34] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра… С. 715. Также: *Попов И. В.* Свято-Троицкий собор … С. 38.

[35] Трансепта, не придела. Придел св. Александра Невского был расположен ближе ко входу, под южной колокольней. (*Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра… С. 724).

[36] Скульптор Ф. И. Шубин.

[37] Ср.: *Одинцов А. М.* Синтез… С. 159–162.

[38] Выпускники Академии Художеств 1762 г., подготовленные под покровительством И. И. Шувалова, отличались исключительно высоким уровнем.

[39] Ср.: *Флоровский Г. В., прот.* Пути русского богословия. Paris, 1988. С. 124, 127.

[40] Исследователи полагают, что беспримерная награда последовала вслед за отказом владыки Гавриила от титула «митрополита всея Руси». *Калитин П. В.* Высокопреосвященный Гавриил… С. 23.

монархини было высечено из белого мрамора и установлено у правого клироса, в нише напротив раки с мощами св. Александра Невского, вблизи царского места[41].

К этому времени митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому и Олонецкому — 62 года. Преосвященный Гавриил — блестящий екатерининский архиерей, первенствующий член Российской Академии с 1783 г.[42], почетный член Императорской Академии наук и художеств с 1776 г.[43], возобновитель монастырей, организатор духовных школ, проповедник, издатель книг.

Портрет являет нам иерарха в золотых лучах славы. Бронзовая позолоченная рама работы скульптора П. П. Ажи[44] изображает символы и церковные предметы, относящиеся к архиерейскому богослужению[45].

«Директор строения Невского монастыря» представлен в архиерейском малом облачении: драгоценной митре[46], большом омофоре, поручах, рясе и мантии, на груди — украшенные драгоценными камнями панагия с образом Спасителя (вероятно, дар монархини) и крест[47], в руке — чертеж постройки, справа — архитектурный фон. Можно предположить, что иерарх готовится совершить молебен на закладку храма. «Нет у Шубина более “живого” портрета, так лукаво смеются небольшие глаза в старческих веселых лучиках морщин», — писала искусствовед[48].

Горельеф отмечен высоким профессионализмом исполнения, это подписная работа. Под кистью правой руки фигуры архиерея помещена надпись: «Д[елал] Ф. Шубинъ 1792 ГО». Так скульптор помечал работы, которые не только сочинил и вылепил, но и сам вырубил из мрамора[49]. На картуше фраза, собственноручно составленная монархиней: «Во имя Святой и Живоначальной Троицы, трудами и попечением преосвященного митрополита Гавриила Новгородского и Санкт-Петербургского, сей храм заложен в 30 день августа 1778 года, создан и освящен в 30 день августа 1790 года в присутствии благочестивой императрицы Екатерины II».

Огромный тяжелый горельеф был изъят из ниши у южных боковых дверей и вывезен в Государственный Русский музей в 1934 г.[50] С тех пор он хранится в запасниках. Экспонировать его было сложно, он участвовал в выставках, посвященных творчеству Ф. И. Шубина в 1941, 1955, 1979, 1994 гг., в выставке, посвященной императору Павлу I,

---

[41] *Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание… С. 60–62. Размер мраморного рельефа 71х90 см, рельефа в раме 137х206. *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра… С. 722. Над царским местом находилось изображение императрицы Екатерины II в полный рост, напротив, на левом столбе — императора Петра I. Над южными дверьми была помещена икона Преображения Господня, слева и справа от дверей — картины (копии) на известные сюжеты: св. Василий Великий возбраняет императору Валенту святое причащение и св. Амвросий Медиоланский возбраняет императору Феодосию Великому вход в храм. (Подробнее: *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра… С. 726).

[42] *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 1. СПб., 1874. С. 58–137, 377.

[43] *Стенник Ю. В.* Петров Петр… С. 430–433.

[44] Ажи Петр Петрович (1752–1828) — орнаментный скульптор, работал в стиле ампир, выполнил, в частности, бронзовые детали иконостаса собора.

[45] Скрижали с Десятью заповедями, Евангелия, четырехконечный крест, Евхаристическая чаша, дикирий и трикирий, клобук с наметкой, кадила, кувшины для омовения рук, вайи, ленты, лучи.

[46] В 1789 г. владыка Гавриил получил от императрицы в дар драгоценную митру, украшенную жемчугом, бриллиантами и др.

[47] Накануне освящения собора императрица пожаловала владыке Гавриилу алмазную панагию с изумрудами, наперсный крест, присланный ей папой Урбаном VIII (*Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра…; *Калитин П. В.* Высокопреосвященный Гавриил… С. 23).

[48] *Яковлева Н. А.* Федот Иванович Шубин: 1740–1805. Л., 1984. С. 18–19.

[49] В 1912 г. с рельефа был сделан гипсовый отлив, ныне находящийся в ГМИРА.

[50] Последняя литургия в соборе перед закрытием совершена соборно в день памяти св. Александра Невского, 6 декабря 1933 г., митрополитом Алексием (Симанским), перед тем назначенным на Ленинградскую кафедру, и пятью преосвященными. *Шкаровский М. В.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1913–2013. СПб., 2012. Т. 2. С. 54–56.

в 2000-е гг.[51] На фотографии горельеф представлен так, как сейчас хранится в запасниках Русского музея, подвешенным на цепях.

XVIII век в России, начавшийся и продолжившийся притеснениями Церкви, завершился «монашеским возрождением, несомненным напряжением и подъемом духовной жизни»[52], развитием духовного образования, а в политическом аспекте — защитой Православия от турок-мусульман и возвышением духовного сословия.

Последних лет портреты запечатлели престарелого 70-летнего святителя, первоиерарха Русской Церкви, прошедшего путем «распятия миру», многолетних трудов, а также невзгод последних двух лет. Изображения позднего извода менее официальны, в них меньше атрибутов, внимание сосредоточено на лице и руках иерарха, точно переданы индивидуальные черты.

Ил. 3. Неизвестный художник [Иаков, иеромонах]. Портрет митрополита Гавриила (П. П. Петрова). 1800 г. Холст. Масло. 80,5×65,0. Кирилло-Белозерский музей-заповедник

Интересна работа 1800 г. кисти иеромонаха Иакова, его экономa и келейника в новгородском Архиерейском доме (Ил. 3)[53]. Святитель представлен сидящим в келье, с Евангелием в приподнятой правой руке, в белом клобуке с бриллиантовым крестом и темной рясе, на груди — драгоценная панагия с образом Спасителя[54], двуглавый орел ордена Святого апостола Андрея Первозванного на голубой ленте[55], звезда ордена Святого благоверного князя Александра Невского[56]. Перед нами — строгий постник, молитвенник, аскет. Лицо его несет печать претерпеваемых невзгод и тяжелой болезни.

Портрет создан в царствование императора Павла I[57] — религиозного, но романтического и неуравновешенного. За время своего царствования императором Павлом было издано в сумме 70 законодательных актов, относящихся к православному духовенству, улучшению его материального положения, духовному образованию, отмене телесных наказаний, усилению контроля светских и духовных властей над низшим клиром[58]. Помимо объективных социально-политических причин (в том числе крестьянских

[51] Ср.: Митрополит С.-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров). Мраморный рельеф из Св.-Троицкого собора Александро-Невской лавры: [фотография] // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2008. № 35/36. С. 67.

[52] Ср.: *Флоровский Г. В., прот.* Пути русского богословия… С. 122.

[53] *Неизвестный художник.* Портрет митрополита Гавриила (П. П. Петрова). 1800 г. Холст. Масло. 80,5×65,0 см. Кирилло-Белозерский музей-заповедник. МЖ-10. Подпись художника «И[еромонах] Иаков» — на обороте холста.

[54] В его завещании от 27 октября 1800 г. упоминается только бриллиантовая панагия с красными яхонтами (*Калитин П. В.* Высокопреосвященный Гавриил… С. 478), другие поступили в ризницы Александро-Невской лавры и новгородского Софийского собора.

[55] Высший и старейший орден Российской империи, учрежден при Петре I, девиз «За веру и верность», орденская лента синяя. 9 ноября 1796 г. митр. Гавриил стал первым иерархом Российской Церкви, сопричисленным к ордену за государственные заслуги, позднее получил алмазные знаки к нему и командорство в Лужском уезде.

[56] Третий российский орден, учрежден при Екатерине I. Девиз «За труды и отечество», орденская лента красная. Митрополит Гавриил сопричислен к ордену 27 августа 1797 г.

[57] Император Павел I (1754–1801) правил с 6 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г.

[58] В частности, в этом году исполняется 225 лет указу императора Павла I от 18 декабря 1797 г. «О благоустройстве училищ», согласно которому Главная семинария была переименована в академию, а Александро-Невский монастырь — переименован лаврой.

волнений и участия в них приходского духовенства) и личной религиозности императора[59], большую роль сыграли труды при дворе, в Св. Синоде и на Санкт-Петербургской кафедре митрополита Гавриила и единомысленных ему иерархов.

70-летний больной иерарх просил об увольнении на покой[60], а приехав в Новгород — почти не выходил из кельи, будучи занят приготовлением души к смертному часу. Скончался владыка 26 января 1801 г., погребен в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи Софийского собора Новгорода, рядом позднее упокоился сменивший его на Санкт-Петербургской кафедре и в Александро-Невской Лавре митрополит Амвросий (Подобедов). При переделке Новгородского Софийского собора в первой половине XIX в. тело владыки Гавриила было обретено нетленным[61].

В Санкт-Петербургской митрополии в церковном кругу не осталось подлинных прижизненных изображений преосвященного владыки, при том, что они были созданы именно для Церкви. В Новгородской митрополии сохранились лишь напольная могильная плита и настенная табличка над его прахом в Предтеченском приделе Софийского собора. Издания славяно-российского перевода «Добротолюбия» стали библиографической редкостью, впрочем, имя его не отмечено в этом труде. Издания его трудов — редкость. Само имя этого замечательного русского иерарха более известно специалистам.

Горельеф митрополита Гавриила (Петрова) работы Ф. И. Шубина, как и мемориальная рака св. Александра Невского[62] — не только совершенные произведения искусства. Они должны восприниматься в контексте интерьера Троицкого собора, а ансамбль Троицкого собора неполон без них.

Прижизненные портреты иерарха являются намеренными историческими источниками, свидетельствами, оставленными их творцами о великом церковном деятеле нашей епархии, обращенными к определенной аудитории верующих православных людей, не просто частью исторического знания о эпохе, но частью Священного Предания Церкви.

Источники и литература

Иконография

1. *Антропов А. П.* Портрет архиепископа Гавриила (Петрова): 1730–1801. 1774 г., Холст. Масло. 106,5х46,5. Государственный Русский музей. Ж-22.

2. *Неизвестный художник [Иаков, иеромонах].* Портрет митрополита Гавриила (П. П. Петрова). 1800 г. Холст. Масло. 80,5×65,0. Кирилло-Белозерский музей-заповедник. МЖ-10. (URL: https://www.kirmuseum.org/ru/object/portret-mitropolita-gavriila-pppetrova. Дата обращения: 30.05.2022).

3. *Шубин Ф. И.* Портрет митрополита Гавриила (Петрова). 1792 г. Горельеф. Мрамор. 90х71, в раме 206х137. Государственный Русский музей. Ск-1395.

Источники

4. *Гавриил (Петров), архиеп.* Краткие поучения на каждый день года во весь год, собранные из разных поучений святых отцов. М., 1781.

---

[59] Воспитателем был митрополит Платон (Левшин), переписывался с владыкой Амвросием (Подобедовым).

[60] Император пребывал к нему благосклонен, владыка Гавриил регулярно служил в церкви Зимнего дворца. (Ср.: Камер-фурьерский церемониальный журнал: 1796–1801. СПб., 1896–1901; *Калитин П. В.* Высокопреосвященный Гавриил… С. 106–111).

[61] *Калитин П. В.* Высокопреосвященный Гавриил… С. 11.

[62] Изготовлена в 1747–1752 (худ. Г. К. Гроот, Я. Штелин; барокко) в царствование имп. Елизаветы, находится в Государственном Эрмитаже.

5. *Гавриил (Петров), митр.* О служении и чиноположениях Православной Греко-Российской Церкви. Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1792; М.: Синодальная тип., 1795. 107 с.

6. *Гавриил (Петров), архиеп., Платон (Левшин), архиеп. (собиратели и редакторы).* Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни для чтения по церквам всей России: в 3 ч. Ч. 1–3. М.: Синодальная тип., 1775; М., 1776. [145+136+150] с.

7. *Гавриил (Петров), митр.* Толкования на Соборныя послания апостолов: Иакова, Петра, Иоанна и Иуды. М.: Синодальная тип., 1794. 97 с.

8. Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры: 1712–1910 г. / сост. Ф. М. Морозов. СПб.: Типо-литография Н. С. Егорова, [1910]. 59 с.: ил.

9. Камер-фурьерский церемониальный журнал: 1796–1801. СПб., 1896–1901 (URL: https://libinfo.org/index.php?dir1=14&dir2=02&dir3=28&page=1. Дата обращения: 31.05.2022)

Литература

10. *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли: в 4 т. / Библиотека РАН, Об-во памяти игум. Таисии. По изд. 1836, 1847 с испр. и доп. СПб.: Русская симфония, 2009. Т. 1. 786 с. (Книжные памятники из фондов БАН).

11. *Высоцкий А. М.* [и др.] К вопросу об истории первой церкви Апостолов в Константинополе по описаниям современников // Византийский временник. Т. 59. М.: Наука, 2000. С. 198–221.

12. *Калитин П. В. (сост.)* Высокопреосвященный Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Вопреки веку Просвещения. Жизнь. Творчество. Кончина. М.: Паломник, 1999. 508 с. (Богословское творчество русских святителей XVIII–XIX веков).

13. *Карташов А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. СПб.: Библиополис; Изд-во Олега Абышко, 2004. Т. 2. 590 с.

14. *Макарий (Миролюбов), архиеп.* Сказание о жизни и трудах преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. СПб.: тип. Э. Веймара, 1857. 158 с.

15. Митрополит С.-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров). Мраморный рельеф из Св.-Троицкого собора Александро-Невской лавры: [фотография] // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2008. № 35/36. С. 67.

16. *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. 264 с.

17. *Одинцов А. М.* Синтез светского и церковного влияния на процесс создания Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры // Человек и культура. 2019. № 6. С. 158–163.

18. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / ред.-сост. митр. Иоанн (Снычев). СПб.: Андреев и сыновья, 1994. 320 с.

19. *Попов И. В.* Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. № 1/2. С. 38–39.

20. *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра: 1793–1913. СПб., 1913. 1000 с.

21. Словарь русских писателей XVIII века: в 3 вып. СПб., 1999. Вып. 2. 508 с.

22. *Сухомлинов М. И.* История Российской академии: в 8 вып. СПб., 1874. Вып. 1. 427 с. (Записки императорской Академии наук).

23. *Флоровский Г. В., прот.* Пути русского богословия. 3-е изд., репринт. Paris: YMCA-Press, 1988. 604 с.

24. *Шкаровский М. В.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1913–2013: в 2 т. СПб., 2012. Т. 2. 544 с.

25. *Яковлева Н. А.* Федот Иванович Шубин: 1740–1805. Л.: Художник РСФСР, 1984. 96 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

Л. В. Королькова

Истории и судьбы «особо почитаемых» икон сельских и городских храмов Санкт-Петербургской губернии (XIX — начало XX вв.)

УДК 271.2-772(470.23)-9"18/19"
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_102
EDN TYWWKU

Аннотация: Статья представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного на III Научно-практической конференции «Империя и Церковь», проходившей 14–15 апреля 2022 г. в Санкт-Петербургской духовной академии. В докладе рассматриваются вопросы, связанные с историей появления (обретения) особого почитания местных чудотворных икон, хранящихся в храмах и часовнях Санкт-Петербургской губернии, а также судьбы наиболее известных святынь в послереволюционный период. Приводится статистика по рассматриваемым объектам и их систематизация, определяется география распространения чудотворных икон. Для написания статьи использованы архивные и опубликованные источники, а также полевые этнографические материалы автора.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская губерния, православные уездные и сельские приходские храмы, деревенские часовни, чудотворные иконы.

Об авторе: **Людмила Валентиновна Королькова**
Кандидат исторических наук, научный сотрудник ведущей категории отдела этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики Российского этнографического музея.
E-mail: korolkoval@list.ru
ORCID: https://orcid.org/000-002-4039-4687

Для цитирования: *Королькова Л. В.* Истории и судьбы «особо почитаемых» икон сельских и городских храмов Санкт-Петербургской губернии (XIX — начало XX вв.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 102–110.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Lyudmila V. Korolkova

History and fate of the "especially revered" icons of Temples in the countryside and urban churches of the St. Petersburg province (XIX — early XX centuries)

UDC 271.2-772(470.23)-9"18/19"
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_102
EDN TYWWKU

Abstract: The article is the text of a report read at the III Scientific and Practical Conference "Empire and the Church", held on April 14–15, 2022 at the St. Petersburg Theological Academy. The report examines issues related to the history of the appearance (acquisition) of special veneration of local miraculous icons stored in temples and chapels of St. Petersburg province and the fate of the most famous shrines in the post-revolutionary period. Statistics on the objects under consideration and their systematization are given, the geography of the distribution of miraculous icons is determined. Archival and published sources, as well as field ethnographic materials of the author were used to write the article.

Keywords: St. Petersburg province, Orthodox County and rural parish churches, village chapels, miraculous icons.

About the author: **Lyudmila Valentinovna Korolkova**
Candidate of Historical Sciences, Researcher of the leading category of the Department of Ethnography of the Peoples of the North-West of Russia and the Baltic States of the Russian Ethnographic Museum.
E-mail: korolkoval@list.ru
ORCID: https://orcid.org/000-002-4039-4687

For citation: Korolkova L. V. The history and fate of the "especially revered" icons of Temples in the countryside and urban churches of St. Petersburg province (XIX — early XX centuries). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 102–110.

Почитание икон в православных храмах имеет глубокие исторические традиции. Через отношение к этим святыням в народной среде формировались конфессиональное сознание и исповедальная практика. Одним из феноменов православной культуры является почитание явленных и чудотворных икон. Чудотворными иконами считались священные изображения, при посредничестве которых была явлена милость Божия: даровано избавление от стихийных бедствий, от болезней и недугов, эпидемий, оказана помощь в промысле. Явленными — явившиеся чудесным образом или обретенные иконы. Несмотря на то, что тема «святынь» Санкт-Петербургской губернии неоднократно становилась предметом исследований историков, этнографов (часовни, деревянные и каменные кресты, камни со следками Богородицы и т. п.), явленные и чудотворные иконы нашего региона еще не получили должного освещения на страницах научных изданий. В данной публикации будет представлен первый опыт исследования по систематизации материалов по явленным и чудотворным иконам рассматриваемого региона, который впоследствии может стать базой для дальнейшей разработки научной темы.

О том, что это направление исследований является перспективным, свидетельствуют подобные по тематике работы, посвященные местным святыням других регионов России, введенные в научный оборот в течение последних тридцати лет. В начале 1990-х гг. это были отдельные статьи[1], а в последующие годы явленные и чудотворные иконы стали предметом целенаправленных научных исследований, увенчавшихся монографиями и диссертациями. Среди них особо следует отметить работу П. Г. Чистякова «Почитание местных святынь в российском православии XIX–XXI вв. (на примере почитания чудотворных икон в Московской епархии»)[2], а также диссертации А. В. Маркелова «Местночтимые иконы и святыни в церковно-общественной жизни Российской провинции второй половины XVII — начала XX вв. (на примере Вятской епархии)»[3] и И. В. Злотниковой «Чудотворные иконы Брянского края и их списки. Проблемы бытования и иконографии»[4]. Отметим, что в этих работах содержится исчерпывающая историография, дающая представление о различных видах источников, которые могут быть привлечены для подобного рода исследований по другим регионам России.

Основными источниками для написания данной статьи послужили материалы Петроградской Духовной консистории, хранящиеся в ЦГИА Санкт-Петербурга и публикации конца XIX в., подготовленные Санкт-Петербургским епархиальным историко-статистическим комитетом, а также периодические издания. Информация о судьбах некоторых святынь нашего региона была получена из источников, хранящихся в ЦГА Санкт-Петербурга. Это описи церковного имущества 1919–1920 гг. и документы по изъятию церковных ценностей (1919–1922 гг.), материалы о закрытии церквей и ликвидации церковного имущества (1930-е гг.). В целом имеющаяся база источников позволит в будущем создать свод особо почитаемых икон по рассматриваемому региону. Поскольку обозначенная нами тема ещё не была предметом целенаправленных исследований и находится в начальной стадии разработки, в этой публикации представлен материал о 43-х особо почитаемых иконах и рассмотрены судьбы некоторых из них в богоборческое время.

---

[1] *Бруцкая Л. А.* Сказания о явленных и чудотворных иконах в Пермском Приуралье XVII–XVIII вв. // Источники по истории народной культуры Севера. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1991. С. 58–65.

[2] *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в российском православии XIX–XXI вв. (на примере почитания чудотворных икон в Московской епархии). Дисс… канд. ист. наук. М., 2005. 256 с.

[3] *Маркелов А. В.* «Местночтимые иконы и святыни в церковно-общественной жизни Российской провинции второй половины XVII — начала XX вв. (на примере Вятской епархии)». Автореф. канд. ист. наук. Киров, 2011. 39 с.

[4] *Злотникова И. В.* Чудотворные иконы Брянского края и их списки. Проблемы бытования и иконографии. Дисс. … кандидата искусствоведения. М., 2011. 348 с.

Изучение опубликованных источников по теме данной публикации показало, что в XIX — начале XX вв. наиболее многочисленными среди явленных и чудотворных икон Санкт-Петербургской губернии были богородичные иконы (23 иконы, 12 иконографических образов). Далее следует образ свт. Николая Чудотворца (11 икон) и образ вмц. Параскевы Пятницы (8 икон). Богородичные иконы представлены следующими иконографическими вариантами: образ Божией Матери Казанская (6 икон), Божией Матери «Всех скорбящих радость» (4), Божией Матери Тихвинская (3), Успения Божией Матери (2), Покрова Пресвятой Богородицы (2), Рождества Пресвятой Богородицы (1), Божией Матери Владимирская (1), Божией Матери «Споручица грешников» (1) и образ Божией Матери «Знамение» (1), икона «Собор Пресвятой Богородицы (1), одна икона Божией Матери Свенская (Печерская). Кроме того, на территории губернии зафиксирована икона вмц. Анастасии Узорешительницы.

Св. вмц. Параскева Пятница. Село Ильеши

Отметим, что в Санкт-Петербургской губернии среди явленных и чудотворных икон было восемь образов вмц. Параскевы Пятницы. Вероятно, это было обусловлено тем, что эта святая считалась хранительницей семейного очага, целительницей, небесной помощницей женщинам. Самая известная в губернии старинная чудотворная икона вмц. Параскевы Пятницы хранилась в приходском храме свт. Николая Чудотворца (с. Ильеши Ямбургского уезда). На поклонение святыне в Ильинскую пятницу в храм стекались тысячи богомольцев из деревень и Санкт-Петербурга. Икона представляла собой резное изображение высотой 1 аршин (0,71 м). До 1853 г., пока на иконе не было ризы, скульптура вмц. Параскевы Пятницы была покрыта облачением из тканей, пожертвованных прихожанами. На скульптуру было надето большое количество вотивных даров: серебряные подвески «руки», «ноги», «сердца» и «заветов» — полотенца, пояса, ленты. Все эти предметы приносили прихожане и паломники по обету, ради исцеления от недугов или исполнения просьб, обращенных к святой[5]. С этой иконой связано предание о ее чудесном явлении недалеко от с. Ильеши. Подробная информация об истории почитания этой иконы содержится в нашей статье, опубликованной в 2019 г.[6]

Подобная резная чудотворная икона вмц. Параскевы Пятницы находилась в церкви вмч. Георгия Победоносца с. Осьмино Лужского уезда. Она также особо почиталась в народе. К старейшим живописным почитаемым иконам вмч. Параскевы можно отнести чудотворный образ из Староладожского Никольского монастыря и образ, который хранился в каменной часовне вмц. Параскевы Пятницы, расположенной в пригороде Санкт-Петербурга на Охте, в районе Пороховых заводов. Первая из названных святынь была явлена в XVII в. недалеко от д. Кути Песоцкого прихода Новоладожского уезда. На месте ее чудесного явления местными крестьянами была построена часовня. В 1668 г. с места явления икона вмц. Параскевы Пятницы по распоряжению митрополита Новгородского Корнилия была перенесена вместе с часовней в Староладожский Ивановский монастырь, который располагался на Малышевой Горе. А спустя 47 лет после упразднения этого

[5] *Р[угодивц]ев.* Ильешский приход // Гдовско-Ямбургский листок. 1872. № 28; Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб., 1885. С. 399–410.

[6] *Королькова Л. В.* Почитаемые культовые памятники Ленинградской области: История и современность // Рябининские чтения-2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2019. С. 91–94.

монастыря, в 1811 г. чудотворная икона была передана в Никольский монастырь (Старая Ладога)[7]. Об охтинской иконе известно, что уже в середине XVIII в. в Ильинскую пятницу на поклонение к местной святыне приходили тысячи богомольцев, их количество год от года постоянно увеличивалось[8]. Недалеко от северной столицы, в приходском храме с. Ям-Ижора хранилась ещё одна почитаемая икона вмц. Параскевы, которая привлекала богомольцев в Ильинскую пятницу. Почитание этого образа началось после пожара, произошедшего в 1855 г. Поскольку икона сохранила в огне свой облик и не была повреждена, случившееся было названо чудом, а икона стала считаться чудотворной[9].

Ещё три особо почитаемые иконы вмц. Параскевы Пятницы находились в разных концах губернии. Их обретение было связано с явлением на деревьях. Так, в Новоладожском уезде в часовне д. Юхора (XVIII в.) хранилась икона вмц. Параскевы, которая, согласно преданию, явилась местным жителям на дереве. В девятую пятницу Пасхи к этой святыне приходило большое число богомольцев. В Лужском уезде известно два места явления иконы великомученицы. Одна из почитаемых икон была явлена местному крестьянину в шести верстах от церкви с. Болотско. Здесь для неё специально была построена часовня[10]. Другая явленная икона хранилась в приходском храме с. Чупрова Гора того же уезда. Это был старинный образ с изображением мученического подвига святой; икона была написана на дереве. По местной легенде, образ был найден на дубе[11].

Явленные иконы Казанской Божией Матери на территории Санкт-Петербургской губернии находились как в городских, так и в сельских храмах и часовнях. Наибольшим почитанием пользовалась икона, хранившаяся в соборе Иоанна Предтечи г. Шлиссельбурга. Этот образ считался чудотворным. Согласно преданию, икона была явлена часовому, который увидел свет, исходящий из стены бывшей шведской кирхи. Стену разобрали и обнаружили там икону Казанской Божией Матери. После помещения в храм икона прославилась своими чудесами. Ей в заслугу ставили избавление от падежа скота (1802 г.), спасение города от пожара 1840 г.[12] В Новоладожском уезде чудотворная икона Казанской Божией матери хранилась в Успенском Староладожском монастыре и в часовне прор. Илии в д. Заполек; по легенде, она явилась в 1812 г. в поле местному крестьянину[13].

В Лужском уезде особо почитаемые иконы принадлежали церкви Троицы Живоначальной с. Боброво и Казанскому собору г. Луга. В Царскосельском уезде чудотворная икона «Казанская» находилась в Благовещенской церкви с. Кузьмино, она считалась «целительницей». Согласно преданию, икона явилась в 1826 г. крестьянке д. Александровка во сне и была обретена на берегу р. Кузьминки. Об этом явлении было доложено священнику приходской Знаменской церкви, а затем церковным властям, в том числе митрополиту Серафиму. По указанию владыки 29 апреля 1826 г. икона была перенесена в храм. Летом того же года на поклонение к чудотворной иконе приезжали император Николай Павлович с супругой Александрой Федоровной и великой княжной Марией Николаевной[14].

---

[7] ЦГИА СПб. Ф. 857. Оп. 1. Д. 203. Л. 18. Краткий очерк истории Староладожского монастыря. Опись Староладожского Николаевского монастыря.

[8] Часовня св. вмц. Параскевы Пятницы на Пороховых // URL: https://sobory.ru/article/?object=34757 (дата обращения: 20.05.2022).

[9] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. С. 405–412.

[10] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. С. 466–467.

[11] Там же. С. 372–374.

[12] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. С. 254–269.

[13] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. СПб., 1871. С. 143–238.

[14] Церковь Казанской иконы Божией Матери (Александровская) // URL: https://spb-sovtrans.ru/stati/6968-cerkov-kazanskoy-ikony-bozhiey-materi-aleksandrovskaya.html (дата обращения: 25.05.2022).

Вторым по числу чудотворных богородичных икон на территории Санкт-Петербургской губернии был образ Божия Матерь «Всех скорбящих радость». Эти иконы хранились в следующих храмах: в Скорбященской церкви Царского Села; в церкви вмч. Георгия Победоносца (Старая Ладога), где рассматриваемый образ считался исцеляющим от болезней; в Черменецком монастыре и в Вознесенской церкви с. Валговицы[15]. Третьим по численности среди чудотворных икон был образ Божией Матери «Тихвинская». В Лужском уезде особо почиталась икона из Знаменской церкви д. Гагрино. В 1831 г. она помогла местным крестьянам избавиться от холеры. Чудотворная Тихвинская икона (целительница) хранилась в церкви Успения Божией Матери в Ивангородской крепости. Она была обретена после завоевания Нарвы — в пепле. К этой иконе в праздники стекалось большое количество богомольцев с разными недугами. К святыне приносили вотивные дары: серебряные подвески — ножки, сердца; украшения — кольца, серьги[16]. Ещё одна особо почитаемая икона Божия Матерь «Тихвинская» известна на территории Новоладожского уезда. Она хранилась в часовне, расположенной в версте от приходского храма с. Загубье[17].

Чудотворные иконы с иконографией Успение Божией Матери известны только в двух населенных пунктах Новоладожского уезда. Оба образа имели большую известность и особо почитались. Первая из них хранилась в Успенской церкви с. Сясьские Рядки. Ее почитание было связано с историей чудесного спасения русских пленников из шведского плена. Вторая святыня принадлежала церкви Успения пресвятой Богородицы (Старая Ладога). Также на территории Санкт-Петербургской губернии известны чудотворные иконы Покров Пресвятой Богородицы. Обе они стали особо почитаться после пожара, поскольку сохранились в огне. Одна из них находилась в храме с. Югостицы Лужского уезда. Она прославилась исцелением от глазных болезней. Другая икона принадлежала Покровской церкви с. Сарь[18].

Остальные чудотворные иконы из богородичной серии были единичны. Почитаемая старинная икона Рождество Богородицы хранилась в часовне д. Стояницы Новоладожского уезда. Икона Божия Матерь Владимирская — в приходском храме с. Глажево того же уезда. Здесь её почитание связывали с преданием «об ослеплении шведов и обращении их в бегство»[19]. Чудотворный образ «Знамение» Божией Матери находился в Малой Знаменской церкви Царского Села. Эта икона в 1831 г., согласно преданию, принесла жителям избавление от холеры[20].

В числе явленных икон известен всего один образ Божия Матерь «Споручица грешных». Он хранился в Посолотинском мужском монастыре Лужского уезда, под колокольней храма Входа Господня в Иерусалим, где в пещере у источника произошло явление иконы. Известно, что эта икона была увезена в г. Псков в епархиальное управление[21]. Ещё одна икона Собор Пресвятой Богородицы — единственный по иконографии среди богородичных икон образ, хранился в Староладожском Никольском монастыре. Согласно местному преданию, он был обретён в монастырской кладовой, где находился среди ветхих икон. Обнаружить его удалось благодаря видению одного безнадежно больного жителя с. Путилово. В благодарность он получил исцеление от своего недуга[22]. Последняя из ряда явленных богородичных икон — икона Божией Матери Свенская (Печерская), зафиксирована в Лужском уезда. Явление иконы произошло в 1851 г. в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы,

[15] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб., 1885. С. 325–335.

[16] Там же. С. 301.

[17] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. С. 297.

[18] Там же. С. 198–199.

[19] Там же. С. 257–260.

[20] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. С. 323–324.

[21] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. С. 427–432.

[22] ЦГИА СПб. Ф. 857. Оп. 1. Д. 203. Л. 17–18.

недалеко от деревни Турово. На месте её чудесного явления, над родником, была сооружена часовня и рядом с ней купальня. Вода из источника считалась целебной. В заключение рассмотрения этой группы икон нужно упомянуть чудотворную икону вмц. Анастасии Узорешительницы, которая находилась в иконостасе старого храма с. Заполья Лужского уезда[23].

Среди икон святых мужей наиболее представлен образ свт. Николая Чудотворца, за ним следуют иконы прор. Илии (2 иконы), образ апп. Петра и Павла (1) и образ ап. Иоанна Богослова (1). Самая древняя чудотворная икона свт. Николая Чудотворца, с житием и чудесами, находилась в Никольском монастыре в Старой Ладоге. На ней святитель изображен в полный рост, вокруг него располагались клейма. Первоначально эта икона принадлежала древнему Никольскому монастырю. В годы Русско-шведской войны (1610–1617 гг.) этот монастырь был разорен шведскими войсками, однако икона сохранилась целой и невредимой[24]. Ещё одна древняя святыня — почитаемый деревянный резной образ свт. Николая Чудотворца (Можайский) хранился в Никольском храме с. Никольского Шлиссельбургского уезда. Он почитался чудотворным, поскольку в храме было много случаев исцеления больных, обращавшихся с молитвами к свт. Николаю. На поклонение иконе приезжал император. Первое чудесное исцеление было зафиксировано в 1773 г., а последующие чудеса произошли в 1800, 1835 и 1843 гг.[25]

Кроме вышеназванной святыни, в Шлиссельбургском уезде явленные и чудотворные образы были зафиксированы в с. Колпино (церковь Святой Троицы), в с. Ям-Ижора и в с. Матокса. Икона Троицкого храма, согласно преданию, явилась рабочему 23 декабря 1713 г. на р. Ижоре и помогла ему исцелиться от болезни. Образ, хранившийся в приходской церкви блгв. кн. Александра Невского (с. Матокса), пользовался особым почитанием и привлекал в храм сотни богомольцев из местных деревень, даже из северо-восточных пригородов Петербурга. В Новоладожском уезде ещё две особо почитаемые иконы свт. Николая Чудотворца находились в храме Преображения Господня (с. Кусяга) и в храме Покрова Пресвятой Богородицы, расположенном на Ладожском канале (с. Дубно). Эта икона, согласно местному преданию, была найдена в 1710 г. жительницей деревни на берегу Ладожского озера. Известно, что указанные иконы особо почиталась рыбаками и судовладельцами[26]. Ещё один особо почитаемый старинный образ свт. Николая Чудотворца хранился в часовне с. Морозово. В Лужском уезде известны три особо почитаемые иконы свт. Николая Чудотворца. Одна из них была явлена на территории прихода храма Покрова Божией Матери (с. Вычелбок) и хранилась в часовне д. Заполье, расположенной недалеко от места явления. Ещё две особо почитаемые иконы свт. Николая Чудотворца находились в Никольской церкви села Каменный Погост[27].

Две особо почитаемые иконы из числа образов святых мужей — это икона Пророк Илия с деяниями и икона Пророк Илия, питаемый вороном. Первая из этих икон хранилась в церкви Архистратига Михаила с. Бегуницы, а вторая — в приходском храме с. Чёрное Новоладожского уезда. Обе иконы почитались чудотворными, поскольку сохранились при пожаре[28]. Единичными экземплярами представлены чудотворные иконы апп. Петра и Павла из церкви Рождества Богородицы (с. Тюнев Посад) и икона ап. Иоанна Богослова из Череменецкого монастыря. Первая икона особо почиталась рыбаками, отправлявшимися на лов рыбы. Эту икону использовали во время молебнов, которые служились перед выходом судов в Ладожское озеро[29].

---

[23] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. С. 224.

[24] ЦГИА СПб. Ф. 857. Оп. 1. Д. 203. Л. 17.

[25] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. С. 298–311.

[26] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. С. 307–315.

[27] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 10. С. 144–147.

[28] Там же. С. 45–50; Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. С. 176–182.

[29] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. С. 243–244.

Таким образом, на территории Санкт-Петербургской губернии в настоящее время выявлено довольно значительное количество явленных и чудотворных икон. К сожалению, история их появления в опубликованных источниках, которые находились в нашем распоряжении, краткая или фрагментарная. Поэтому при проведении дальнейших изысканий в этом направлении потребуется привлечение дополнительных, неопубликованных источников и привлечение материалов периодической печати. Ещё меньше сведений о том, как сложилась судьба особо почитаемых икон в богоборческое время. Наши изыскания показывают, что в ближайшем будущем эту историческую лакуну можно будет заполнить, поскольку архивы хранят ещё много материалов по интересующей нас теме.

В качестве примера приведем информацию по Новоладожскому уезду, которая дает представление о судьбах местных святынь в начале 1920-х гг. Так, в 1919–1922 гг. чудотворные иконы ещё оставались в храмах[30]. Церковные двадцатки брали на себя обязательство «беречь передаваемое народное достояние, принимать на себя всю ответственность за целостность и сохранность вверенного им имущества церкви»[31]. В 1922 г. ряд чудотворных икон лишились серебряных и золотых окладов. Утаить святыни было нельзя, поскольку члены комиссий, уполномоченные изымать церковные ценности, имели при себе подробные описи имущества храмов 1887, 1900, 1902 и 1920 гг.[32] В 1924 г. начался процесс изъятия из церквей предметов музейного и историко-бытового назначения. К этому времени уже многие церкви и соборы, в которых хранились особо почитаемые иконы, находились на государственной охране как «памятники древнего искусства» (декрет ВЦИК от 7 января 1924 г.)[33]. В 1926 г. началось массовое изъятие церковных древностей[34]. Можно предположить, что все явленные и чудотворные иконы, которые не были изъяты в 1920-е годы, сохранились в своих храмах до их окончательного закрытия.

Источники и литература

1. *Бруцкая Л. А.* Сказания о явленных и чудотворных иконах в Пермском Приуралье XVII–XVIII вв. // Источники по истории народной культуры Севера. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар. 1991. С. 58–65.

2. *Злотникова И. В.* Чудотворные иконы Брянского края и их списки. Проблемы бытования и иконографии. Дисс. … кандидата искусствоведения. М., 2011. 348 с.

3. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. СПб.: С.-Петербургский епархиальный ист.-стат. комитет, 1871. 440 с.

4. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб.: С.-Петербургский епархиальный ист.-стат. комитет, 1884. 513 с.

5. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. СПб.: С.-Петербургский епархиальный ист.-стат. комитет, 1884. 534 с.

6. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб.: С.-Петербургский епархиальный ист.-стат. комитет, 1885. 514 с.

[30] ЦГА СПб. Ф. 7462. Оп. 40. Д. 16. Л. 4, 26, 27. 1920 г. Акты по изъятию церковных ценностей. 1922 г.; Там же. Ф. 1001. Оп. 107. Д. 44. Л. 71, 72, 158. Описи церквей Новоладожского уезда Петроградской губернии. 1920 г.

[31] Там же. Л. 71, 72.

[32] Там же. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 106. Л. 129. Акты уездного финотдела по изъятию церковного имущества. 1919–1922 гг.

[33] Там же. Ф. 1001. Оп. 106. Д. 575. Л. 4–5. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 106. Д. 575. Л. 4. Переписка с Волховским уездным исполкомом и Главнаукой о закрытии женского Успенского монастыря; и о принятии мер к охране церковного имущества. Акты приема и описи изъятых ценностей. 1924–1927 гг.

[34] Там же. Л. 31–47.

7. *Королькова Л. В.* Почитаемые культовые памятники Ленинградской области: История и современность // Рябининские чтения-2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2019. С. 91–94.

8. *Маркелов А. В.* «Местночтимые иконы и святыни в церковно-общественной жизни Российской провинции второй половины XVII — начала XX вв. (на примере Вятской епархии)». Автореф. канд. ист. наук. Киров. 2011. 393 с.

9. *Р[угодивц]ев.* Ильешский приход // Гдовско-Ямбургский листок 1872. № 28.

10. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 106. Д. 575. Переписка с Волховским уездным исполкомом и Главнаукой о закрытии женского Успенского монастыря и о принятии мер к охране церковного имущества. Акты приема и описи изъятых ценностей. 1924–1927 гг.

11. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 107. Д. 44. Описи церквей Новоладожского уезда Петроградской губернии. 1920 г.

12. ЦГА СПб. Ф. 7462. Оп. 40. Д. 16. Акты уфинотдела по изъятию церковных ценностей. 1922 г.

13. ЦГА СПб. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 106. Акты уфинотдела по изъятию церковного имущества. 1919–1922 г.

14. ЦГИА СПб. Ф. 857. Оп. 1. Д. 203. Краткий очерк истории Староладожского монастыря. Опись Староладожского Николаевского монастыря.

15. Церковь Казанской иконы Божией Матери (Александровская) // URL: https://spb-sovtrans.ru/stati/6968-cerkov-kazanskoy-ikony-bozhiey-materi-aleksandrovskaya.html (дата обращения: 25.05.2022)

16. Часовня св. вмц. Параскевы Пятницы на Пороховых // URL: https://sobory.ru/article/?object=34757 (дата обращения: 20.05.2022)

17. *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в российском православии XIX–XXI вв. (на примере почитания чудотворных икон в Московской епархии). Дисс… канд. ист. наук. М., 2005. 256 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

Е. Н. Ропакова

Денежные средства приходского храма: доходы и расходы Георгиевской церкви в 1845–1917 гг. (Гдовский уезд, Санкт-Петербургская епархия)

УДК 271.2-772(470.23-25)-9"1845/1917"
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_111
EDN QYPUTX

Аннотация: Статья посвящена исследованию денежных средств сельской приходской церкви по приходо-расходным книгам. Хорошая сохранность источников в фонде Ложголовской Георгиевской церкви в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга позволяет изучить 70-летний период финансовой деятельности этого храма (1845–1917 гг.). В статье рассматриваются способы формирования доходов храма, статьи расхода, обязательные отчисления, благотворительные сборы на церковные и общегосударственные нужды, анализируется влияние церковных реформ 1860–1870-х гг. на материальное благополучие приходской церкви.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская епархия, православный приход, приходо-расходные книги приходской церкви.

Об авторе: **Елена Николаевна Ропакова**
Кандидат исторических наук, главный библиотекарь Российской национальной библиотеки.
E-mail: re.poslanie@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8251-5272

Для цитирования: Ропакова Е. Н. Денежные средства приходского храма: доходы и расходы Георгиевской церкви в 1845–1917 гг. (Гдовский уезд, Санкт-Петербургская епархия) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 111–122.

* Фотографии предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Elena N. Ropakova

Financial Resources of the Parish Church: Revenues and Expenditures of the Georgievskaya Church in 1845–1917 (Gdov Uyezd, Saint Petersburg Diocese)

UDC 271.2-772(470.23-25)-9"1845/1917"
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_111
EDN QYPUTX

Abstract: The article explores the financial resources of a rural parish church based on parish ledger entries. The well-preserved sources in the collection of the Georgievskaya Church in Lozhgolovo at the Central State Historical Archive of St. Petersburg allow for a study of the 70-year period of financial activities of this church (1845–1917). The article examines the methods of forming the church's revenues, expenditure items, mandatory contributions, charitable collections for church and state needs, and analyzes the impact of church reforms in the 1860s and 1870s on the material well-being of the parish church.

Keywords: Saint Petersburg Diocese, Orthodox parish, parish ledger entries.

About the author: **Elena Nikolaevna Ropakova**
Ph.D. in History, Chief Librarian at the Russian National Library.
E-mail: re.poslanie@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8251-5272

For citation: Ropakova E. N. Financial Resources of the Parish Church: Revenues and Expenditures of the Georgievskaya Church in 1845–1917 (Gdov Uyezd, Saint Petersburg Diocese). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 111–122.

* Photos provided by the author.

Вопрос о средствах Русской Православной Церкви дореволюционного периода продолжает интересовать исследователей. Нередко для ориентира в дискуссии о богатствах православных церквей служат оставшиеся после советской антирелигиозной политики столичные храмы или музейные комплексы монастырей. Меньше повезло небольшим провинциальным городским и сельским храмам. Полувековой период использования церквей в качестве овощехранилищ, клубов или кинотеатров не способствовали сохранению зданий. Поэтому судить о благополучии, благолепии таких храмов дореволюционного периода даже после современного восстановления весьма трудно.

Еще один аспект, который интересует исследователей, — это отношение прихожан к своему храму. Безусловно, существует множество опубликованных воспоминаний или дневников священно- и церковнослужителей и прихожан. Но в большинстве своем такие записки повествуют о личных наблюдениях, впечатлениях и переживаниях. В них обычно отсутствуют ссылки на какие-либо документы. Изучить церковную повседневность нам помогает широкий круг документов, сохранившихся в архивах страны.

Одним из видов документов, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью приходских храмов, являются приходные и расходные книги. Их использование в качестве исторического источника предполагает соблюдение нескольких условий. По нашему мнению, прежде всего необходимо располагать большим комплексом подобных документов, то есть, иметь массовый источник с одинаковыми особенностями и признаками (происхождение, однородность содержания, однотипность форм). Поскольку приходо-расходные книги обладают данными признаками, особенно — в случаях их сохранности за несколько десятилетий, мы вправе считать такие документы историческим источником. Второе условие — это достоверность финансовой отчетности приходских церквей. В историографии неоднократно высказывалось недоверие к этой отчетности, по которой нельзя было создать реальную картину движения денежных средств приходов. На правильность отражения в приходо-расходных книгах средств приходского храма влияло несколько факторов. Епископ Нарвский Никон (Софийский) после поездки в 1901 г. по церквям Лужского и Царскосельского уездов С.-Петербургской епархии отмечал причины несоответствия записей действительному поступлению денег. Как объясняли ему священники, помимо существовавшего в епархии обычая «показывать доходы в книгах неполно с целью уменьшить налоги на церковь», в церкви необходимо было иметь «негласные суммы» на непредвиденные расходы или «на расходы такого характера, каковые писать в книги» считалось неудобным (например, благодарность за труды местному благочинному, который дважды в год инспектировал приход)[1]. Ущерб церковному хозяйству происходил также по вине нечестного церковного старосты, который мог воспользоваться неопытностью молодого священника и не проводить положенной ежемесячной высыпки и пересчета денег. В свою очередь причт, который «утаивал от начальства и прихожан церковные деньги», «собираемые с народа потовыми копейками на храм Божий», по мнению епископа Никона, терял авторитет в глазах прихожан. Также, подчеркивал епископ, наносился ущерб епархиальному хозяйству, это приводило к «несправедливости в обложении церквей», тормозило развитие и благоустройство церковно-приходских школ. Поэтому при работе с имеющимися в нашем распоряжении приходо-расходными книгами конкретных церквей необходимо учитывать различные исторические, хозяйственные и финансовые аспекты функционирования самого приходского храма, личные качества членов причта и взаимоотношения их с прихожанами.

Фонд документов церкви св. вмч. Георгия в селе Ложголово Гдовского уезда С.-Петербургской епархии (ЦГИА СПб, ф. 1799) насчитывает 70 дел, из которых 27 являются приходо-расходными книгами за 1845–1917 гг.

[1] Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 93. Д. 17. Л. 65–65 об.

Станция Веймарн и село Ложголово
на фрагменте карты С.-Петербургской губернии

Село Ложголово находилось в 140 верстах от С.-Петербурга, в 85 верстах от города Гдова и в 30 верстах — от станции Веймарн Балтийской железной дороги (станция существует и в настоящее время). Церковь стояла на возвышении рядом с селом. Приход насчитывал 1102 души мужского и женского пола в 1858 г., 1254 — в 1870 г., 1576 — к началу XX в. Ближние к церкви деревни находились на расстоянии от 0,5 до 1,5 верст, однако, прихожанам шести деревень приходилось преодолевать путь к храму протяженностью от 5 до 20 верст.

Церковь в Ложголове существовала издавна. До 1831 г. здесь была деревянная церковь с теплым Покровским приделом, построенная около 1660 г. В 1831 г. она сгорела. Новая каменная церковь была построена в 1832–1834 гг. на собранные средства — более 8000 руб. ассигнациями. Поскольку храм был тесным и темным, в 1879 г. он был расширен, а после ремонта в начале XX в. приобрел современный вид[2]. Приходской причт после введения штата 1843 г. состоял из священника, дьячка, пономаря и просвирни, после реформы с 1868 г. — из священника и псаломщика. В интересующий нас временной отрезок приходом руководили восемь священников: Александр Самсониевский (1839–1855 гг.), Иоанн Кедров (1855–1858 гг.), Константин Травлинский (1859–1860 гг.), Павел Третьяков (1860–1865 гг.), Петр Кемецкий (1865–1889 гг.), Николай Павский (1889–1896 гг.), Владимир Георгиевский (1896–1908 гг.) и Владимир Виноградов (с 1908 г.). Отметим, что при работе с приходо-расходными книгами следует учитывать еще один фактор, который мог влиять на количество собираемых в церкви сумм и их расход, — срок службы священника на приходе. Например, можно ли говорить о стабильном и постепенном увеличении церковного дохода там, где стаж служения священнослужителя составлял 25–30 и более лет. Или на примере Ложголовской церкви – сказывалась ли такая частая сменяемость

[2] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб., 1885. С. 194.

священников на приходе (и их временная замена настоятелем соседнего прихода) на общие суммы церковного дохода.

До 1873 г. приходо-расходные книги были полностью рукописными: листы бумаги, разлинованные от руки, заполнялись необходимыми сведениями и велись, как правило священниками, но бывали случаи, когда почерк в этих документах принадлежал диакону. В дальнейшем денежные средства записывались в специальные книги размерами 35 х 22 см, которые состояли из нескольких десятков сброшюрованных и переплетенных *графопечатных листов*; срок ведения таких книг составлял три года. По существовавшим правилам следовало ежемесячно высыпать все вырученные за продажу свечей и собранные в кошелек и кружки деньги из церковной казны (или специально устроенного ящика «за ключами старосты и печатьми священнослужителей и старосты»), пересчитывать их и записывать в приходные книги. В расходных книгах также следовало записать произведенные траты церковных средств и засвидетельствовать запись подписями. Отметим, что церковные старосты далеко не всегда были грамотными людьми, в таких случаях по их просьбе подписывался доверенный человек.

Георгиевская церковь в селе Ложголово, 1910 г.

Основными статьями дохода Георгиевской церкви были доход от продажи свечей и кошельковый и кружечный сборы. Напомним, что, согласно указу 1808 г., розничная продажа свечей предоставлялась исключительно церкви. При этом *чистая прибыль* от продажи свечей перечислялась Комиссии духовных училищ на нужды духовного

Внутреннее убранство Георгиевской церкви в селе Ложголово, 1910 г.

Современный вид Георгиевской церкви в селе Ложголово

образования. Средства, которые были необходимы для покупки свечей для богослужения и треб (их количество было известно причту и церковному старосте), оставались в распоряжении церкви. При покупке свечей общая сумма затрат уменьшалась на сумму, вырученную от продажи свечных огарков.

Дополнением к основному доходу были *оброчные статьи.* А поскольку в собственности Георгиевской церкви не было ни домов, ни торговых лавок, которые можно было бы сдать в аренду, доходы по данным статьям складывались из сумм, поступавших за освещение на свадьбах и за предоставлявшиеся церковью покровы и подсвечники для панихид и отпеваний усопших. Отдельная графа с указанием такого дохода появляется в приходных книгах Ложголовской церкви в 1881 г.

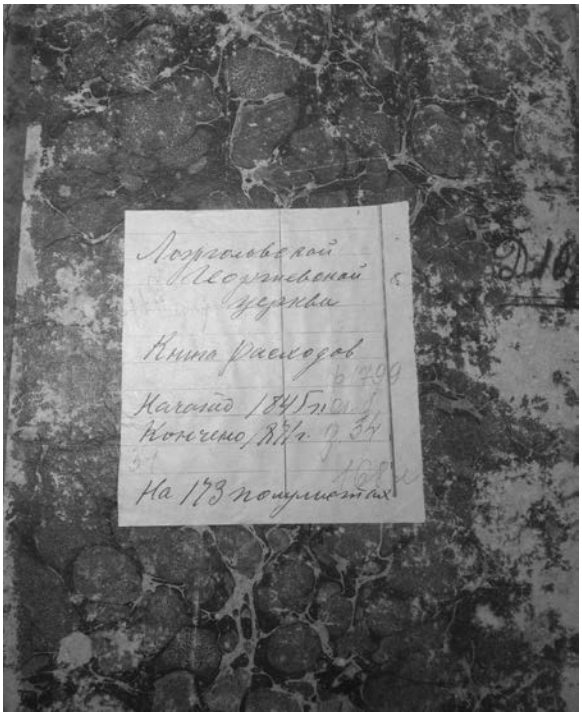
Чтобы сравнить имеющиеся в нашем распоряжении данные о доходах Георгиевского храма, мы будем учитывать следующие показатели: а) остаток от дохода предыдущего года, б) доход от продажи свечей и огарков, в) кошельковый и кружечный сборы, г) оброчные статьи, д) общую сумму (в приходо-расходных книгах суммы указывались в рублях и копейках *серебром*).

Год	Остаток от прошлого года	Доход от продажи свечей и огарков	Кружечный и кошельковый сборы	Оброчные статьи	Всего
1845	19 р. 90 к.	124 р.14 к.	118 р.		**262 р. 4 к.**
1855	118 р. 67 к.	148 р. 31 к.	178 р. 37 к.		**445 р. 35 к.**
1860	227 р. 90 к.	187 р. 86 к	195 р. 54 к.		**611 р. 30 к.**
1865	118 р. 86 к.	207 р. 15 к	233 р.		**559 р. 01 к.**
1870	113 р. 96 к.	186 р. 05 к.	312 р. 76 к.		**612 р. 77 к.**
1878	58 р. 62 к.	221 р. 50 к.	271 р. 20 к.		**551 р. 32 к.**
1882	42 р. 96 к.	205 р. 40 к.	218 р. 24 к.	35 р.	**501 р. 60 к.**
1891	139 р. 94 к.	268 р .40 к.	209 р. 46 к.	320 р. 43 к.[3]	**938 р. 23 к.**
1898	66 р. 42 к.	856 р. 30 к.	252 р. 79 к.	176 р. 21 к.	**1351 р. 72 к.**
1900	336 р. 48 к.	1171 р. 60 к.	219 р. 52 к.	78 р. 24 к.	**1469 р. 36 к.**
1913	21 к.	1728 р. 27 к.	280 р. 61 к.	69 р. 30 к.	**2078 р. 39 к.**
1915	1 р. 21 к.	2392 р. 37 к.	239 р 63 к.	207 р.	**2840 р. 21 к.**[4]

[3] В общую сумму оброчного дохода здесь включены в том числе: 171 р. 8 к., полученные в качестве процентов с церковного капитала, хранившегося в билетах на сумму 1800 р., и 80 р. 85 к., полученные от службы в часовне.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 33 (1845–1871 гг.), Д. 36 (1877–1879 гг.), Д. 38 (1880–1882 гг.), Д. 42 (1889–1891 гг.), Д. 48 (1899–1900 гг.), Д. 61 (1913–1915 гг.). Поскольку в большинстве случаев общие

Как мы видим, за длительный период общая сумма дохода Георгиевской церкви увеличилась в 10 раз, а доход от продажи свечей — в 19 раз. На первый взгляд — это очень значительное увеличение. Однако, следует учитывать несколько факторов. Население прихода за прошедшее время увеличилось на треть. Нельзя также забывать о девальвации рубля и росте цен (например, по сравнению с концом XIX в. к 1907 г. цены поднялись на 30%[5]). Если 1860–1870-х гг. пуд церковных свечей можно было купить в С.-Петербурге за 26 р., то впоследствии они стоили 30–34 р. за пуд. С началом функционирования епархиального свечного завода в 1893 г. все церковные свечи должны были приобретаться только на его складе (С.-Петербург, угол Гороховой и Садовой улиц, дом № 38) по цене 32 р. за пуд. Со временем изменились и сами свечи. В 1840–50-х гг. преобладало большее количество свечей желтого воска, которые были дешевле белого. Так, например, в 1858 г., в апреле (в этом месяце традиционно продавалось самое большое количество свечей в году) прихожане купили 23 фунта свечей из желтого воска и 15 фунтов — из белого[6]. В дальнейшем из расходных статей свечи из желтого воска исчезают и остаются только свечи из белого воска, более дорогого. К сожалению, в документах Ложголовского прихода не обнаружены сами счета, которые встречаются в фондах других церквей и показывают *состав* покупавшихся свечей, например, сообщается, что было куплено по 1 пуду свечей «2-х коп.» и «3-х коп.», 10 фунтов свечей «30-ти коп.», 30 фунтов люстровых свечей. По документам свечного завода видно, что более дешевые и, следовательно, более легкие по весу свечи уже не продавались церквям, их заменяли на пяти- и десятикопеечные и более дорогие, что вело к «утяжелению» общего количество купленных свечей. В Ложголовской церкви в 1845 г. было приобретено 3 пуда 2 фунта (50,02 кг) свечей, которые покупались несколькими партиями по 5–10 фунтов[7]; в 1860-х гг. в среднем здесь приобреталось по 3 пуда 15 фунтов свечей в год, в 1870-х гг. — по 3 пуда 20 фунтов, в 1880-х гг. — по 4 пуда (по 34 р.), в конце XIX — начале XX вв. — по 12 пудов (192 кг). Значительная разница прослеживается и в выручке от продажи огарков: 19 р. 50 к. за 30 фунтов в 1879 г.[8], 86 р. 94 к. за почти 4 пуда в 1899 г.[9], 208 р. 44 к. за 9 пудов 25 фунтов в 1913 г.[10]



Обложка книги расходов
Ложголовской Георгиевской церкви

суммы доходов приходской церкви получались путем сложения поступивших доходов за все месяцы, конкретные листы дел фонда здесь не указываются.

[5] *Билимович А.* Подъем товарных цен в России. Киев, 1909. С. 5.

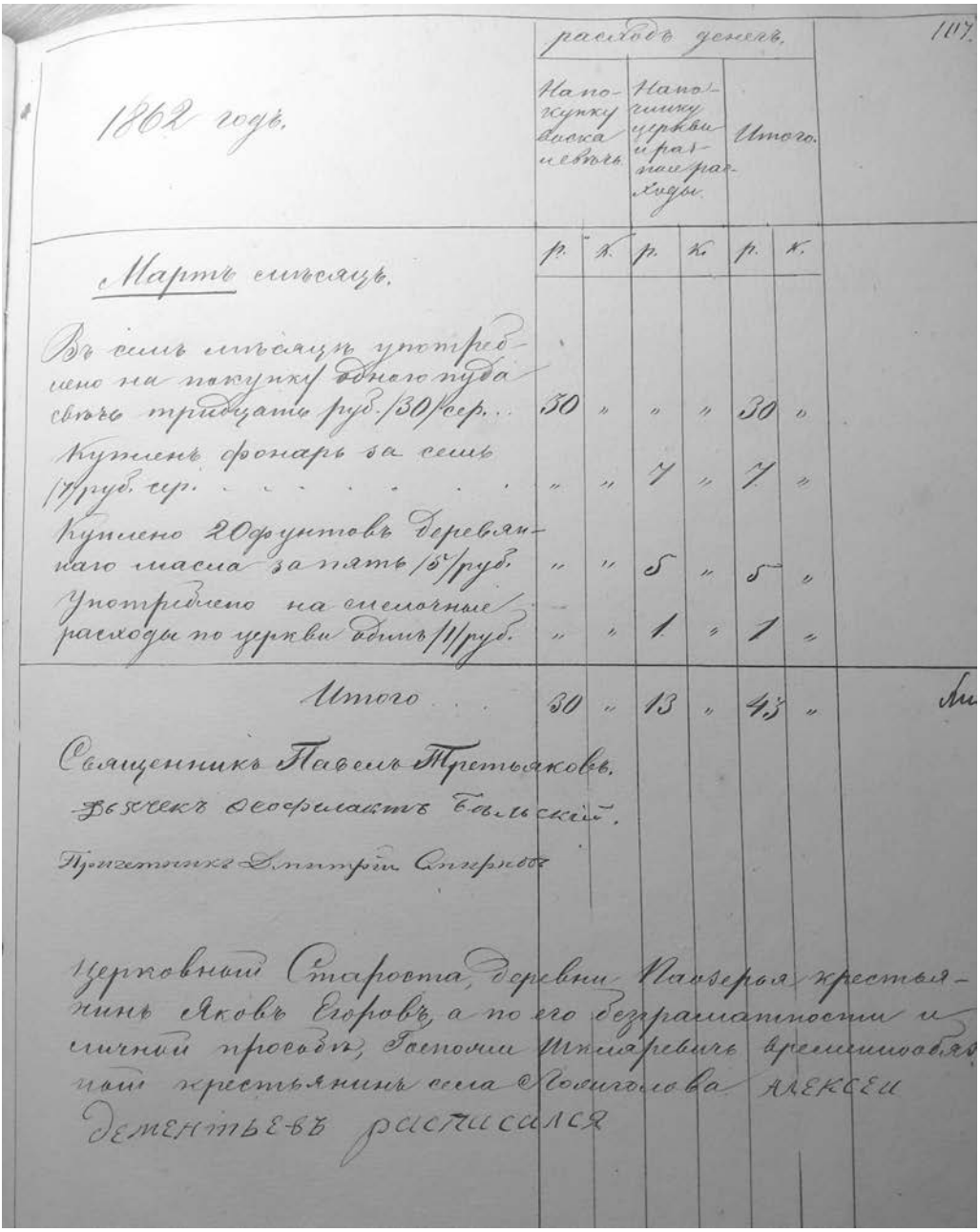
[6] ЦГИА СПб. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 33. Л. 87.

[7] ЦГИА СПб. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 33. (12 статей расхода).

[8] ЦГИА СПб. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 36. Л. 12 об.–13, 19 об.–20.

[9] ЦГИА СПб. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 48. Л. 6 об.–7.

[10] ЦГИА СПб. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.–3, 10 об.–11, 11 об.–12, 13 об.–14.



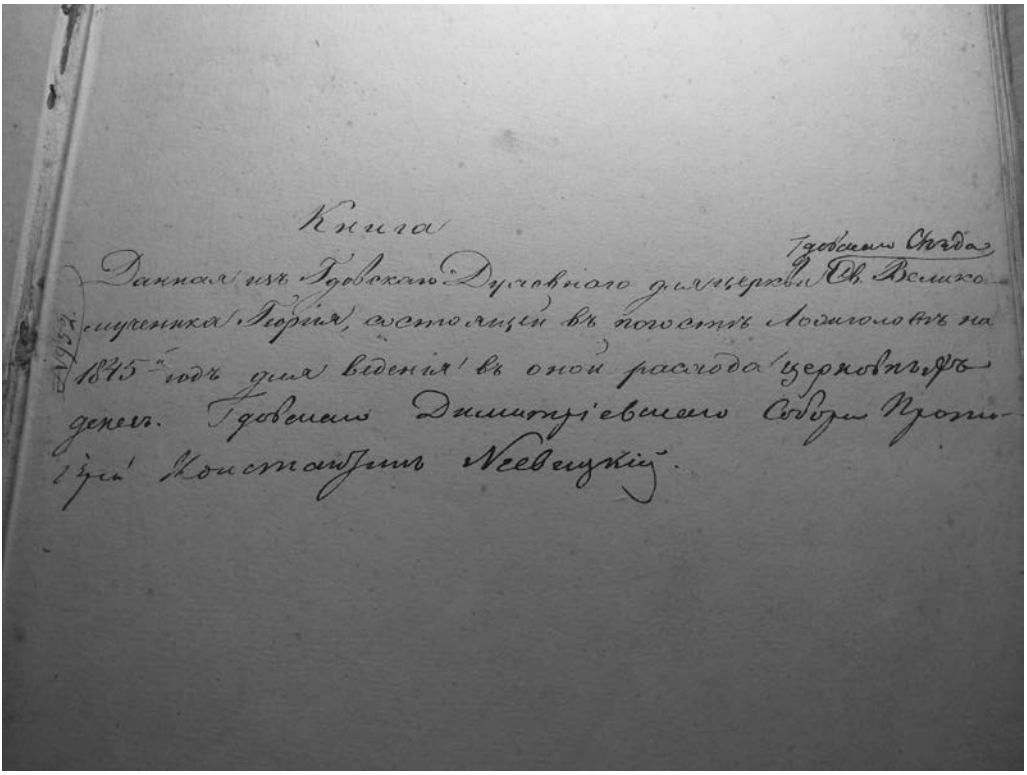
1862 годъ.	расходъ денегъ.						107.
	На покупку воска и свѣчь		На починку церкви и разные расходы		Итого.		
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	
Мартъ мѣсяцъ.							
Въ семъ мѣсяцѣ употреблено на покупку одного пуда свѣчь тридцать руб. (30) сер.	30	"	"	"	30	"	
Купленъ фонарь за семь (7) руб. сер.	"	"	7	"	7	"	
Куплено 20 фунтовъ деревяннаго масла за пять (5) руб.	"	"	5	"	5	"	
Употреблено на мелочные расходы по церкви одинъ (1) руб.	"	"	1	"	1	"	
Итого	30	"	13	"	43	"	Ли

Священникъ Павелъ Третьяковъ.
Дьячекъ Ѳеофилактъ Бѣльскій.
Причетникъ Дмитрій Смирновъ

Церковный Староста, деревни Паозерья крестьянинъ Яковъ Егоровъ, а по его безграмотности и личной просьбѣ, Госпожи Шкляревичъ временнообязанный крестьянинъ села Ложголова АЛЕКСЕЙ ДЕМЕНТЬЕВЪ расписался

Страница книги расходов Ложголовской Георгиевской церкви, 1862 г.

Относительно кружечного и кошелькового сбора возникает вопрос — почему доход от него увеличился только в два раза? Прежде всего, следует обратить внимание на то, что здание церкви неоднократно ремонтировалось и перестраивалось и это всегда осуществлялось на средства местных прихожан. Причем крайне редко встречаются формулировки, говорящие, что средства поступили «от неизвестного лица». При церкви в 1878 г. было создано приходское попечительство, которое также занималось сбором средств на благоустройство храма. В течение исследуемого периода


Книга
Гдовскаго Спасо
Данная изъ Гдовскаго Духовнаго для церкви Св. Велико-
мученика Георгія, состоящей въ погостѣ Ложголовѣ на
1845 годъ для веденія въ оной расхода церковныхъ
денегъ. Гдовскаго Дмитріевскаго Собора Протои-
ерей Константинъ Невецкій.

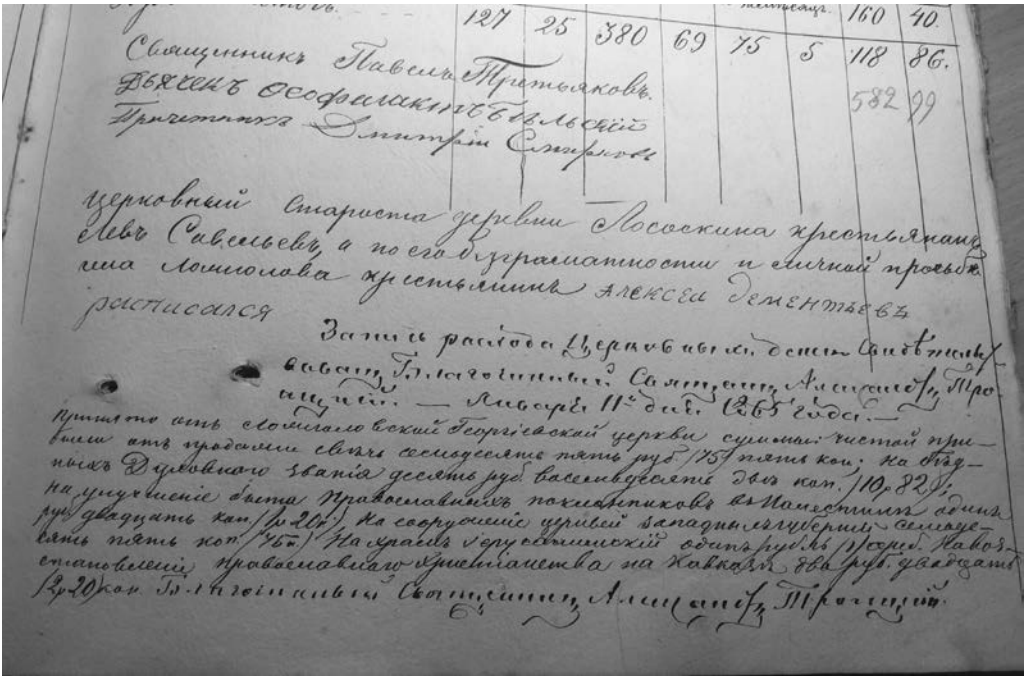
Заглавие книги расходов Ложголовской Георгиевской церкви, 1845 г.

прихожанами также были построены деревянная школа-церковь в Ложголове и каменная Георгиевская часовня.

Церковный дом для священника, построенный в 1840 г. помещиком Татариновым, с годами сильно обветшал. По расходным книгам видно, что каждому священнику приходилось его ремонтировать, достраивать необходимые службы (ледник, сараи, баню). Наконец, в 1892 г. с разрешения Духовной консистории на пожертвования прихожан деньгами и разными материалами (с добавлением церковного капитала в 700 р.) был построен новый дом.

Замысел переустройства Ложголовского Георгиевского храма можно проследить по приходо-расходным книгам конца XIX в. В сентябре 1899 г. в расходе значатся 25 р., которые заплатили архитектору Н. Никонову «за приезд для осмотра» церкви[11]. Церковных средств в ценных бумагах на тот момент числилось 2 билета «4% непрерывно доходные по сто р.» и «два временных свидетельства по 4% по сто рублей каждый»[12]. Уже к концу 1900 г. билетами значится 1600 р.[13], а к началу ремонтных работ 1904 г. — 3300 р.[14] Накопление пожертвованных средств в ценных бумагах позволяло не только сохранять их, но и получать проценты, которые прибавлялись к новым поступлениям и опять переводились в билеты. Подтверждение собранных и потраченных на ремонт денег можно найти в особой книге, которая сохранилась в фонде Ложголовской церкви и называется «Книга для записи прихода и расхода сумм по перестройке каменного Ложголовского Георгиевского храма» (1904–1911 гг.)[15].

[11] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 49. Л. 25 об.–26.
[12] Там же. Л. 1 об.–2.
[13] Там же. Л. 46 об.–47.
[14] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 52. Л. 1 об.–2.
[15] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 56.



Подпись крестьянина Алексея Дементьева за церковного старосту,
крестьянина Льва Савельева, 1865 г.

В данном документе по годам и месяцам расписаны доходы и расходы по ремонту, в том числе — поступление денежных сумм от попечительства и церковных средств. В частности, можно сверить сведения о средствах, направленных от церкви: в 1907 г. в разделе прихода «Книги» под № 22 значится поступление от церкви «на покупку извести» 100 р.[16] В расходной книге Ложголовской церкви за этот же год записано под № 7 (28 февраля): «выдано на заготовку извести для перестройки 100 р.»[17]

Средства, которые жертвовались отдельными прихожанами, сразу же передавались на покрытие расходов. Например, в 1906 г. председатель попечительства М. К. Кузнецов передал 1200 р. «на уплату в работу кирпича 200,000 штук по 6 р. за 1000 шт.»[18], а крестьяне Иван Алексеевич Москвин и Петр Егорович Егоров пожертвовали необходимые 64 р. 50 к. «на покупку делянки квар. № 14 № 74й» (лес для строительства)[19].

Крестьяне прихода в течение нескольких лет облагали себя общественным сбором. Так, в декабре 1906 г. сельский староста, крестьянин деревни Загорья Иван Прокофьев передал 40 р., в 1907 г. — 70 р.[20]

К концу 1912 г., когда в храме возобновились службы, на ремонт было потрачено 14572 р. 3 к., к декабрю 1915 г. — 15917 р. 3 к., а недостатка (то есть, долга) оставалось 1231 р. 19 к.[21] Причем в разгар строительства были случаи, когда все наличные доходы после уплаты необходимых отчислений и совершения покупок для церкви, уходили на оплату материалов и работы — на 1 января 1909 г. наличные средства полностью отсутствовали (церковный капитал билетами составлял 6800 р.), на 1 января 1908 г. церковная казна была полностью исчерпана. За январь 1908 г. доход составил

[16] Там же. Л. 10 об.
[17] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 57. Л. 2 об.–3.
[18] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 56. Л. 4 об.–5.
[19] Там же. Л. 36 об.–37.
[20] Там же. Л. 8 об.–9, 17 об.–18.
[21] Там же. Л. 82 об.–83.

119 р. 60 к. (кошельковый сбор — 10 р. 30 к., доход от продажи свечей — 64 р. 30 к., оброчные статьи — 45 р.) и сразу же был потрачен на содержание церкви: страховой взнос за церковные строения — 112 р. 90 к., дрова для Ложголовской школы — 3 р. 30 к., половые щетки — 1 р., 2 бутылки церковного вина — 1 р. 90 к.[22] В 1913 г. остаток наличных средств к 1 января составил 21 к., на следующий 1914 г. — 1 р. 12 к., в 1915 г. — 1 р. 21 к.[23]

Школа-храм Ложголовского прихода

Сопоставление различных источников формирования и расходования денежных средств Ложголовской Георгиевской церкви предоставляет нам возможность понять насколько активно прихожане участвовали в жизни своего прихода, кто и как заботился о благосостоянии храма. Например, Петр Иванович Филатов, местный торговец, в лавке которого делались необходимые покупки для церкви. В какой-то период он был церковным старостой, а в 1904–1915 гг. был казначеем Комиссии по перестройке Ложголовской церкви, пожертвовал свои средства на уплату расходов. Или некоторые из прихожан, «не пожелавшими сообщить своих имен», в августе 1889 г. собрали «между собою» и внесли «в церковное

Георгиевская часовня в селе Ложголово

[22] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 об.–2, 17 об.–18; Д. 58. Л. 19 об.–20.
[23] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об.–2, 17 об.–18, 33 об.–34.

казнохранилище, на сооружение колокола нового, не менее ста пуд весом, при накоплении капиталов, — с устройством надписи на колоколе: «в память 17 октября 1888 года» наличными 300 р. серебром и в билетах 700 р. серебром[24].

Таким образом, по нашему мнению, огромный фактологический материал, содержащихся в приходо-расходных книгах православных церквей, требует более внимательного исследования. Мы рассмотрели только один аспект — формирование церковных средств. Другим направлением данного исследования должно стать изучение церковных расходов. Сколько денег требовалось для содержания церкви? Каковы были отчисления с церковных доходов на общецерковные и епархиальные нужды? Насколько изменялось количество обязательных и второстепенных сборов в кружки? Документы Ложголовской Георгиевской церкви помогут нам решить поставленные вопросы.

Источники и литература

1. *Билимович А.* Подъем товарных цен в России. Киев, 1909. 75 с.

2. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб., 1885. 514 с.

3. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 93. Д. 17; Ф. 1700. Оп. 1. Д. 42, 49, 52, 56, 57, 61; Ф. 1799. Оп. 1. Д. 33, 36, 38, 42, 48, 61.

[24] ЦГИА СПб. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 42. Л. 4 об.–5.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

С. Н. Азарова

Барградский Николо-Александровский храм в Петрограде в период революционных преобразований 1917–1918 гг. (по материалам из архива старосты храма А. А. Дмитриевского)

УДК 271.2-772(470.23-25)-9+94(470+571)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_123
EDN RNBVUG

Аннотация: Статья посвящена истории знаменитого Петроградского Николо-Александровского храма (Барградского подворья) в период революционных потрясений в стране и попыток либерально настроенной части российского общества «демократизировать» церковную жизнь. В новой политической ситуации, когда к власти пришло Временное правительство, революционные настроения особенно сильно проявлялись среди младших членов церковных причтов, возникали конфликты между ними и представителями старой формации. В качестве одного из ключевых свидетельств о сущности этих конфликтов использованы материалы из архива старосты Николо-Александровского храма профессора А. А. Дмитриевского, представителя консервативной части прихожан. Анализируя влияние политических событий на обстановку в храме, делается вывод, что важнейшей причиной противоречий революционного периода было духовное состояние общества и попытки сторонников леворадикальных реформ лишить Церковь прежнего влияния на общественное сознание.

Ключевые слова: Барградское подворье, Императорское Православной Палестинское Общество, церковная революция, церковные либералы, приходская жизнь, Алексей Афанасьевич Дмитриевский, иеромонах Неофит (Коробов).

Об авторе: **Светлана Николаевна Азарова**
Кандидат исторических наук, ведущий специалист Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
E-mail: snb398@yandex.ru

Для цитирования: Азарова С. Н. Барградский Николо-Александровский храм в Петрограде в период революционных преобразований 1917–1918 гг. (по материалам из архива старосты храма А. А. Дмитриевского) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 123–135.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Svetlana N. Azarova

Bargrad Nikolo-Alexander Church in Petrograd during the Period of Revolutionary Transformations of 1917–1918. (Based on materials from the archive of the temple headman A. A. Dmitrievsky)

UDC 271.2-772(470.23-25)-9+94(470+571)
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_123
EDN RNBVUG

Abstract: The article is devoted to the history of the famous Petrograd Nikolo-Alexander Church (Bargrad metochion) during the period of revolutionary upheavals in the country and attempts by the liberal-minded part of Russian society to "democratize" church life. In the new political situation, when the Provisional Government came to power, revolutionary sentiments were especially strong among the younger members of church clergy, conflicts arose between them and representatives of the old formation. As one of the key evidence of the nature of these conflicts, materials from the archive of the headman of the Nikolo-Alexander Church, Professor A. A. Dmitrievsky, a representative of the conservative part of the parishioners. Analyzing the influence of political events on the situation in the temple, it is concluded that the most important reason for the contradictions of the revolutionary period was the spiritual state of society and the attempts of supporters of left-wing radical reforms to deprive the Church of its former influence on public consciousness.

Keywords: Bargrad metochion, Imperial Orthodox Palestinian Society, church revolution, church liberals, parish life, Alexey Afanasyevich Dmitrievsky, hieromonk Neofit (Korobov).

About the author: **Svetlana Nikolaevna Azarova**
PhD (historical sciences), Leading Specialist of the Modern History Department of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon's Orthodox University.
E-mail: snb398@yandex.ru

For citation: Azarova S. N. Bargrad Nikolo-Alexander Church in Petrograd during the Period of Revolutionary Transformations of 1917–1918. (Based on materials from the archive of the temple headman A. A. Dmitrievsky). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 123–135.

* Photos are taken from open sources.

В 1917 г., после захвата власти Временным правительством, на волне обвинений Церкви в сотрудничестве с царской властью и приверженности церковной организации монархическому строю, все громче зазвучали требования либералов о ее «демократизации». Согласно их программе, широкие преобразования в Церкви должны были привести к «церковной революции», которая понималась ими не только как освобождение от опеки государства, но и как религиозное возрождение, основанное на новых духовных исканиях.

Барградский Николо-Александровский храм в Петрограде

Современные исследователи относят «церковную революцию» в России к периоду с марта по август 1917 г., т. е. к нескольким месяцам между двумя переворотами — февральским и октябрьским. Однако такая периодизация остается весьма условной, поскольку конфликт между церковными либералами (имеется в виду категория церковных революционеров, поддерживавших реформы, которые впоследствии были реализованы обновленцами) и консерваторами возник значительно раньше. С таким же успехом началом церковного переворота можно считать выступление в 1905 г. группы революционно настроенных петербургских священников, «Группы 32-х», в декабре того же года переименованной в Союз Церковного обновления, или 1907 г., когда либералы сформулировали основные положения своей программы реформирования Церкви, сфокусировав в них чаяния левого, или радикально-либерального, направления реформ.

Большинством авторов тема «церковной революции» рассматривается, как правило, в контексте событий, связанных с вероисповедной политикой Временного правительства, деятельностью революционного обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова, арестами и удалением с кафедр неугодных правительству архиереев, созданием в епархиях общественных органов «прогрессивного» духовенства[1]. Наибольшее распространение получили работы, посвященные почти исключительно позиции высшего духовенства в отношениях с Временным правительством и «борьбе» архиереев за епископские кафедры в епархиях. Иногда выделяется «аспект сословных нестроений» в приходах, как, например, у А. Л. Беглова, который под сословными нестроениями понимает «прежде всего трения между низшими членами клира: псаломщиками, дьяконами и священниками, потому что псаломщики и дьяконы были ущемлены, — считает исследователь. — и материально, и социально. Материально они были ущемлены, потому что при разделе братских священнических доходов им доставалась гораздо меньшая часть, а социально они были ущемлены, поскольку не участвовали в органах сословного самоуправления, например, в епархиальных съездах. Дьяконы и псаломщики достаточно активно и часто грубо выступают, начинают бороться за свои права в эпоху этих

[1] См., напр.: *Бабкин М. А.* Священство и Царство (Россия, начало XX века — 1918 год). Исследования и материалы. М.: 2011; *Рогозный П. Г.* Православная церковь и русская революция: Очерки истории 1917–1920. М., 2018; *Бычков С. С.* Русская Церковь и императорская власть: Очерки по истории Правосл. Рос. Церкви 1900–1917 гг. М., 1998; *Фирсов С. Л.* Революция 1917 года и проблема «демократизации» Русской Церкви // *Фирсов С. Л.* Церковь в Империи: Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 433–457; и др.

Профессор Алексей Афанасьевич Дмитриевский

революционных месяцев»[2]. Аргументы А. Л. Беглова в некоторых деталях, возможно, справедливы, однако в целом его мнение, как и другие существующие на сегодняшний день оценки данного явления, остаются весьма спорными, поскольку сам термин «церковная революция» требует более глубокого изучения и объективного анализа всего комплекса фактов и событий тех лет.

Подтверждением тому служит история знаменитого Петроградского Николо-Александровского храма (Барградского подворья) во время революционных потрясений в стране и попыток либеральной части российского общества «демократизировать» церковную жизнь. После прихода к власти Временного правительства революционные настроения в храме особенно сильно проявились среди младших членов причта, вступавших в конфликты с представителями старой формации. Но был ли это только «сословный аспект», связанный с их материальным и социальным ущемлением, или же имелись другие причины, повлиявшие на обострение отношений между служителями Церкви? Ответ на этот вопрос раскрывают уникальные материалы из архива старосты храма профессора А. А. Дмитриевского, рассказывающие о событиях, происходивших на Барградском подворье до советского периода его существования.

Николо-Александровский храм состоял в ведении Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) и назывался также Барградским, поскольку строился как подворье русского храма в г. Бари[3]. К его истории были причастны представители царской фамилии, русской аристократии, а также известные сотрудники ИППО, многие годы работавшие в храме или просто ему помогавшие.

Среди этих людей, искренне и глубоко преданных Церкви, было немало богословов, знатоков церковного устава и православного богослужения. Достаточно назвать такие имена как товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, переводчик богослужебных текстов и составитель «Толкового молитвослова» Николай Чеславович Зайончковский[4], профессор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор церковной истории Иван Иванович Соколов[5], профессор Киевской духовной академии, секретарь ИППО, византинист и литургист Алексей Афанасьевич Дмитриевский.

---

[2] *Беглов А. Л.* Церковная революция 1917 года // Академия журнала «Фома». Электронный ресурс. URL: https://academy.foma.ru/tserkovnaya-revolyutsiya-1917-goda.html. (дата обращения: 01.06.2022).

[3] Бари — город в Италии, куда в мае 1087 г. итальянские купцы перевезли мощи святителя Николая, находившиеся прежде в г. Миры (Демра) на территории современной Турции.

[4] Зайончковский Николай Чеславович (1859–1920) — русский государственный деятель, педагог, переводчик богослужебных текстов. Действительный статский советник, член совета министра внутренних дел, член совета Русского собрания (1912), товарищ обер-прокурора Святейшего Синода (1915), сенатор (1916). В 1919 г. арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Освобожден по ходатайству юридического отдела Московского Политического Красного Креста. Скончался в Брест-Литовске.

[5] Соколов Иван Иванович (1865–1939) — профессор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор церковной истории, византинист, редактор «Сообщений Императорского Православного Палестинского Общества». Член Предсоборного Присутствия (1906), Предсоборного Совещания (1912), Предсоборного Совета (1917). Участник Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Заместитель члена Высшего Церковного Совета (1918–1922). Профессор Петроградского Богословского института и Историко-лингвистического института (1920–1924),

Николо-Александровский храм строился с 1912 по 1915 гг. на месте одноименного храма-часовни. Закладка храма состоялась 8 сентября 1913 г. в праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Во время строительных работ богослужения совершались в арендованном помещении напротив, в доме Галунова[6], где была устроена временная церковь. Как правило, богослужения проходили каждый день — настоятель храма валаамский иеромонах Георгий (Хробостов)[7], являвшийся духовником великих князей, нес подвиг ежедневного служения Божественной литургии. В 1914 г. отец Георгий вернулся на Валаам, и новым настоятелем стал другой валаамский иеромонах — Неофит (Коробов)[8], назначенный в храм по инициативе ИППО. На Барградском подворье он прослужил до 1918 г.

Для заведывания хозяйством храма и надзора за его доходами и расходами при подворье действовало попечительство, основанное вице-председателем Палестинского общества князем А. А. Ширинским-Шихматовым[9]. Им же был выработан особый «Наказ» или «Положение о Попечительстве», утвержденный Советом Палестинского Общества 15 мая 1912 г.[10]

С начала строительства храма основную работу вели князь А. А. Ширинский-Шихматов, являвшийся председателем строительного комитета, и его ближайший помощник профессор А. А. Дмитриевский. И если князь много времени и сил тратил на поездки по России в поисках икон древнего письма для строящегося храма, то профессору приходилось выполнять различные поручения на месте. Вместе с археологом В. Т. Георгиевским Алексей Афанасьевич занимался организацией работ

профессор Ленинградского института истории, философии и лингвистики (1924–1933). В 1933 г. арестован, сослан в Башкирию. Умер в Уфе.

[6] Дом Галунова — доходный дом, построенный в 1880 г. по проекту архитектора А. В. Иванова купцом первой гильдии, потомственным почетным гражданином И. В. Галуновым. Здание с богатой внешней и внутренней отделкой занимало целый квартал.

[7] Георгий, в схиме Ефрем (Хробостов Григорий Иванович; 1871–1947) — иеросхимонах. Родился в семье ремесленника. В 1883 г. в возрасте 12 лет прибыл на Валаам. Один год служил псаломщиком в Абиссинской духовной миссии (1891). Определен в послушники (1894). Пострижен в монашество (1895). Иеродиакон (1897). Иеромонах (1899). Проходил послушания при келлиях настоятеля и библиотекарем монастыря, 3 года — на монастырском подворье в Москве. Служил в Салминском и Шустаймском приходах в Финляндии. С 1907 по 1914 гг. настоятель Александро-Николаевского храма в Санкт-Петербурге. Вернулся на Валаам, где жил в скиту Смоленской Божией Матери. В 1919 г. принял схиму. Вместе с монастырем эмигрировал в Финляндию. С 1925 г. временно исполнял обязанности духовника, с 1927 г. — духовник Ново-Валаамского монастыря.

[8] Неофит (Коробов Николай Алексеевич; 1878–1937) — епископ. Родился в Ярославской губ. Принял монашеский постриг в Валаамском монастыре (1906). Иеромонах (1910). Был первым священнослужителем, официально назначенным Императорским Православным Палестинским Обществом для сопровождения русских паломников на Святую Землю (1912). Настоятель Петербургского Николо-Александровского храма, Барградского подворья (1914–1918). Эконом Архиерейского дома во Владимирской епархии (1918). Архимандрит (1919). Назначен настоятелем Ростовского Борисоглебского мужского монастыря, но настоятельство не принял по причине невозможности прибыть к месту назначения. Скрываясь от преследования властей, по назначению епископа Угличского Иосифа (Петровых) служил псаломщиком в с. Лев Ростовского у. Ярославской губ. Зачислен в братство Угличского Покровского монастыря (1920). В августе 1921 г. командирован в с. Малахово Угличского уезда. В 1922 г. арестован Рыбинским ОГПУ, пробыл в заключении два месяца. Настоятель Ростовского Авраамиева Богоявленского монастыря (1923). В декабре 1924 г. арестован по обвинению в «религиозной пропаганде», освобожден в сентябре 1925 г. Хиротонисан во епископа Городецкого, викария Нижегородской епархии (1927). Арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности (1928–1929). Епископ Ветлужский (1929). В 1937 г. вновь арестован и расстрелян.

[9] Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930) — князь, гофмейстер Высочайшего Двора, действительный статский советник, обер-прокурор Святейшего Синода (26 апреля — 9 июля 1906), сенатор, член Государственного Совета.

[10] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 88. Л. 31 об.–32.

по внутренней росписи храма. Ему приходилось иметь дело с художниками, подыскивать оригиналы изображений, размещать по стенам сюжеты и даже подбирать надписи к свиткам в руках святых.

Председателем попечительства и старостой храма сначала был назначен генерал-майор Н. П. Цытович, заслуженный ординарный профессор Михайловской артиллерийской академии[11]. В число членов попечительства вошли: многолетний церковный староста и ревнитель церковного пения И. А. Печкин, архитектор Н. Н. Никонов, полковник Д. Н. Ломан и профессор А. А. Дмитриевский как представитель ИППО.

Однако после отъезда первого настоятеля на Валаам генерал Цытович стал появляться в храме редко, поэтому его обязанности церковного старосты легли на плечи профессора А. А. Дмитриевского. Благодаря его усердию в ведении церковных дел доходы храма, находившиеся при генерале в плачевном состоянии, начали заметно расти и поднялись до 20.000 рублей в год, что по тем временам было внушительной суммой.

С 1914 г. непосредственное наблюдение за строительными работами велось двумя лицами — профессором А. А. Дмитриевским и новым настоятелем отцом Неофитом, который нисколько не уступал неутомимому профессору в умении трудиться не покладая рук. Впоследствии их труды были по достоинству оценены Палестинским обществом: А. А. Дмитриевский удостоился избрания в почетные члены ИППО, иеромонах Неофит был принят в его действительные члены. Кроме того, Общество исходатайствовало для настоятеля почетную награду — золотой наперсный крест из Кабинета Его Величества, который был ему преподнесен 6 декабря 1915 г. во время торжественного освящения храма, проходившего в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны и многих других высокопоставленных гостей, прибывших на празднество по особым приглашениям. Из наград иеромонах Неофит имел также светло-бронзовую медаль и серебряный вызолоченный знак в память 300-летия царствования Дома Романовых[12].

В мае 1916 г. Н. П. Цытович официально сложил с себя обе должности, и по просьбе членов попечительства они также временно были возложены на А. А. Дмитриевского, который стал нести послушание не только старосты, но и председателя попечительства[13]. Его новое назначение вместо Н. П. Цытовича, которого знали как человека пусть не очень хозяйственного, но зато мягкого и большого поклонника валаамского иночества, не было встречено сочувственно со стороны некоторых служащих храма и либерально настроенной частью причта, так как в лице профессора они столкнулись не только с «блюстителем церковной копейки» и интересов Палестинского общества, но также со строгим критиком любых уклонений в богослужебных правилах и проявления небрежности в ведении церковного хозяйства. Их положение несколько облегчилось после включения в состав попечительства барона П. В. Клебека, «человека симпатичного и доброго, миром и любовию желающего обнять всех», но, опять же, мало сведущего в церковных делах[14].

В итоге строгость и взыскательность А. А. Дмитриевского, вызывавшие протесты недовольных, вынудили князя А. А. Ширинского-Шихматова посоветовать ему передать функции председателя более компромиссному и гибкому Н. Ч. Зайончковскому, сохранив за собой лишь должность церковного старосты, что тот и исполнил.

---

[11] Цытович Николай Платонович (1865–1928) — генерал-майор, заслуженный ординарный профессор Михайловской артиллерийской академии. 23 февраля 1918 г. принят в ряды РККА, назначен заслуженным ординарным профессором Артиллерийской академии РККА (1919). Профессор высших военных учебных заведений (1927). Старший преподаватель Военно-технической академии РККА им. Ф. Э. Дзержинского (1928). Умер в Москве.

[12] Архив Валаамского монастыря (Новый Валаам, Финляндия). Ва: 74. Л. 74.

[13] Совет ИППО утвердил это назначение 19 сентября 1916 г. Надзор за хозяйственной частью и внешним порядком в храме был возложен сначала на Ивана Георгиевича Айвазова, миссионера, богослова, публициста, сподвижника протоиерея Иоанна Восторгова, а затем на младшего делопроизводителя канцелярии М. А. Сотничука.

[14] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 88. Л. 33 об.

К 1917 г. непростая обстановка в храме еще более обострилась, чему способствовало изменение политического строя в стране. Приход к власти Временного правительства и попытки «демократизации» церковной жизни усилили революционные настроения среди младших членов причта. Отношения между ними и старостой часто выливались в конфликты, реагировать на которые приходилось не только самому А. А. Дмитриевскому, но и настоятелю отцу Неофиту, относившемуся к профессору с неизменным уважением и пониманием.

Известный ученый-литургист, знаток византийского чина богослужения, А. А. Дмитриевский прославился еще и тем, что в течение многих лет регулярно произносил в храме проповеди, привлекавшие многочисленных слушателей. Но не всем «представителям общественности» это нравилось, и иногда они заявляли о себе от имени богомольцев, выражая резкое недовольство как услышанными проповедями, так и самим проповедником.

Первый открытый выпад против профессора произошел еще до февральского переворота в стране, в 1915 г., когда во время строительства храма службы велись в доме Галунова. В газете «Земщина» вышла статья под названием «Оградите церковный амвон», опубликованная в рубрике «Письмо в редакцию» за подписью неизвестного, как-бы «случайно» оказавшегося на богослужении в Николо-Александровском храме. Ее автор писал: «В прошлое воскресенье пришлось мне быть у литургии во временном храме на углу 2-й Рождественской улицы. Чтимая святыня [храма] — св[ятая] икона Божией Матери “Скоропослушницы” привлекает сюда много богомольцев. Так было и на этот раз. За богослужением, во время причастного, на амвон вышел проповедник, по-видимому лицо светское, и начал объяснять прочтенное за литургией Евангелие». Далее аноним передал содержание проповеди А. А. Дмитриевского, посвященной евангельскому сюжету об исцелении слуги римского сотника, значительно ее сократив и сильно исказив по смыслу, обвинив его чуть-ли не в ереси. Интерпретируя высказывание профессора о том, что люди иных религиозных убеждений «выше будут нас, именуемых православны[ми] христиан[ами], в Царствии Небесном, если строго исполняют свой закон», аноним возмущался и вопрошал: «как будто все религиозные законы одинаковы, и каждый закон, будь то иудейский, магометанский или буддистский, одинаково ведет в Царствие Небесное!?!» Негодовал он и по поводу описания А. А. Дмитриевским древних изображений в римских катакомбах, в котором он усмотрел умышленное «кощунство». Указывая на проповедника, автор статьи восклицал: «Теперь уже и на церковный амвон взбираются господа, не имеющие и права быть на нем, чтобы смущать православный народ»[15].

Через десять дней после появления этой публикации, 21 июня 1915 г., к настоятелю храма явился чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода П. П. Лукьянов[16], который потребовал от отца Неофита дать отчет в том «кто был проповедник и почему он проповедует?» Отец Неофит обстоятельно разъяснил посетителю, кем является профессор А. А. Дмитриевский и что проповедует он по благословению священноначалия. Разобравшись в ситуации и понимая, что ученый такого уровня не способен допустить в своих словах ереси, П. П. Лукьянов удалился. На следующий день отец Неофит прямо на полях злосчастного номера газеты «Земщина» написал А. А. Дмитриевскому записку, предупредив его о происшедшем. Об авторе статьи он высказался сдержанно: «Удивительный народ все же, кто ревнует не по разуму, проливая слезы о том, что сам не понимает...»[17]

---

[15] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 540. Земщина. СПб., 1915. 10 июня. [Цит. по: *Баконина С. Н.* «Желаю вам оставаться такими же христианами, какими вас теперь вижу...»: Епископ Неофит (Коробов), 1878–1937. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Б. и., 2019. С. 213–214].

[16] Лукьянов Петр Петрович — кандидат богословия, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода.

[17] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 540. Л. б/н. Письмо иеромонаха Неофита профессору А. А. Дмитриевскому от 22 июня 1915 г. [Цит. по: *Баконина С. Н.* «Желаю вам оставаться такими же христианами, какими вас теперь вижу...» ... С. 212].

В новой политической ситуации, при Временном правительстве, проповеди профессора А. А. Дмитриевского стали еще более удобным поводом для его травли со стороны недовольных. Так, 5 марта 1917 г. на имя революционного обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова поступил очередной донос на профессора в связи с произнесением им проповеди, в которой он якобы призывал к низложению правительства.

На самом деле, как выяснилось в ходе расследования, проповедь, произнесенная А. А. Дмитриевским в неделю Крестопоклонную, была выражением его личного отношения к заслугам сверженной династии и наступившему революционному беспределу. В своем слове с церковного амвона он осудил попрание народом российского герба, расправу над полицейскими чинами, выполнявшими долг присяги, и слишком большую свободу, которая была предоставлена новой властью солдатам и молодежи. Но главным лейтмотивом его проповеди стали слова Спасителя: «Отче, отпусти им: не ведят бо, что творят» (Лк 23:34).

После того как Алексей Афанасьевич сошел с амвона, к нему подошел какой-то военный и приказал более таких проповедей не произносить. В это же время в нижнем помещении храма собралась группа возмущенных лиц, которые потребовали арестовать Дмитриевского. Только вмешательство настоятеля успокоило возбужденных активистов и ареста удалось избежать. Однако по требованию церковноначалия профессору все-таки пришлось давать объяснение по поводу этой проповеди. В объяснительной записке он написал:

«Захваченный неожиданною нахлынувшей волною народного движения и потрясенный до глубины души ужасными картинами народного слепого гнева, я не мог не отозваться в очередной проповеди на злобу дня, как это делал и в других подобных случаях, в полной уверенности, что мои слова в проповеди найдут живой отклик в умах и сердцах моих постоянных слушателей, и внесут успокоение в их смущенную христианскую совесть.

Своим словом я мнил совершить службу Божию и искренно желал новому нашему правительству помочь в трудном деле укрепления его основных начал в умах православных людей и внести в их среду желанное успокоение. Само собою разумеется мне трудно и даже невозможно было обойти молчанием возмутительные картины освободительных дней, но при этом я всячески старался [отстраниться] от каких-либо эксцессов противоправительственного характера. И было бы очень жаль, если бы наше новое правительство отказалось от незаменимых услуг церковной кафедры, которая всегда служила и должна служить делу религиозно-нравственного преуспеяния русского народа и укреплению в нем твердых начал политической жизни»[18].

Однако в 1917 г. «начала политической жизни» требовали от служителей Церкви совсем другого отношения к наступившим «освободительным дням», что не могло не отразиться и на положении церковных проповедников, как это можно видеть на примере А. А. Дмитриевского. Новая власть в стране видела в Церкви серьезного противника в борьбе за умы и сердца людей.

В марте 1917 г. был арестован, затем уволен на покой Петроградский митрополит Питирим (Окнов)[19]. Вместо него «временно, вплоть до особых распоряжений» управление епархией было возложено на его викария — епископа Гдовского Вениамина

[18] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 303. Л. 1–1 об. Письмо-объяснение А. А. Дмитриевского по поводу своей проповеди в Николо-Александровском храме. [Цит. по: *Баконина С. Н.* «Желаю вам оставаться такими же христианами, какими вас теперь вижу…» … С. 221–222].

[19] Питирим (Окнов Павел Васильевич; 1858–1920) — митрополит. Окончил Киевскую духовную академию (1883), в том же году пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона, затем в иеромонаха. Преподаватель Киевской духовной семинарии (1883); инспектор (1887), ректор (1890) Ставропольской духовной семинарии. Архимандрит (1890). Ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1891). Хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии (1894). Епископ Тульский и Белевский (1896). Епископ Курский и Белгородский (1904). Почетный председатель Курского отдела Союза Русского Народа. Возведен в сан архиепископа (1906). Архиепископ Владикавказский и Моздокский (1911),

(Казанского)[20]. К нему и поступило требование разобраться с жалобой на профессора, проповедовавшего в Николо-Александровской церкви. В результате 29 мая тогда уже архиепископ Петроградский и Ладожский Вениамин отправил в Синод отчет о расследовании эксцесса епархиальным начальством и о принятом решении «просить Дмитриевского в проповедях не касаться политических вопросов»[21].

В начале 1918 г. настоятель Николо-Александровского Барградского храма иеромонах Неофит (Коробов) был перемещен во Владимир. По ходатайству попечительства 12 апреля 1918 г. указом Петроградской духовной консистории за № 5780 исполняющим обязанность настоятеля Барградского подворья был назначен заштатный священник Виктор Семенов[22].

Во время проводов отца Неофита староста Николо-Александровского храма А. А. Дмитриевский произнес речь, в которой поблагодарил его за его труды и напутствовал на новое место служения[23]. От попечительства покидавшему храм настоятелю поднесли икону святителя Николая с адресом и выдали на дорогу до Владимира 400 рублей.

Расставание для старосты было грустным. Совместные труды, духовная поддержка, взаимопонимание сблизило его с настоятелем, который стал для профессора единомышленником и сомолитвенником. Их детище — храм Барградского подворья, построенный и расписанный в древнерусском стиле, отличался от других городских церквей не только своим видом и внутренним убранством, но и богослужением со строгим уставным порядком и пением, чему немало способствовали труды настоятеля. При отце Неофите в храме было заведено общенародное пение акафистов на всенощных бдениях в дни праздников. Каноны, стихиры, псалмы иеромонах Неофит читал всегда понятно и выразительно, что заставляло других служителей следовать его примеру. Богомольцев привлекали и вдохновенные проповеди настоятеля, нередко исторгавшие слезы у слушавших его людей.

После отъезда отца Неофита обстановка в храме стремительно ухудшалась. За его проводами последовал новый конфликт старосты с председателем попечительства Н. Ч. Зайончковским. Возник он из-за принятого попечительством решения, не согласованного с Советом ИППО, произвести расходы на проводы отца Неофита «за счет кошелька храма»[24]. После последовавших столкновений старосты с председателем между ними установились настолько натянутые отношения,

---

Самарский и Ставропольский (1913), Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Святейшего Синода (1914). Митрополит Петроградский и Ладожский (1915). 1 марта (28 февраля-?) 1917 г. арестован как «ставленник Григория Распутина». 6 марта 1917 г. уволен на покой с местопребыванием в пределах Владикавказской епархии. Скончался в 1920 г. в Екатеринодаре.

[20] Вениамин (Казанский Василий Павлович; 1873–1922) — митрополит, священномученик. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1897), на третьем курсе академии пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона (1895), в иеромонаха (1896). Преподаватель в Рижской духовной семинарии (1897), инспектор Холмской духовной семинарии (1898), инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1899), ректор Самарской духовной семинарии в сане архимандрита (1902), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1905). Хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии (1910). С 2 марта 1917 г. временно управлял Петроградской епархией. 24 мая 1917 г. свободным голосованием клира и мирян избран на Петроградскую кафедру, 25 мая утвержден архиепископом Петроградским и Ладожским. С 17 июня 1917 г. архиепископ Петроградский и Гдовский, 13 августа того же года возведен в сан митрополита. Временно управлял Олонецкой епархией (1919). В июне 1922 г. арестован по обвинению в воспрепятствовании изъятию церковных ценностей. Вину не признал, был приговорен к расстрелу. Точное место казни неизвестно (по сообщениям зарубежной прессы, расстрелян в Москве на Ходынском поле).

[21] *Герд Л. А., Акишин С. Ю.* Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 433.

[22] ЦГИА СПб. Ф. 897. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–14.

[23] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 90. Л. 1–2.

[24] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 88. Л. 36.

что Н. Ч. Зайончковский был вынужден написать письмо с жалобой в Москву князю А. А. Ширинскому-Шихматову.

К Дмитриевскому имел претензии и создавшийся в храме «приходской религиозно-просветительский союз», являвшийся новым типом церковно-общественных объединений с революционным уклоном. По настоянию одного из его членов союз потребовал, чтобы староста больше вообще не произносил проповедей (поскольку они затрагивали не только религиозную, но и политическую сторону жизни), на что Алексей Афанасьевич в конце концов ответил уступкой, объяснив ее тем, что подготовка проповедей всегда отнимала у него «не мало дорогого времени»[25]. Однако очень скоро он не выдержал и нарушил данное обещание.

1 мая 1918 г., в Великую среду, когда храм был переполнен молящимися, улица праздновала свой праздник. В этот день голодный Петроград отмечал Первомай, первый раз как официальное торжество — «День Интернационала». Тысячи людей шли в колоннах, собирались на митинги и концерты. Разъезжавший по ним советский нарком просвещения А. В. Луначарский так описал свои впечатления об этих событиях:

«Марсово поле, со своей серой трибуной на заднем плане, с глыбами гранита и купами зелени над могилами жертв революции, с красивыми знаменами на высоких столбах, полное народа, с линиями броневиков и отдельными автомобилями, с которых пропускают демонстрацию представители коммуны, под ясным весенним небом, в котором кружатся птицы и аэропланы, — представляет зрелище величественное.

Идут и идут толпы рабочих, изможденных, голодных, но торжественно и мужественно настроенных. Веют тысячи знамен, плакаты вещают великие слова, горящие в каждом из наших сердец»[26].

Нарком побывал в Доме Рабоче-Крестьянской Армии, на Фондовой бирже, в других местах, но особенно запомнился ему бесплатный концерт в одном из залов Зимнего дворца, где в исполнении государственной капеллы и оркестра под управлением главного дирижера Мариинского театра Альберта Коутса исполнялся «Реквием» Моцарта. «Благоговейно играют и поют артисты. Благоговейно внемлет толпа, — писал о концерте совсем не революционным языком Луначарский. — Маленький мальчик в первом ряду слушателей, вообразив, что он в церкви, опустился на колени и так простоял все полтора часа»[27].

И все это происходило в Великую среду Страстной седмицы, когда Церковь переживала предание на страдание и смерть Господа Иисуса Христа, предательство Иуды и прощение грешницы, помазавшей миром ноги Спасителя. В этот день А. А. Дмитриевский под влиянием слов Евангелия: «что ми хощете дати, и аз вам предам Его» (Мф 26:14, 15) экспромтом произнес проповедь, в которой указал молящимся на контраст между событиями на улице и в храме, пожелав всем «светло праздновать грядущее Светлое Христово Воскресение, а с ним и воскресение <…> отечества к лучшей счастливой и мирной жизни»[28].

«Приходской религиозно-просветительский союз» и попечительство Николо-Александровского храма осудили это выступление А. А. Дмитриевского как на своих заседаниях, так и в личных объяснениях с профессором.

Окончательный разрыв в отношениях старосты и попечительства произошел на Пасху после ссоры А. А. Дмитриевского с иеродиаконом. Конфликт произошел во время литургии в алтаре из-за возникшего спора о чтении Евангелия. Постановлением попечительства Евангелие на Пасху решено было по византийскому обычаю прочитать настоятелю в царских вратах. Иеродиакон резко и грубо запротестовал,

[25] Там же. Л. 36 об.

[26] *Луначарский А. В.* Первое мая 1918 года // Пламя. 1918. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-vpechatleniya/pervoe-maa-1918-goda-eskizy-iz-zapisnoj-knizki (дата обращения: 01.06.2022).

[27] Там же.

[28] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 88. Л. 36 об.

за что староста назвал его болваном и дураком. В спор вмешался вбежавший в алтарь член «союза» Николаев. Он набросился на профессора Дмитриевского со словами: «подлец, негодяй, мерзавец, как ты смел выгнать диакона из храма», угрожая, что изобьет его и подаст заявление в комиссариат. Алексей Афанасьевич, ничего не отвечая, поторопился выйти из алтаря. Иеродиакон же для разрешения конфликта тут же вызвал по телефону председателя попечительства.

Следствием происшествия был митинг, который устроили псаломщики и служащие храма по инициативе псаломщика Привалова и члена «союза» Николаева. Митингующие решили старосту сменить и выбрать на его место другого члена попечительства — И. А. Печкина.

Для обсуждения инцидента на третий день Пасхи было устроено экстренное совещание попечительства и «союза». Над старостой был учинен суд с выступлением лжесвидетелей и составлением протокола. После заседания председатель потребовал, чтобы А. А. Дмитриевский прекратил посещение храма и выехал из Петрограда. Это, по его словам, было необходимо для успокоения недовольных, причем Н. Ч. Зайончковский настаивал на незамедлительном отъезде, не дожидаясь храмового праздника 9 мая. Профессор заявил, что уедет только после праздника, поскольку лишение участия в торжествах этого дня он воспринимает как незаслуженную обиду.

Вскоре после 9 мая Алексей Афанасьевич получил от князя А. А. Ширинского-Шихматова приглашение приехать в Москву по делам ИППО и через два дня покинул Петроград. На время его отсутствия исправление должности церковного старосты попечительство возложило на полковника Д. Н. Ломана. Пробыв три месяца в Москве и Ярославле, А. А. Дмитриевский вернулся в Петроград. На третий день после приезда, 5 октября 1918 г., он, Н. Ч. Зайончковский и В. Д. Юшманов[29] были арестованы по доносу псаломщиков и сторожа Трофима. Вскоре их освободили, не найдя политических мотивов в событиях, связанных с волнениями в храме.

За время отсутствия старосты его заместитель самовольно начал реставрацию уже значительно попортившейся стенной росписи храма и переделку иконной лавки в часовню во имя преподобного Серафима Саровского, поручив эти работы малоизвестному художнику Егорову без письменного договора. Вернувшись в храм, А. А. Дмитриевский был потрясен результатами, вернее, утратой уникальных стенописей храма по причине отсутствия у художника нужных материалов и условий для проведения реставрации. Он в срочном порядке вынес на обсуждение попечительства вопрос о прекращении работ.

И, наконец, последней проблемой, терзавшей душу болевшего за храм старосты, было церковное пение. После отъезда отца Неофита, с 17 июля 1918 г., руководить певчими стал регент любительского хора М. А. Лагунов, предпочитавший исполнять во время богослужения песнопения новейших, малоизвестных или вовсе неизвестных композиторов, а иногда и свои собственные. Его стиль пения не могли принять и многие прихожане храма. Некоторые из них, оставаясь духовными чадами отца Неофита и не терявшие с ним связь, в письмах к батюшке делились своими переживаниями обо всех появлявшихся в приходе новшествах. На вести из храма отец Неофит отвечал своим адресатам с сердечной болью. Так, 7 ноября он отправил поздравление с наступающим храмовым праздником А. А. Дмитриевскому и в своем письме затронул беспокоившую их обоих тему. «Вот теперь у вас нет монахов, — писал отец Неофит, — и что получилось. Совершено то, что можно найти в каждом храме Петрограда: нет художественности, нет стиля, нет благодати в богослужении. Шаблон, однотонность мертвят, душат молящихся, и их не нужно просить, чтобы они уходили, сами уходят... Многое слышу»[30].

---

[29] Юшманов Владимир Дмитриевич — делопроизводитель Барградского комитета, правитель дел ИППО.

[30] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 88. Л. 41 об. [Цит. по: *Баконина С. Н.* «Желаю вам оставаться такими же христианами, какими вас теперь вижу...» ... С. 114].

После 1918 г. Николо-Александровский Барградский храм утратил свою былую неповторимость, свою уникальность по сравнению с обычными приходскими храмами. Наступил новый период его существования — советский.

Осенью 1918 г. председатель Палестинского общества князь А. А. Ширинский-Шихматов эмигрировал за границу. ИППО стало превращаться в сугубо научную организацию и почти перестало интересоваться судьбой Барградского подворья. В 1919 г. председатель попечительства Н. Ч. Зайончковский был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В 1921 г. арестовали исполнявшего должность председателя церковного совета В. Д. Юшманова. Тогда же погибли хранившиеся у него документы Николо-Александровского храма, относившиеся к периоду приходской деятельности до 1919 г.[31] А. А. Дмитриевский с декабря 1919 г. уже не был ученым секретарем ИППО и вскоре переехал в Астрахань, куда был приглашен для работы в университете. Там он также пережил кратковременный арест. После закрытия университета А. А. Дмитриевский вернулся в Петроград и с мая 1922 г. находился в положении безработного[32].

Сменивший отца Неофита новый настоятель храма священник Виктор Семенов (дворянского происхождения, родился в 1866 г. в г. Баку) прослужил на Барградском подворье четыре года. В мае 1922 г. отец Виктор был арестован по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей». Находясь в тюрьме на Шпалерной улице, священник заразился сыпным тифом и в июне того же года скончался[33].

Последующие восемь лет, до 1930 г., настоятелем Николо-Александровского храма был известный петербургский протоиерей Владимир Шамонин, принявший настоятельство по личной просьбе митрополита Петроградского Вениамина.

Одно время в храме был устроен музей древнерусского искусства, но в марте 1932 г. его все-таки закрыли, а 20 мая храм взорвали. Это произошло за два дня до престольного праздника. Уничтожение храма власти мотивировали необходимостью в кирпиче для строящегося неподалеку большого дома. Но разломать храм на кирпичи не получилось, он рухнул как монолит, и стены пришлось ломать на крупные блоки, которые постепенно были куда-то увезены.

Все иконы уцелели. Часть из них была отправлена в Русский музей, часть — в храм святых страстотерпцев Бориса и Глеба, куда перешел служить отец Владимир Шамонин. Благодаря его хлопотам главную святыню храма, икону Божией Матери «Скоропослушница», в музей не забрали, а вместе с частью других икон также передали в церковь Бориса и Глеба. В настоящее время «Скоропослушница» пребывает в Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Таким образом, история Николо-Александровского Барградского храма в Петрограде являет собой живое свидетельство противостояния консервативной части церковного общества и церковных революционеров. Начавшиеся при Временном правительстве революционные выступления среди младших членов причта обнажили не столько их «материальное и моральное ущемление» и неспособность найти общий язык с представителями старой формации, сколько конфликт, имеющий глубокие духовные корни. И поэтому «борьбу дьяконов и псаломщиков за свои права» вряд ли следует относить к какой-то общей тенденции, когда «верхи не хотят, а низы не могут жить по-старому».

Когда в обществе существует разделение на консерваторов и либералов (неважно к какому социальному слою, к какой категории граждан государства они относятся), то и среди консерваторов, и среди либералов также существует деление на сторонников тех или иных взглядов, на бессеребренников и карьеристов, на патриотов и предателей, на ищущих истину и сознательно отступающих от нее. Исключение составляет т. н. церковный консерватизм. В православии это означает прежде всего сохранение церковного вероучения в его чистоте и неповрежденности, следование законам и правилам, установленным Церковью, жизнь по вере в любой обстановке,

[31] См.: *Герд Л. А., Акишин С. Ю.* Дмитриевский Алексей Афанасьевич… С. 434.

[32] ОР РНБ. Ф. 253. Д. 1. Л. 3.

[33] ЦГИА. Ф. 897. Д. 16. Л. 13–14.

при любом политическом строе. Люди, следующие этому пути, часто оказываются гонимыми, особенно во времена всевозможных катаклизмов, борьбы большинства за свое существование и благополучие.

Примером тому служат события из биографии старосты Барградского подворья в Петрограде, известного ученого и патриота, представителя консервативной части прихожан профессора А. А. Дмитриевского. Обращаясь к сохранившимся материалам из его архива, можно видеть, что одной из важнейших причин противоречий революционного периода было духовное состояние российского общества и попытки сторонников леворадикальных реформ лишить Церковь прежнего влияния на общественное сознание.

Источники и литература

1. Архив Валаамского монастыря (Новый Валаам, Финляндия). Ва: 74.
2. ОР РНБ. Ф. 253. Д. 1.
3. ОР РНБ. Ф. 253. Д. 88.
4. ОР РНБ. Ф. 253. Д. 89.
5. ОР РНБ. Ф. 253. Д. 90.
6. ОР РНБ. Ф. 253. Д. 303.
7. ОР РНБ. Ф. 2 53. Д. 540.
8. ЦГИА СПб. Ф. 897. Оп. 1. Д. 16.
9. *Бабкин М. А.* Священство и Царство (Россия, начало XX века — 1918 год). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с.
10. *Баконина С. Н.* «Желаю вам оставаться такими же христианами, какими вас теперь вижу...»: Епископ Неофит (Коробов), 1878–1937. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Б. и., 2019. 277 с.
11. *Беглов А. Л.* Церковная революция 1917 года // Академия журнала «Фома». [Электронный ресурс]. URL: https://academy.foma.ru/tserkovnaya-revolyutsiya-1917-goda.html. (дата обращения: 01.06.2022).
12. *Бушманов А. В.* Рец. на монографию: *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008 // Вестник Пермского университета. Пермь, 2011. Вып. 1 (15). С. 163–164.
13. *Гайда Ф. А.* Священство и царство в жанре фэнтези // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. История. 2013. Т. 65. № 5 (54). С. 131–143.
14. *Герд Л. А., Акишин С. Ю.* Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 429–438.
15. *Луначарский А. В.* Первое мая 1918 года. Эскизы из записной книжки // Пламя. 1918. № 2. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-vpechatleniya/pervoe-maa-1918-goda-eskizy-iz-zapisnoj-knizki (дата обращения: 01.06.2022).
16. *Рогозный П. Г.* Православная церковь и русская революция: Очерки истории 1917–1920. М.: Весь мир, 2018. 303 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (14) 2023

А. С. Харчевников

Значение храма святого праведного Иова Многострадального в истории Санкт-Петербургской епархии

УДК 271.2-772(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_136
EDN RQASZR

Аннотация: Небольшая кладбищенская церковь, построенная в конце XIX столетия над могилой потомственного почетного купца С.-Петербурга, должна была стать на многие десятилетия местом памяти об усопшем и являться Домом Божиим, в котором в определенные дни совершались бы богослужения об упокоении души почившего Иова Крюкова и всех его усопших сродников. Однако в судьбе данного храма нашли отражение страшные события XX столетия, изменившие ход истории нашего Отечества и положение Русской Православной Церкви, в том числе — события блокадного времени. На основании архивных данных автор приводит уникальные сведения из истории храма св. Иова Многострадального, наглядно показывает его духовное значение во времена лихолетия, формирует представление о его месте в истории С.-Петербургской епархии.

Ключевые слова: храмы С.-Петербурга, церковь св. Иова, Волковское кладбище, С.-Петербургская епархия, митрополит Исидор (Никольский).

Об авторе: **Алексей Сергеевич Харчевников**
Аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: has2298@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8180-0426

Для цитирования: Харчевников А. С. Значение храма святого праведного Иова Многострадального в истории Санкт-Петербургской епархии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 2 (14). С. 136–146.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (14) 2023

Alexey S. Kharchevnikov

The significance of the Church of the Holy Righteous Job the Long-Suffering in the history of the St. Petersburg Diocese

UDC 271.2-772(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2023_2_136
EDN RQASZR

Abstract: A small cemetery church built in the end of the XIX century over the grave of a hereditary honorary merchant from St. Petersburg was supposed to become a place of memory for many decades about the late person and be the House of God, in which on certain days Divine Services would be performed for the repose of the soul of the late Job Kryukov and all his late relatives. However, the terrible events of the XX century not only changed the course of the history of our Fatherland and the position of the Russian Orthodox Church, but were reflected in the fate of the church, that became a thousandth parish for Orthodox people, especially during the siege. Based on the archival data, the author provides unique information from the history of the Church of St. Job the Long-Suffering, clearly shows the spiritual significance of his service in the times of trouble and turmoil, thus forming an idea of the indisputable value of the temple in the life of the St. Petersburg diocese, the 280th anniversary of which is celebrated this year.

Keywords: the temples of St. Petersburg, St. Job's Church, Volkovskoe Cemetery, St. Petersburg Diocese, Metropolitan Isidore (Nikolsky).

About the author: **Alexey Sergeevich Kharchevnikov**
Postgraduate student at the Saint Petersburg Theological Academy.
E-mail: has2298@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8180-0426

For citation: Kharchevnikov A. S. The significance of the Church of the Holy Righteous Job the Long-Suffering in the history of the St. Petersburg Diocese. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 2 (14), pp. 136–146.

* Photos are taken from open sources and provided by the author.

Храм св. прав. Иова Многострадального. 1930-е гг.

Храм св. прав. Иова Многострадального был построен на одном из кладбищ С.-Петербурга — Волковском православном кладбище. Само кладбище было устроено и открыто в царствование императрицы Елизаветы Петровны по сенатскому указу от 11 мая 1756 г., в то же самое время, когда были открыты Иоанно-Богословское и Смоленское кладбища. Волковское кладбище разместилось во втором участке Александро-Невской части С.-Петербурга, в конце Расстанной улицы. Захоронения на этом кладбище начали совершать в конце лета 1756 г.

Хотя в сенатском указе говорилось о немедленном открытии часовни на кладбище, Синод отложил исполнение данного предписания и пожелал, чтобы через некоторое время там был построен храм.

К 1759 г. деревянный храм был сооружен и 3 декабря — освящен в честь Спаса Нерукотворного Образа. Ко времени освящения церкви в нее были определены священник, дьячок и пономарь[1]. Церковь была очень холодная и фактически не приспособленная для служения в зимнее время.

К октябрю 1777 г. была возведена деревянная теплая церковь, которую освятили в память Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме. В самом начале 1782 г. церковь сгорела, а на ее месте был построен каменный храм. 13 сентября 1785 г. кладбищенскую церковь освятил митрополит Гавриил (Петров), сохранив при этом предыдущее посвящение церкви Обновлению храма Воскресения Христова в Иерусалиме. Через восемь лет после освящения, в марте 1793 г., в главной церкви кладбища был устроен и освящен придел в честь архангела Гавриила. К этому времени первая Спасская церковь была снесена, а в 1795 г. — выстроена новая, которую также освятил митрополит Гавриил.

В начале XIX в. число погребений на кладбище доходило до 5000, а количество отпеваний доходило иногда до 20 в день[2]. Люди не могли порой вместиться в сравнительно небольшой Воскресенский храм для прощания с усопшим, поэтому настоятель, священник Николай Воцкий, в 1809 г. обратился к митрополиту Амвросию (Подобедову) с просьбой «дозволить постройку каменного храма с двумя приделами, разрешить сбор, на это дело, доброхотных подаяний»[3]. Замысел постройки нового храма по проекту В. И. Беретти был одобрен императором Александром I 26 мая 1810 г. Однако, доброхотных жертвователей оказалось довольно мало. Лишь в 1837 г. митрополитом Новгородским, С.-Петербургским, Эстляндским и Финляндским Серафимом (Глаголевским) была совершена закладка нового трехпрестольного храма, проект которого переработал Ф. И. Руска, значительно уменьшив стоимость сооружения. К осени 1842 г. работы были завершены и 15 ноября освящение главного храма Волковского кладбища совершил митрополит Иона (Васильевский), бывший экзарх Грузии, пребывавший на покое в Александро-Невской лавре[4].

[1] *Вишняков Н., прот.* Историко-статистическое описание Волковско-православного кладбища. СПб., 1885. С. 2.

[2] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Т. 10. СПб., 1885. С. 40.

[3] Там же. С. 60.

[4] *Аладьин Е. В.* Православное Волковское кладбище. СПб., 1847. С. 25.

Ко времени постройки большого собора старая Спасская церковь стала совсем ветхой, поэтому на ее месте стараниями первого старосты Волковских церквей П. И. Пономарева был возведен новый храм, который планировалось посвятить Успению Божией Матери. 26 августа 1852 г. храм был достроен и освящен митрополитом Никанором (Клементьевским), но не в честь Успения Божией Матери, а в честь Всех Святых, чтобы, как отметил в своей проповеди в день освящения священник Константин Добронравин (будущий епископ Псковский и Порховский Ермоген[5]), «Ангелы всех усопших призываемы были на месте их погребения»[6]. Так как в этой церкви была устроена усыпальница родных и близких старосты Пономарева, то церковь часто именовалась Пономаревской.

Храм св. прав. Иова Многострадального. 1934 г.

Итак, к концу XIX в. на кладбище находилось три церкви и был единый причт.

19 мая 1884 г. скончался потомственный почетный гражданин Иов Михайлович Крюков, купец первой гильдии, который при жизни занимался торговлей чаем в Гостином дворе, где имел свои кладовые. Его похоронили на Волковском кладбище, на выкупленных семейных местах. Через несколько месяцев[7] вдова Параскева Михайловна и ее сыновья Гавриил, Михаил и Николай обратились к митрополиту Исидору (Никольскому)[8] с прошением о разрешении им построить над могилой отца семейства каменный храм во имя св. прав. Иова Многострадального «для совершения в нем неопустительно богослужений по понедельникам, средам и субботам»[9].

Митрополит Исидор (Никольский) в своем рапорте, который он составил на основании прошения вдовы чуть позже, отметил, что «все издержки по постройке сего храма они, Крюковы, принимают на себя, на свой счет, ассигнуя для сего 75 тысяч рублей и обязуясь внести в кладбищенскую церковь на содержание и ремонт предполагаемого храма 12500 рублей 4% непрерывно доходными билетами Гос. банка и 12500 рублей таковыми же билетами в пользу священноцерковнослужителей означенной церкви за совершения литургии в новом храме, с тем чтобы как на ремонт храма, так и на вознаграждение причта употреблялись только% с означенных капиталов»[10]. Причт церквей Волковского кладбища дал свое согласие совершать богослужения в этом храме за определенное П. М. Крюковой вознаграждение[11].

---

[5] *Галкин А. К.* Ермоген, патр. // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 633–646.

[6] *Добронравин К., свящ.* Слово на день освящения церкви во имя всех святых, устроенной на Волковском Православном кладбище иждивением Коллежского Советника и Кавалера Прокопия Ивановича Пономарева. СПб., 1853. С. 4.

[7] Нам не удалось выяснить, когда П. М. Крюкова обратилась в Духовную консисторию с прошением о возведении храма, так как дело, в котором находились указы Духовной консистории относительно церквей Волковского кладбища за 1885 г. (Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 879. Оп. 1 Д. 317), было уничтожено; см.: ЦГИА СПб. Ф. 897 Оп. 1. Д. 142. Л. 4.

[8] Митрополит Исидор (Никольский) был назначен митрополитом Новгородским, С.-Петербургским и Финляндским 1 июля 1860 г.

[9] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796 Оп. 166. Д. 1170. Л. 5.

[10] Там же.

[11] Там же.

Храм св. прав. Иова Многострадального. Современный вид

После разговора с семейством Крюковых митрополит Исидор ознакомился с проектом и поддержал данную инициативу. Далее запрос был отправлен в Духовную консисторию. В октябре 1885 г. министр внутренних дел граф Д. А. Толстой предоставил ходатайство и проект храма на «Высочайшее благоусмотрение Императорского Величества»[12]. 9 ноября в министерство пришел ответ: 7 ноября император «соизволил изъявленное ходатайство и проект удовлетворить»[13].

14 февраля, по указу императора, Св. Синод слушал «предоставление Преосвященнейшего митрополита Новгородского и С.-Петербургского, от 10 февраля 1886 года за № 539, о разрешении построить по Высочайше одобренному… проекту каменную церковь в честь св. Иова Многострадального на Волковском кладбище»[14]. Синод вынес положительное решение.

По прошествии немногим более одного года газета «Петербургский листок» писала, что на Волковском кладбище, близ большого собора, оканчивается постройка пятиглавого храма св. Иова в византийско-русском стиле. Сообщалось, что эта церковь «не обширна своими размерами; она рассчитана всего на 200–300 человек и снабжена хорами на сорок. Высота среднего купола с крестом 14,5 саж. Внутри она расположена крестообразно, имеет отдельную высокую колокольню и подвальный этаж, в уровень с землей, сплошь занятый фамильным склепом, предназначенный для погребения членов семьи и родных Крюковых»[15].

Постройку храма начал архитектор И. А. Аристархов (1851–1886), он же составил план церкви. Зодчий сам наблюдал за строительством, но, когда здание было возведено лишь вчерне, скончался и был погребен в крипте храма. Достроил храм архитектор А. Н. Немченинов. На постройку храма, по данным газеты «Петербургский листок», было «ассигновано до 220000 рублей, и кроме того, ею

[12] РГИА Ф. 1293 Оп. 118 Д. 97. Л. 5.
[13] Там же. Л. 6.
[14] Там же. Л. 7.
[15] Там же.

(Параскевой Михайловной Крюковой. — *А. Х.*) внесен неприкосновенный капитал на содержание храма и вознаграждение Волковского кладбищенского причта в размере 50000 рублей»[16].

28 октября 1887 г. храм был освящен митрополитом Исидором, в сослужении епископа Ладожского Сергия (Серафимова), а также двух архимандритов Александро-Невской лавры[17] (в газете «Новое время» упоминается только один архимандрит Никон)[18] и кладбищенского причта, при участии хора лаврских певчих[19]. В 2022 г. храм св. Иова отмечал свое 135-летие со дня освящения.

Волковское кладбище с его храмами в конце XIX в. и первые два десятилетия XX в. являлось значительным духовным центром, в то время ежедневно в храмах кладбища совершалось до 9 литургий. К 1936 г. четыре церкви из пяти (пятая церковь была построена к 1911 г.[20]) были закрыты. Лишь храм св. Иова, несмотря даже на возникшую в 1932 г. угрозу его сноса[21], продолжал действовать.

Сложно переоценить евхаристическое значение храма св. Иова в годы блокады. Несмотря на то, что в то время существовали определенные сложности для совершения таинства Евхаристии (например, недостача муки и вина в городе[22]), литургическая жизнь в храме не прекращалась. Многие ленинградцы обрели в ту пору вечное упокоение у его стен. После окончания Великой Отечественной войны в праздничные дни в этом небольшом храме, по причине многочисленности верующих, совершалось по три литургии. Храм св. Иова оставался действующим и на протяжении всей дальнейшей своей истории.

Значение храма св. Иова в истории С.-Петербургской епархии связано также с благотворительной деятельностью данного прихода. Во время блокады им была пожертвована крупная денежная сумма в помощь Красной армии. 15 августа 1941 г., после общего собрания «двадцатки», было вынесено постановление, в котором высказывалось пожелание единовременно перечислить 51980 рублей в фонд Красного Креста, а также — ежемесячно отчислять по 10% дохода[23]. Всего за время блокады храм св. Иова внес в фонд Красного Креста 861167 руб.

В послевоенное время храм св. Иова так или иначе участвовал в жизни других, вновь открывшихся храмов города и даже — Духовной Академии. Например, 20 июня 1950 г. церкви на Смоленском кладбище, которая открылась за несколько лет до этого, из храма св. Иова был передан катафалк с балдахином для плащаницы[24]. В феврале 1951 г., с разрешения епархиального начальства, в Ленинградскую Духовную Академию была передана фисгармония, которая, по заверению настоятеля храма, ранее не использовалась[25].

На протяжении своей истории храм св. Иова регулярно занимался благотворительностью, помогая вдовам священнослужителей, людям с ограниченными возможностями и многим другим нуждающимся, особенно — во время блокады и в послевоенное время.

---

[16] Вновь воздвигаемые церкви в Петербурге // Петербургский листок. 1887. 19 (31) мая. № 133.

[17] Освящение вновь построенной церкви на Волковском кладбище. Недельная хроника // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1887. 8 ноября. № 258.

[18] Вновь воздвигаемые церкви в Петербурге…

[19] Освящение вновь построенной церкви на Волковском кладбище…

[20] См. подробнее: *Харчевников А. С.* «Я виноват в том, что поторопился сделать совершенное»: архитектор А. П. Аплаксин и строительство церкви Успения Божией Матери на Волковском кладбище Санкт-Петербурга // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 36–47.

[21] Центральный государственный архив С.-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 91. Д. 19. Л. 27 об.

[22] *Харчевников А. С.* Подвиг, рождающий веру и вера, способная на подвиг: церковная жизнь блокадного Ленинграда // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 38–57.

[23] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 79. Л. 17.

[24] Архив С.-Петербургской митрополии (далее — АСПбМ). Ф. 1. Оп. 7. Д. 50. Л. 198.

[25] АСПбМ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 50. Л. 333.

Храм св. прав. Иова Многострадального. Современный вид

С храмом св. Иова была связана деятельность многих выдающихся священников. Одним из первых в их числе следует назвать протоиерея Николая Вишнякова[26], более сорока лет прослужившего в храмах Волковского кладбища, сначала — рядовым священником (с 1863 г.), затем — настоятелем (с 1893 г.). Протоиерей Николай Вишняков приложил немало трудов к историко-статистическому описанию С.-Петербургской епархии, в частности — Волковского кладбища[27]. Помимо этого о. Николай продолжительное время посвятил изучению библеистики и, по оценке современных исследователей, его экзегетические комментарии Псалтири являются одними из лучших в русской дореволюционной науке[28]. Он запомнился и как преподаватель еврейского языка в С.-Петербургской духовной семинарии, в которой он занимал эту должность более 25 лет.

Другим видным священнослужителем С.-Петербургской епархии являлся протоиерей Евгений Кондратьев[29]. В 1905–1918 гг. он трудился казначеем и заведующим конторой, книжным складом и типографией Общества религиозно-нравственного просвещения. В период со 2 декабря 1914 по 23 декабря 1917 гг. о. Евгений являлся редактором журналов «Известия по Петроградской епархии» и «Воскресный благовест».

[26] ЦГИА СПб. Ф. 879. Оп. 1. Д. 96. Л. 6–7.

[27] *Вишняков Н., прот.* Историко-статистическое описание Волковско-православного кладбища. СПб., 1885.

[28] *Тихомиров Б. А.* Вишняков Николай Петрович, прот. // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 612–613.

[29] *Харчевников А. С.* Церковно-общественная и проповедническая деятельность протоиерея Евгения Кондратьева (1868–1938) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 231–240.

Служение митрополита С.-Петербургского и Ладожского Варсонофия (Судакова) в храме св. прав. Иова. 26 июня 2021 г.

В этот период на страницах журналов появилось множество его собственных публикаций. В 1920-х гг. о. Евгений несколько раз участвовал в публичных диспутах, в том числе — с обновленческим «митрополитом» Александром Введенским.

Некоторые священники кладбища ранее совершали свое служение за пределами России. Например, протоиерей Евтихий Яковлевич Баланович, назначенный в кладбищенский клир 17 декабря 1903 г., до этого несколько лет был строителем и настоятелем домовой церкви во имя свт. Николая Чудотворца в Нью-Йорке[30]. Протоиерей Николай Писаревский до своего прихода на Волковское кладбище около 15 лет трудился в германских землях, занимаясь миссионерской деятельностью в Веймаре и Дрездене[31].

Следует отметить и трагические страницы в биографиях некоторых священнослужителей Волковского кладбища, которые в советское время подверглись ссылке или были расстреляны. Протоиерей Евгений Кондратьев был приговорен к расстрелу в начале марта 1938 г., протоиерей Николай Писаревский скончался в заключении в Сибирском ИТЛ (Сиблаге), протоиерея Николая Пашкевича, являвшегося настоятелем храмов кладбища с 1919 г., выслали в 1935 г. из Ленинграда, а затем в 1937 г. расстреляли. Священники Павел Цветаев, Иоанн Соколов... Имена пострадавших можно перечислять и далее.

После окончания Великой Отечественной войны в храме св. Иова — в 50-летний период его дальнейшей истории — сменилось более сорока настоятелей. В основе этих кадровых перемен лежали разные приходские проблемы, которые пытались решить ленинградские митрополиты.

Например, митрополит Григорий (Чуков) настолько переживал о священнослужителях вверенной ему епархии, что даже в одном из писем к патриарху

[30] ЦГИА СПб. Ф. 879. Оп. 1. Д. 96. Л. 74.

[31] *Писаревский Н. Н.* Полтора года в Берлине (Заметки о религиозной и общественной жизни) // Богословский вестник. 1897. Т. I. № 3. С. 508–528.

Служение митрополита С.-Петербургского и Ладожского Варсонофия (Судакова) в храме св. прав. Иова. 26 июня 2021 г.

Алексию (Симанскому), прекрасно знавшему жизнь митрополии, после поздравления со Светлым Праздником Воскресения Христова писал: «К сожалению, в собственно духовной среде не обошлось без печальных выступлений. Прот. Тарасов опять проявил свой заносчивый характер: я уже не говорю, что он не пожелал присутствовать на общем приеме у меня в Светлый Понедельник при встрече со всем городским духовенством; это дело его деликатности... Но он резко обрушился на Исполнительный Орган своей церкви Волкова Кладбища за то, что тот послал приветствие пасхальное о. прот. Е. Лукину, а когда последний телеграфно благодарил за привет пославших, то о. Тарасов возвратил телеграмму о. Лукина со своей "резолюцией": "Прот. Лукину — возвращается, как ошибочная, т. к. Исполнительный Орган не посылал. Председатель Исп. Орг. Тарасов"... Что с ним в конце концов делать? Простите, что при общем добром настроении приходится указывать и темные явления, особенно печальные в дни, когда Церковь зовет "простим вся Воскресением и друг друга обымем"... Вашего Святейшества усердный слуга и богомолец М. Г. Ленинград. 23 апреля 1952 г.»[32].

Конечно, во второй половине XX столетия в храме служило много достойнейших священнослужителей. Можно вспомнить, например, игумена Кирилла (Начиса), архимандрита Климента (Толстихина), некогда возглавлявшего Русскую духовную миссию в Иерусалиме, а также протоиерея Виктора Голубева. Можно вспомнить и ныне здравствующих священников, которые продолжают свои служения в разных храмах С.-Петербурга и других городов и пользуются уважением и любовью своей паствы, в их числе — протоиерей Владимир Сорокин, архимандрит Иринарх (Соловьев), протоиерей Александр Будников, протоиерей Геннадий Зверев, протоиерей Александр Ранне.

[32] *Александрова-Чукова Л. К.* Митрополит Григорий (Чуков). Служение и труды // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2006. № 34. С. 117.

Некоторые архиереи Русской Православной Церкви в молодые годы своего служения также были связаны с храмом св. Иова. Например, епископ Дамаскин (Бодрый), будучи еще иеромонахом, несколько раз направлялся митрополитом Никодимом (Ротовым) в данный храм, как и нынешний митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий (Немцов). Примечательно, что при освящении нижнего храма в честь Спаса Нерукотворного Образа в 1976 г. пел хор студентов Ленинградских Духовных Академии и семинарии под руководством Анатолия Елецкого, будущего митрополита Ионафана, известного ныне здравствующего церковного композитора.

С 2001 г. настоятелем является храма протоиерей Леонид Степанов, который долгие годы трудился вместе с уже упомянутым епископом Дамаскиным (Бодрым) в разных епархиях Русской Церкви.

Подводя итог, следует сказать, что храм св. прав. Иова Многострадального имеет важное значение для истории С.-Петербургской епархии. В общей сложности в этом храме на протяжении всей его истории служило более двухсот священнослужителей. И хотя данный храм строился вовсе не для полноценной приходской жизни, он стал и является таковым до сего дня. И вот уже 137 лет за каждым богослужением в нем священнослужители исполняют просьбу строительницы храма, поминая не только ее почившего мужа Иова Крюкова, но и ее саму и всех их сродников.

Источники и литература

Источники

1. Архив С.-Петербургской митрополии (АСПбМ). Ф. 1. Оп. 7. Д. 50 (Церковь св. праведного Иова на Волковском кладбище г. Ленинграда. Т. 1. 1947–1951 гг.).
2. Вновь воздвигаемые церкви в Петербурге // Петербургский листок. 1887. 19 (31) мая. № 133.
3. Освящение вновь построенной церкви на Волковском кладбище. Недельная хроника // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1887. 8 ноября. № 258.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 166. Д. 1170 (Дело канцелярии Синода о разрешении на постройку каменной церкви св. Иова на Волковском кладбище в Александро-Невской части. 1885 г.).
5. РГИА. Ф. 1293 Оп. 118 Д. 97 (Дело об одобрении проекта постройки каменной церкви св. Иова на могильных местах почетных граждан Крюковых на Волковом кладбище. 1885 г.).
6. Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 91. Д. 19 (Материалы и переписка по вопросу административного надзора).
7. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 879. Оп. 1. Д. 96 (Клировые ведомости церквей Волковского православного кладбища: Воскресения Христова; Нерукотворного Образа Христа Спасителя; Всех Святых; Св. праведного Иова. 1902–1907 гг.).
8. ЦГИА СПб. Ф. 897. Оп. 1. Д. 142 (Старая опись 1 за 1776–1925 гг.).

Литература

9. *Аладьин Е. В.* Православное Волковское кладбище. СПб., 1847. 44 с.
10. *Александрова-Чукова Л. К.* Митрополит Григорий (Чуков). Служение и труды // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2006. № 34. С. 117.
11. *Вишняков Н., прот.* Историко-статистическое описание Волковско-православного кладбища. СПб., 1885. 115 с.

12. *Галкин А. К.* Ермоген, патр. // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 633–646.

13. *Добронравин К., свящ.* Слово на день освящения церкви во имя всех святых, устроенной на Волковском Православном. кладбище иждивением Коллежского Советника и Кавалера Прокопия Ивановича Пономарева. СПб., 1853. 12 с.

14. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Т. 10. СПб., 1885. 200 с.

15. *Писаревский Н. Н.* Полтора года в Берлине (Заметки о религиозной и общественной жизни) // Богословский вестник. 1897. Т. I. № 3. С. 508–528.

16. *Тихомиров Б. А.* Вишняков Николай Петрович, прот. // Православная энциклопедия Т. VIII. М., 2004. С. 612–613.

17. *Харчевников А. С.* Подвиг, рождающий веру и вера, способная на подвиг: церковная жизнь блокадного Ленинграда // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 38–57.

18. *Харчевников А. С.* Церковно-общественная и проповедническая деятельность протоиерея Евгения Кондратьева (1868–1938) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 231–240.

19. *Харчевников А. С.* «Я виноват в том, что поторопился сделать совершенное»: архитектор А. П. Аплаксин и строительство церкви Успения Божией Матери на Волковском кладбище Санкт-Петербурга // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 36–47.

«Все вышеизложенное дает нам основания говорить о двуединой памятной дате — начале издательской деятельности Академии и создании ее издательства».

10-летие издательства Санкт-Петербургской духовной академии

19 мая 2023 года в Санкт-Петербургской духовной академии прошли торжества, приуроченные к 10-летию её издательства.

Вначале в храме святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова состоялся молебен, который возглавил ректор Академии епископ Петергофский Силуан. Владыке ректору сослужили протоиерей Димитрий Юревич, протоиерей Константин Костромин, священник Стефан Даниленко, священник Максим Никулин, диакон Андрей Ширыхалов.

По завершении богослужения владыка Силуан обратился к собравшимся с проповедью, в которой поблагодарил сотрудников издательства и отметил, что издание духовной литературы является благим делом, издавна присущим церковным деятелям:

«Сегодня мы благодарили Бога за то, что есть среди нас те, которые творят послушание, посильное не всякому человеку. Имея непосредственное отношение к издательской деятельности, могу сказать, что неслучайно преподобный Венедикт Нурсийский заповедует монахам, которые хотят жить благоугодно по его уставу, обязательно заниматься письменным мастерством. Мы знаем, что его завет “ora et labora” (“молись и трудись”) в дальнейшем получил распространение не только среди монахов Западной Европы. И наши подвижники — насельники древнерусских монастырей — прилежали делу письменному. Так или иначе, наша издательская деятельность тесно перекликается с трудами преподобных отцов, и мы видим в этом некую благую преемственность: издание книг святоотеческого наследия, книг, необходимых для духовного просвещения, учебных пособий является послушанием, которое было Церковью благословлено.

10 лет плодотворно действует Издательство при наших Духовных школах. Срок этот в глазах истории весьма незначителен, а в глазах Божиих — некая пылинка. Но за десятилетием деятельности Издательства Санкт-Петербургской Духовной Академии стоят люди, стоят деяния благие, которые никогда не исчезнут из истории и в глазах Божиих не затеряются».

После этого епископ Силуан вручил награды преподавателям Академии, стоявшим у истоков создания издательства, а также бывшим и действующим его сотрудникам.

Заведующий кафедрой библеистики протоиерей Димитрий Юревич (в 2013 году — проректор по научно-богословской работе, один из инициаторов создания издательства) и проректор по научно-богословской работе протоиерей Константин Костромин (в 2013 году приложивший активные усилия для создания издательства) были награждены почётными грамотами, подписанными митрополитом Калужским и Боровским Климентом, главой Издательского совета Русской Православной Церкви, «за труды, понесённые на ниве духовного просвещения и издательской деятельности».

Первые корректоры, редакторы и верстальщики издательства, ныне старший преподаватель кафедры богословия священник Максим Никулин, священники Петр Филонов и Максим Тарасов, старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета О. В. Пржигодзкая были награждены почётными грамотами Издательского совета Русской Православной Церкви.

Действующие сотрудники издательства были награждены медалями святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова «во внимание к трудам на благо Санкт-Петербургской Духовной Академии и в связи с 10-летием Издательства Академии»: II степени — Ю. О. Муравская; III степени — В. В. Муравский, Н. Н. Пимшина, О. Б. Рыбакова, Н. А. Тарнакин.

Затем в профессорской Академии открылся круглый стол с участием приглашённых гостей.

В начале мероприятия проректор по научно-богословской работе СПбДА протоиерей Константин Костромин зачитал приветствие митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия.

Далее приветственное слово Председателя Издательского совета Русской Православной Церкви митрополита Калужского и Боровского Климента огласил священник Стефан Даниленко, руководитель Секретариата научно-исследовательских проектов Издательского совета.

Также участники посмотрели видеопоздравление митрополита Тверского и Кашинского

Амвросия, во время ректорства которого, в 2013 году, издательство начало свою деятельность.

Далее епископ Силуан рассказал об истории развития издательской деятельности в Санкт-Петербургской духовной академии.

По словам владыки, с одной стороны, академическому издательству — 10 лет, с другой стороны, издательской деятельности Санкт-Петербургской духовной академии более 200 лет. Дело в том, что издательства в современном его понимании в Академии не было вплоть до 2013 года. Однако издательская деятельность велась в Духовной школе уже с первых лет ее существования. Так, начиная со второго выпускного курса (1817 год) и вплоть до конца 1820-х годов, в Академии регулярно издавались сборники студенческих работ и проповедей. Один из дореволюционных знатоков истории академии А. С. Родосский студенческие опыты прямо называл «предвестником» академического журнала. Также, по И. А. Чистовичу, «в 1815 г., по распоряжению св. Синода, напечатаны составленные ректором академии, архим. Филаретом — Разговоры между испытующим и уверенным о православии восточной Греко-российской Церкви». Все указанные издания печатались в сторонних типографиях, какой-либо собственной издательско-полиграфической структуры в составе Академии не было.

Спустя чуть больше 10-ти лет после учреждения в 1809 году собственно Академии, профессорская корпорация во главе с ректором архимандритом Григорием (Постниковым), учеником и преемником святителя

Филарета (Дроздова), приняла решение учредить духовный журнал. В 1821 году появился первый в истории православной периодики печатный орган — журнал «Христианское чтение», который является в настоящее время старейшим не только академическим, церковным печатным органом, но вообще российским изданием.

Спустя чуть больше полувека, в 1875 году, профессорская корпорация СПбДА инициировала издание при Академии еще одного журнала — «Церковный вестник». В начале XX века, в 1916–1917 годах, под вывеской Академии непродолжительное время также издавались «Церковь и общество» и «Церковно-общественный вестник».

Следует отметить, что издательская деятельность Санкт-Петербургской духовной академии, как непосредственная, так и через своих учеников и выпускников в XIX — начале XX веков была весьма обширной и разнообразной. Так, митрополит Григорий (Постников), выпускник первого академического курса и основатель «Христианского чтения», в 1855 году инициировал издание при Казанской духовной академии журнала «Православный собеседник», а в 1858 году — «Духовной беседы» при Санкт-Петербургской духовной семинарии. В 1860 году под редакцией выпускника XVIII курса СПбДА священника Н. Сергиевского в Москве начал выходить журнал «Православное обозрение», в том же году в Санкт-Петербурге вышел первый номер одного из самых популярных церковных периодических изданий — журнал «Странник» под редакцией выпускника XVII курса СПбДА В. В. Гречулевича.

По понятным причинам в период с 1918 по 1990 годы издательской деятельности в Академии не было и быть не могло. Ее возрождение связано опять-таки с «Христианским чтением», которое в 1990 году стало выходить под наименованием «Вестник Ленинградской Духовной академии». Интересно, что в те годы появление духовно-академического журнала имело такое значение, что № 2 за 1990 году вышел тиражом 10.000 экземпляров!

Таким образом, все вышеизложенное дает нам основания говорить о двуединой памятной дате — начале издательской деятельности Академии и создании ее издательства. Эти два события взаимосвязаны и неразделимы в истории Духовной школы, поэтому, с одной стороны, мы сегодня отмечаем 10 лет со дня основания издательства СПбДА, с другой стороны, воздаем должное нашим предшественникам, говоря о более чем 200-летней истории издательской деятельности Санкт-Петербургской духовной академии!

Следующим воспоминанием об истории создания издательства поделился заведующий кафедрой библеистики протоиерей Димитрий Юревич:

«Хотя формально издательство было создано 10 лет назад, фактически всё было готово к созданию в 2010 году. Мощный импульс в переходе к интенсивной издательской программе дал Святейший Патриарх Алексий II после того, как на Архиерейском Соборе 2005 года в своей речи затронул проблемы духовных академий. Касаясь нашей Духовной школы, он отметил, что от журнала “Христианское чтение” священноначалие ждёт большего, чем есть на данный момент, а в то время журнал выходил только раз в год.

Так случилось, что епископ Константин (Горянов), бывший тогда ректором, назначил меня на должность редактора-корректора в помощь отцу Владимиру Мустафину,

который тогда был главным редактором. Началась наша совместная деятельность, и журнал стал издаваться два раза в год вплоть до 2008 года.

Когда ректором стал владыка Амвросий (Ермаков), то он сразу поставил задачу заняться журналом "Христианское чтение". При этом стало понятно, что издательскую деятельность необходимо возглавить профессионалу, и отец Константин Костромин, тогда заведующий аспирантурой, порекомендовал Дмитрия Владимировича Волужкова. Вот так нашёлся человек с юридическим образованием и опытом административной работы, который смог стать директором издательства».

После этого директор издательства Дмитрий Владимирович Волужков поблагодарил своих сотрудников, как бывших, так и действующих — сказав несколько слов о каждом из них персонально, — отметив их особые личные качества, способствовавшие и способствующие ныне плодотворной деятельности такой обширной и сложной структуры.

В завершение круглого стола с размышлениями о развитии Издательства и его перспективах выступил проректор по научно-богословской работе протоиерей Константин Костромин.

По словам отца Константина, уже в конце 2023 — начале 2024 годов в Санкт-Петербургской духовной академии возможно появление блока из 4-х журналов, входящих в перечень ВАК. Это предъявляет особые требования к работе издательства и, одновременно, к Академии как его учредителю в смысле второго за истекшие 10 лет пересмотра штатного расписания и принципов финансирования (первый был в конце 2019 года). Издательству необходимо прежде всего увеличение штата корректоров и редакторов.

Отсюда же следует и налаживание регулярного выпуска остальных научных журналов Академии.

Из этого также вытекает насущная проблема кратко- и долгосрочного планирования работы издательства. Уже сегодня очевидно, что, например, по серии кафедры богословия «Теология: история и современность» возможно планировать выход монографий на 1–2 года вперед. Эту практику нужно поддерживать и развивать в отношении всех других изданий Академии.

Появившуюся в Академии традицию ежегодного отчета директора издательства перед Ученым советом на его «зимнем» заседании следовало бы дополнить оглашением планов издательства на ближайший год, принятием этих планов голосованием (и возможным обсуждением) членов Совета, и закреплением этих планов в протоколе заседания. Подобная практика стала бы реализацией закрепленного в Уставе Академии положения о контроле Ученым советом издательской деятельности Духовной школы.

Отдельная тема — сотрудничество с другими издательствами. До сих пор были лишь два случая такового сотрудничества — с издательством Герценовского университета и Издательским домом «Познание». К сожалению, в обоих случаях это были разовые проекты по выпуску монографий, не вылившиеся во что-то долгосрочное.

Издательству стоит продолжать проводить мероприятия на собственной площадке. Как показала практика работы Книжной гостиной в историческом здании Академии (2015–2022 годы), таковая площадка получила собственную физиономию,

выработала свой стиль работы, который очень нравился участникам конференций и круглых столов, проходивших там. Сейчас, в связи с ремонтом, Книжная гостиная закрыта. Очевидно, что издательству после переезда на новое место стоит продолжать по возможности поддерживать и развивать такой формат научной дискуссионной площадки.

На этом работа круглого стола завершилась, а его участники продолжили общение уже в неформальной обстановке за чашкой чая.

Справка:

Гостями праздничных торжеств стали профессор протоиерей Георгий Митрофанов, профессор А. В. Петров, доцент Д. А. Карпук, доцент И. Б. Гаврилов, доцент священник Михаил Легеев, доцент Д. Г. Добыкин, диакон Антоний Ковалевич.

Издательство Санкт-Петербургской духовной академии было создано в мае 2013 года, по инициативе ректора епископа Гатчинского Амвросия (ныне митрополита Тверского и Кашинского) и проректора по научно-богословской работе протоиерея Димитрия Юревича, для издания и распространения учебной продукции и периодики. Директором издательства со дня основания является Дмитрий Владимирович Волужков.

Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 15 мая 2017 года

Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии

№ 2 (14), 2023

Научный журнал

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

Главный редактор журнала: Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Официальный сайт журнала
https://scientific-journals-spbda.ru/herald-historical-society
Электронная почта журнала: vspbda@yandex.ru

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Корректор А. М. Чуб
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Юлия Гринько

Подписано в печать: 07.03.2024. Дата выхода в свет: 21.03.2024.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем: 10,5 а.л.
Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 26. Тираж 250 экз.